

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

**Рабочие – предприниматели – власть
в конце XIX – начале XX в.:
социальные аспекты проблемы**

**Материалы V Международной научной конференции
Кострома, 23–24 сентября 2010 года**

ЧАСТЬ I

Кострома
2010

ББК 63.3(2)53-282.1я43
Р121

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:
А. М. Белов (ответственный редактор),
Л. И. Бородин, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов,
А. В. Новиков (заместитель ответственного редактора)

Р121 **Рабочие** – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010 – Ч. I. – 197 с.

ISBN 978-5-7591-1137-5

В сборник вошли материалы V Международной научной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы», состоявшейся в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда 23–24 сентября 2010 года.

Авторами освещены новейшие подходы и методы исследования рабочего вопроса и социальные аспекты модернизационного развития России на протяжении второй половины XIX–XX столетий. Особое внимание уделено вопросам историографии, источниковедения и методологии изучения рабочих и предпринимателей России.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)53-282.1я43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-14037г)*

ISBN 978-5-7591-1137-5

© А. М. Белов, составление, 2010

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	стр 5
РАЗДЕЛ I. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ТУПИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
<i>Пушкарева И.М.</i> О социальной дифференциации и социальных ожиданиях рабочих России в дореволюционный период. Историография. Источники	7
<i>Бородкин Л.И., Пушкарева И.М., Шильникова И.В.</i> База данных о рабочем движении в России конца XIX – начала XX вв.	23
<i>Бородкин Л.И., Пушкарева И.М., Шильникова И.В.</i> Структура и динамика протестного движения рабочих России (1895-1904 гг.): анализ базы данных	39
<i>Репников А.В.</i> «Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие...» (русские консерваторы о социальных проблемах начала XX в.)	60
<i>Берзиньш Я.П.</i> К вопросу об истории семьи промышленных рабочих Латвии (начало XX века)	66
<i>Темницкий А.Л.</i> Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России	77
<i>Новиков А.В.</i> Эволюция протестных выступлений рабочих периода первой российской революции как смена моделей поведения в условиях социально-политического кризиса	87
РАЗДЕЛ II. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, ВЛАСТЬ И РАБОЧИЕ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И АССЕРТИВНОСТЬЮ	103
<i>Александров Н.М.</i> Отход как форма обеспечения рабочей силой промышленности России в конце XIX – начале XX в. (по материалам губерний Верхнего Поволжья)	103
<i>Глазунов С.Р.</i> Роль фабричной инспекции в разрешении острых со-	110

циально-трудовых конфликтов в России в конце XIX – начале XX в.

Карнишина Н.Г. Страхование законодательство в России в конце XIX – начале XX вв. 121

Лебедев А.В. Социальная политика руководства Северной железной дороги в конце XIX – начале XX вв. 125

Марасанова В.М. Массовые рабочие организации Верхнего Поволжья на страницах периодической печати 1905 – 1907 гг. 133

Потолов С.И. Проблемы легализации профессиональных рабочих организаций в России начала XX века: власти, предприниматели и рабочие 140

Белов А.М. Рабочие и самоопределение политических партий России в 1905 – 1907 гг. 150

Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в 1905 – 1907 гг. 157

Омельянчук И.В. Союз русских рабочих 160

Баранов А.Н. Самоопределение либеральной интеллигенции в условиях становления российской многопартийности начала XX века 167

Сулоев И.Н. Агитация кадетов среди крестьян в Костромской губернии в период выборов в первую Государственную думу. 176

Белова Т.В. Социальное самочувствие рабочих Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны 183

Сизинцева Л.И. «Тетради рассказов» музейных экспедиций 1950-60-х гг. как источник по истории самоощущения дореволюционных рабочих. 187

Сведения об авторах 196

Введение

С 2001 года в Костромском государственном университете проходят научные конференции, представляющие исследования по проблемам взаимодействия рабочих, предпринимателей и власти в модернизационном развитии России второй половины XIX – начала XXI столетий. Исследователи обращались к правовым, экономическим, общественно-политическим, но ключевыми всегда оставались социальные аспекты этой проблемы. Их анализу посвящены материалы данного сборника, включившего доклады, представленные на V Международной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX вв.: социальные аспекты проблемы», состоявшейся 23–24 сентября 2010 года.

Обращение к вопросам социального развития, социальной политики отнюдь не случайно в контексте поставленной темы. Бурный экономический рост в России второй половины XIX – начала XX вв. сопровождался отставанием развития социальной сферы, пренебрежением к социальным противоречиям со стороны государства и их запоздалым, непоследовательным решением. Решения, принимаемые предпринимателями в порядке частной инициативы, через благотворительные мероприятия, не снимали проблему, лишь подчёркивая существующие диспропорции. Всё это явилось одним из движущих факторов революционного слома начала XX столетия. Опыт реализации социальных программ и регулирования трудовых отношений в советский период также не был лишён противоречий. Этот период развития представил новые формы трудовых конфликтов и, в конечном счёте, не позволил преодолеть отчуждения рабочих в решении не только политических вопросов, но и проблем экономической эффективности производства. Взаимодействие рабочих, предпринимателей и государства в решении социальных вопросов, анализ возникающих при этом конфликтов, методика их изучения, выявление новых источников и фиксация состояния в историографии – те направления работы, которые традиционно присутствуют в ходе научных дискуссий на прошедших конференциях. Нынешняя конференция не является исключением. Сборник открывает глубокий анализ основных тенденций изучения вопросов социальной дифференциации и социальной неоднородности рабочих дореволюционной России в отечественной и зарубежной историографии. Дан обзор историографии изучения социальной структуры рабочих советского периода. В одном из докладов представлена современная историографическая ситуация в изучении революционных событий Октября 1917 г. Содержательные историографические экскурсы предваряют доклады, посвящённые изучению форм протестных выступлений дореволюционных рабочих, деятельности фабричной инспекции, политических партий начала XX века. Новые методы анализа источников применены в изучении «Хроники» рабочего движения в России в 1895 – 1904 гг. Раскрыт потенциал сплошного изуче-

ния (146 изданий) периодической печати при характеристике рабочих организаций дореволюционной России. Впервые вводятся в оборот воспоминания рабочих, собранные работниками костромского исторического музея. Поставлена проблема асертивного (самоутверждающего) поведения рабочих. Исследуется облик и социальная позиция дореволюционного предпринимателя. Вскрываются конфликты и противоречия советского периода модернизации.

За прошедшие годы сложился коллектив постоянных участников научного форума. Учёные представляют ведущие научные центры России и ближнего зарубежья. Это Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, Институт Российской истории РАН, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Институт истории Латвии (г. Рига), Российский государственный архив социально-политической истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Белорусский государственный университет (г. Минск). Широко представлены российские региональные вузы России, в том числе Алтайский государственный университет (г. Барнаул), Пензенский государственный университет, вузы Ярославля, Иванова, Владимира, Костромы. География исследований позволяет выразить особенности изучаемых процессов экономически развитых районов Российской империи и советской России. Анализ общероссийских тенденций дополняется краеведческими изысканиями. Это обуславливает высокий методологический уровень исследований, актуализированный, глубокий анализ современной историографии. В то же время в работе V научной конференции приняли участие новые исследователи, как уже известные в научном мире доктора и кандидаты наук, так и аспиранты, избравшие социальную историю в качестве направления своих изысканий. За прошедшие 10 лет работы конференции её участниками защищён ряд докторских и кандидатских диссертаций, издаются монографии, основные идеи которых звучали и апробировались на наших научных собраниях.

А.М. Белов, А.В. Новиков

РАЗДЕЛ I

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ТУПИКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.М. Пушкарева

80-летию со дня рождения Ю.И. Кирьянова посвящается

О социальной дифференциации и социальных ожиданиях рабочих России в дореволюционный период. Историография. Источники¹.

Российский пролетариат на рубеже XIX–XX вв. насчитывал примерно 10 млн (5,6 млн составляли рабочие крупных предприятий), удельный вес рабочего класса в самодеятельном населении России равнялся примерно 32 %¹. Он не представлял собой однородного социального целого. Особенности территориального возникновения и развития промышленности обуславливали его различия в национальном, конфессиональном, отраслевом составе. Внутри пролетариата выделялись фабрично-заводские рабочие, рабочие крупных предприятий, психология которых отличалась не только от представителей других классов, но и выделяла их во всей массе рабочих жизненным положением, общими условиями экономического и социального быта. Особое положение в промышленном производстве занимал верхушечный слой – мастера, табельщики и другие приближенные к администрации рабочие, а также – высокооплачиваемые, квалифицированные рабочие. Они отличались от миллионной массы пролетариата, особенно от «собственно пролетарского низшего слоя». Дистанции между различными слоями внутри армии наемного труда зависели от множества факторов, таких как уровень и регулярность получения заработной платы, условия труда, общие условия жизни, перспективы для себя и детей, взаимоотношения с администрацией, устойчивость социального положения и т.д. Аномалии, связанные с самодержавной политической системой, являлись причиной «социальных ожиданий», отличая рабочий класс от других классов русского общества. Социальные различия обуславливали основные параметры в определении облика рабочего класса.

Известно, что в советской историографии, начиная 30-х гг. не одно десятилетие, – господствовала своя «классическая» характеристика рабочего класса России. Отступать историкам со своими трактовками от принятых прописных теоретических положений означало вступать в противоречие с идеологической системой. Одним из типичных примеров, каким представ-

¹ Работа проводится при поддержке гранта РГНФ № 09-01-12119в.

² © И.М.Пушкарёва, 2010

лялись отличительные свойства революционного облика рабочего класса России начала XX в., является монография 1955 г. известного в свое время историка Ф.Е. Лося. В ней говорилось так: «Рабочий класс под руководством революционной социал-демократии перешел в начале XX столетия от борьбы с отдельными капиталистами к развернутой классовой борьбе. *Каждый рабочий начал осознавать себя частью всего рабочего класса* (подчеркнуто мною И.П.) и своей ежедневной экономической борьбой с отдельными хозяевами и чиновниками вел борьбу против всей буржуазии и самодержавного правительства»². Представление пролетариата постоянным и неизменным монолитом имело не мало общего с давно известным понятием – «коллективистская демократия» (ее называют еще идентитарной). Суть его в том, что оно исходит из целостности народа (класса, нации), наличия у него единой воли. Это – одна из моделей народовластия, отрицающая автономность личности, которая является в данном случае составной частью целостного организма (народа, класса, нации) и растворяется в нем. Она выражает первичность однородного по своему составу народа, при абсолютности власти большинства над меньшинством, над отдельной личностью³.

Политическая характеристика, которую дал рабочему классу Ф.Е. Лось, приведена потому, что во время дискуссии на всесоюзной сессии историков в ноябре 1967 г. в Одессе, а затем во время критики печати в связи с выходом сборника статей по ее материалам именно трактовки Ф.Е. Лося по поводу облика дореволюционного рабочего класса были признаны вышестоящими инстанциями «отработанным» в исторической науке. В это число вошла и концепция «превращения рабочего класса *уже в 1895–1903 гг.* из «класса в себе» в «класс для себя», а после II-го съезда РСДРП (1903 г.) *всем классом*, «осознавшем» свои задачи и главную из них – революционная борьба за социалистическое, а затем за коммунистическое общество»⁴. Эти ортодоксальные положения советской историографии в обстановке «холодной войны» в общем-то объяснимы. Они были призваны цементировать идеологическую основу советского общества «в борьбе с буржуазными и реформистскими идеологиями, направленными против марксистско-ленинского учения», на примерах прошлой истории доказывать готовность российского пролетариата с момента возникновения его революционной партии «осуществлять свою историческую миссию»⁵.

Американский ученый Г. Блумер назвал рабочее движение (наряду с женским общественным движением) среди других общественных движений аболиционистскими, поскольку они «формируют новое представление человека о своем месте в обществе и с мире в целом»⁶. Перенося эти рассуждения в историю, можно сказать, что, начиная со второй половины 50 – х гг., обращение к теме социальной дифференциации внутри рабочего класса и рабочего движения в условиях правительственного курса в СССР,

отражало появление социально-политического и культурного дрейфа российского общества.

Примером этого явилось появление в среде советских историков «нового направления» – так были названы выступления группы ученых на рубеже 60-70-х гг. против одномерной характеристики рабочего класса в ходе вышеупомянутых дискуссий. В этих выступлениях акцент на «социальную дифференциацию» рабочего класса оказался большим, чем просто научные споры. В эту группу входили главным образом сотрудники головного идеологического учреждения – института истории АН СССР, возглавлявшего фронт научных исследований. Темы докладов научной сессии в Одессе и тематика сборника были сформированы таким образом, что они прямо или опосредованно были связаны с экономической и политической дифференциацией пролетариата, собирали в фокусе то, что было наработано в науке по поводу разностороннего облика рабочего класса. В сборнике была статья «о всемирно-исторической роли российского пролетариата», но главным была постановка вопросов, связанных с субъективной характеристикой качеств пролетариата, выходящая на тему социальной дифференциации.

Дискуссия историков в СССР на рубеже 60-70-х гг. по поводу политического облика рабочего класса в России заинтересовала зарубежных российских историков. Далекое не все из них свой интерес к Российской империи делали полем борьбу двух идеологий, но и они понимали пока скрытые причины повышенного внимания к изучению облика рабочего класса, поднятой вдруг, казалось «не ко времени» проблемы, связанной с вопросом о закономерности социалистической революции 1917 г. в России. Например, американский историк Р. Зелник указал на то, что российские ученые фактически стараются понять: «как за 60 лет между отменой крепостного права и революцией (имелась в виду революция 1917 г. *И.П.*) рабочие самой «отсталой» в политическом и экономическом отношении европейской страны из небольшой составной части подневольного крестьянства превратились в революционный пролетариат, обладавший самым сильным в Европе классовым сознанием»?⁷ Зелник заметил, что советские историки, «хотя это и всегда проговаривается в открытую», постепенно отказываются от упрощения важных проблем». Он обратил на то, что, оспаривая жесткий схематизм, они начали изучения истоков социальных различий в российском рабочем классе и воздал должное исследованием этой проблемы до и во время возникшей дискуссии – трудам А.Г. Рашина, А.М. Панкратовой, а также Л.М. Иванова, Ю.И. Кирьянова, В.В. Адамова. В их подходах Зелник отметил «главное» – отсутствие заикленности на росте уровня пролетаризации рабочих России, а также то, что в центре их работ оказалась очень важная особенность процесса формирования – постоянное, вплоть до 1917 г., активное пополнение промышленной рабочей силы крестьянством, которое не могло не мешать его гомогенности.

К слову сказать, отечественная историография имела и более давние традиции в представлении о том, что рабочее сословие было тесно связано с деревней и с землей. В трудах Ю.Э. Янсона 1874 г., А.В. Погожева и Е.М. Дементьева 1879 -1885 гг., в книгах М.И. Туган-Барановского 1898 г., Б. Авилова 1899 г.⁸ русские рабочие не воспринимались как единый класс, каким он выступал в представлениях западных теоретиков – К. Маркса и других зарубежных авторов с его единственным экономическим показателем, полярно противопоставлявших труд и капитал. Позднее, уже в 20-е гг. XX в., А.М.Панкратова, М.К.Рожкова и некоторые другие историки, аккуратно формулируя (в связи с параллельно разрабатываемой концепцией о диктатуре пролетариата!) наличие социальной дифференциации в рабочей среде, заявляли о «двойственном характере рабочего класса на рубеже XIX–XX веков», выделяя такую его особенность, как наличие в нем переходного слоя рабочих – «классических маргиналов». Они указывали на то, что на рубеже XIX–XX вв. довольно значительная часть рабочих в России имела низкий квалификационный и культурный уровень, что их образ жизни в городе («артельные проживания» и др.) консервировал и «подчинялся» общинным началам. Психологический склад этих рабочих находил выражение в не критическом отношении к собственным условиям существования, в «готовности к социальному принижению» и что таким рабочим было свойственно непрофессиональное, халатное отношение к труду и т.д., и т.п. Эти работы указывали и на то, что в рабочей среде всегда наличествовало весьма дифференцированное отношение «к познавательным потребностям», неумение распорядиться самостоятельно собой и своей жизнью, а также приверженность колебаниям социального настроения («сегодня за царя, завтра на баррикадах против царя»). А.М. Панкратова отмечала, что эта особенность состояния рабочего сословия в России «в эпоху ускоренной индустриализации, экономического процесса модернизации» создавало трудности в формировании единства рабочего класса, как социальной структуры, создавало «сложности в пропаганде, агитации и организации среди рабочих с.-д. партий».⁹

Однако в 30-е гг. в советской историографии началось сращивание с политикой и с идеологией, превращение ее в составную часть идеологической системы, Оно продолжалось не одно десятилетие и рабочему направлению в истории России больше чем другим пришлось столкнуться с «подталкиванием» историков «сверху» к официозу. Л.М. Иванов , как руководитель с 1951 г. одного из подразделений идеологического института истории АН СССР , принявшего после смерти А.М. Панкратовой эстафету по разработке проблем истории рабочих России, не считал, что в сложной обстановке идеологической борьбы нужно отказываться от глубоких научных исследований микроструктуры пролетариата, от экономических различий в различных группах пролетариата. Заслуга Иванова состоит в том, что он, направляя молодых исследователей темы в архивы, старался при-

влечь внимание к проблеме «дифференциации» в среде рабочих, т.е. к теме, которая к тому времени была фактически забытой. Л.М. Иванов напомнил, что разработки в этом направлении имеются не только у историка – А.М. Панкратовой в 20-е гг., но у экономиста А.Г. Рашина и связаны они с формированием рабочего класса. Еще в книге 40-х гг. Рашин «делил» рабочих, указывая, что к 1917 г. примерно 30% индустриального пролетариата в России сохраняли связь с деревней и примерно 2/3 из них были заняты работой на земле.¹⁰ Л.М. Иванов сосредоточил усилия на выявлении еще большего числа различий при формировании рабочего класса, как бы нащупывая разные «переходные зоны» от «чистого пролетария» к рабочим, связанным с деревней, подчеркивая «дробность» рабочего сословия и в этих зонах. В докладе 1959 г на секции Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» он выделял три стадии развития промышленности и в соответствии с этим указывал на разные типы наемных рабочих. В рассуждениях об экономической пролетаризации и классовом сознании пролетариата анализ Л.М. Иванова был первоначально привязан к «двум» различным полюсам в жесткой линейной схеме: от «сельских жителей – к безземельным промышленным рабочим». Но следующим шагом в его исследованиях было уже обращение к более дробной дифференциации пролетариата с учетом различного стечения факторов в реальной жизни русского крестьянина-рабочего. Им подчеркивалась необходимость исследования не только двух типов рабочих – индустриальных и связанных с землей, но и дифференциации еще на стадии формирования пролетариата по отраслям производства с учетом выделения при этом рабочих крупных промышленных центров и т.д. Развивая тему, Л.М. Иванов предлагал дифференцировать» рабочих и при рассмотрении их экономического положения с учетом таких критериев как продолжительность рабочего дня, физический и социальный элементы заработной платы, влияние ее на уровень сохранения отработочной системы в сельском хозяйстве, с которой были связаны разные группы рабочих. В других работах он обращался к таким параметрам, как постоянный и временный характер труда, и связанные с ним – продолжительность рабочего года на отдельных предприятиях, производственный стаж и квалификация рабочих, промыслы и отход из деревень на заработки, как переходная форма превращения отходников в постоянных рабочих. По его подсчетам к 1890 г. пролетариат в крупной промышленности на 2/5 состоял из потомственных рабочих, неквалифицированные же были «плотно» связаны с деревней и в этом их было основное отличие, кроме региональных и отраслевых особенностей. Словом, в лице Л.М. Иванова и разделявших его взгляды историков, российская наука продвинулась к основному выводу. Он заключался, в том, что в России капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию,

который наполовину снискивает себе средства жизни в деревне. Что касается психологии большинства рабочих, попавших в большие города, то здесь Иванов расходился с Панкратовой. Он подверг сомнению ее представление о «социальных ожиданиях» рабочих, связанных с деревней: будто они накануне первой революции продолжали связывать свои надежды на будущее скорее с возвращением в деревню и улучшением условий работы на земле, чем с позитивными переменами на заводах и фабриках. Л.М. Иванов склонялся к тому, что рабочие особенно в крупных городах, напротив стремились окончательно избавиться от своего сельского прошлого и «превратиться в чистых пролетариев»¹¹.

Тема «социальных ожиданий» дореволюционного пролетариата России специально не разрабатывалась историками. В зашторенные идеологическими установками времена «ожидания» рабочего класса само собой сводились к революции. Как исследование долгосрочного фактора тема «социальных ожиданий» появилась в 1993 г. в докладе американского ученого Л. Хаймсона на международном коллоквиуме 1993 г. в Петербурге. Он отметил, что проблема «социальных ожиданий» в России с середины XIX в. больше всего касалась «наиболее вовлеченных в модернизацию страны рабочих, чем других слоев общества». Рабочие тогда «сильнее других переживали социальные и психологические последствия динамичного промышленного развития страны». Хаймсон напомнил, что в конце XIX в. в российском обществе наметились первые признаки того процесса, который западные общественные науки называют «revolution of rising expectations» (резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований).¹² Состояние недовольства своим положением у низших слоев в России он определил как «революцию в ожиданиях» и увидел ее в «рабочих конфликтах второй половины XIX в.». Он считал, что «состояние ожидания» наиболее заметно у «наиболее грамотных и урбанизированных слоев пролетариата», «застрельщиков предреволюционных политических забастовок, демонстраций и других форм массового рабочего движения»¹³.

С другой стороны фактически к той же теме «социальных ожиданий» российского пролетариата подошли другие российские ученые, подчеркивая, что различиям в среде рабочих должны соответствовать и их разные социальные ожидания, зависевшие от уровня социального развития человека. Так, Р. Зелник в статье 1994 г., анализируя на протяжении 1870-1905 гг. трансформацию индивидуального сознания разных социальных групп внутри рабочего класса, специально попытался разобраться в различиях социальных предпочтений рабочих России. Он пришел на первый взгляд к парадоксальному выводу, отметив, что у русских рабочих на рубеже XIX-XX в. «развивалось не коллективное, а индивидуальное сознание и Россия в этом смысле не выпадала из общего русла – тенденции к индивидуализации и приватизации».¹⁴ В то время, как работы советских авторов подбором фактов, подстроенных под марксистскую схему, доказывали только стремле-

ние рабочих к «коллективности», готовность «подчинить личное общественному», сплоченности пролетариев перед революционной схваткой, американская исследовательница М.Д. Стейнберг сделала один очень важный вывод. Она доказывала, что «растущий индивидуализм» не обязательно «устранял тенденцию к объединению», что он мог не противоречить тенденциям развития общего социального сознания, равно как и менталитету класса в целом.¹⁵ Такой взгляд позволял увидеть индивидуальные различия в «социальных ожиданиях» рабочих, втянутых в коллективные выступления.

Логика подсказывает, что индивидуальные ожидания рабочего – не природная данность: они осознавались им в процессе интеракций с другими рабочими, чаще всего в стачках и других совместных выступлениях. Этот процесс, как и групповое (коллективное) повышение уровня «социальных ожиданий» («revolution of rising expectations») можно представить на основе «репертуара» требований рабочих. Они представлены в известном уже историкам новом комплексе источников¹⁶. В 1895-1904 гг. эти «ожидания» открыто проявились у более 1,5 млн. рабочих, в более чем 8 тыс. трудовых конфликтов и сводились в основном к улучшению материального положения. Миллионы рабочих на протяжении этих лет ждали повышения заработной платы, регулирования ее получения, справедливых расценок на производимую продукцию, т.е. пересмотра вознаграждения за труд. Так, например, за 1903 г. составителями Хроники зафиксировано почти 3 тыс. (2869) требований и претензий (жалоб), предъявляемых рабочими во время стачек и волнений и ожидавших от предпринимателей, хозяев, администрации их удовлетворения.¹⁷ В их числе 45% претензий и требований были связаны с недовольством в оплате труда, а внутри этого требования была «своя» дифференциация: одни рабочие требовали увеличения заработка на копейки, а другие – на 30% и даже на 50%. Несколько групп рабочих (4,3% требований) боролась за компенсацию потерь в зарплате по причине болезни, ожидая государственных законов о страховании. 27% требований отражали надежды людей на изменение в нормировании рабочего дня, так как закон от 2 июня 1897 г. при исполнении его на местах не оправдал в немалом числе случаев ожиданий в рабочей среде. 8% требований было связано с условиями труда и почти 8% – с условиями быта. Причина столько небольшого числа претензий об улучшении условий труда и быта отражала психологический склад массы низших слоев рабочих, некритическое отношение людей к собственным условиям существования – «готовность к социальному принижению», о чем и писала в 20-е гг. А.М. Панкратова.

Источники фиксируют рост претензий и требований рабочих, напоминавших о своей личности. Например, требование «вежливого обращения», которое одновременно устанавливало социальную дистанцию равенства: из 9% требований, связанных с взаимоотношениями с администрацией,

мастерами, подрядчиками 43% составляли протест против грубого обращения. В эту категорию можно включить и отмену необоснованных штрафов (7% от общей группы требований, связанных с заработной платой), требование политического содержания – сохранение заработной платы за дни стачек (2,6%). Среди полтутора миллионов участников производственных конфликтов были группы «идейных» рабочих, связанных с политическими организациями, ведущими пропаганду и агитацию. Они отличались особой нетерпеливостью в «ожиданиях» и они меняли форму переходом от стачек к демонстрациям. В 1903 г. 8,5% забастовщиков (по тем же материалам Хроники) выдвинули требование демократических свобод, а в 1904 г. в связи с ростом антивоенных настроений – 9,4%. Накануне 1905 г. В.Е. Варзар отнес крупные групповые забастовки к политическим, назвав их «социальными». Если иметь в виду участников таких стачек в 1903 г, то их число составит около 140 тыс. (42% в этот год от общего числа забастовщиков против 22% по данным фабричной инспекции). Количество же «нетерпеливо ожидавших» участников таких стачек за все десятилетие с 1895 по 1904 г. превысило полмиллиона (585 тыс. или 45% от общего числа).¹⁸ В этой группе с переходом от экономической борьбы к политической возможна дифференциация между групповыми, коллективными, общегородскими профессиональными, всеобщими стачками. Представленный в Хронике материал содержит исходные данные и по такой малоизученной для пролетарского движения проблеме, как этноконфессиональная дифференциация: например, выясняется, что причинами некоторых стачек была вражда между православными рабочими и евреями, между православными и мусульманами. Эти стачки отличались от «интернациональных» выступлений рабочих, которые спланивали пролетариев различных национальностей с пробудившимся «классовым самосознанием».

На упомянутой выше научной сессии в Одессе 1967 г. Ю.И. Кирьянов поставил задачу увязать экономическую и политическую характеристику различных слоев рабочего класса и с этой стороны «увидеть» различия в рабочем классе. Вырвавшись из биполярного континуума «крестьянин-рабочий», он высказал то, о чем историки давно думали, но «ходили вокруг да около». В предисловии в названном выше сборнике об облике российского пролетариата была фраза, содержание которой было раскрыто в статье Ю.И. Кирьянова, вызвавшей особенное неприятие критиков-ортодоксов, посчитавших его поставку вопроса крамольной. Взяв на себя роль защитников марксистско-ленинской методологии, они увидели в развитии исторической мысли отвержение принципа партийности, поползновение на существование «единства советского народа». В предисловии сборника было сказано, что фактически в историографии «социальный портрет пролетариата подменяется схемой, лишенной черт конкретной действительности»¹⁹. В статье же говорилось о том, что «согласно этой

схеме, в литературе преувеличиваются уровень сознательности и организованности пролетариата, однозначно трактуются такие понятия, как, например, «революционность...»²⁰. Приведя большой фактический материал о факторах влиявших на формирование пролетариата, Ю.И. Кирьянов на первый план выдвинул вопрос о необходимости политической дифференциации уровня сознательности рабочего класса. Со ссылкой на авторитеты известных политиков им было сказано, что рабочий класс любой капиталистической страны состоит «как бы из трех основных частей, имеющих различия в психологии, идеологии, организованности, поведении и т.п.» и тем самым им названы критерии дифференциации. Ю.И. Кирьянов указывал на страницы в работах В.И. Ленина, где говорилось о том же, правда не привел в данном случае ни одной цитаты из них. Возможно потому, что Ленин подкреплял свою точку зрения, ссылаясь на К. Каутского. Ю.И. Кирьянов сослался не на «теоретика ортодоксального марксизма», а на статью «революционного марксиста» В.В. Воровского «Социал-демократия и рабочая масса», в которой тот указывал на трехмерную структуру пролетариата, предложенную ...Каутским. Последний «расчленял» рабочих «на три группы в соответствии с уровнем их сознания: 1) совершенно сознательные в классовом отношении; 2) «*борющиеся*», то есть вступающие в стихийные классовые противостояния, не вполне понимая их суть; 3) несознательные «массы»»²¹. Заметим, что, предлагая такое же «расчленение», Ленин не включал в первую профессионалов, лидеров партии социал-демократов. Он ограничивался дифференцированием только «массы рабочих» и называл три их слоя так: 1) «рабочие-передовики»; 2) постоянно рождавший «передовиков» широкий слой «средних рабочих», «жадно стремящихся к социализму» и отличавшийся от передового слоя только тем, что не давал «себе полного отчета в сложных теоретических и практических вопросах»; 3) «масса нижних слоев». Ленин констатировал «тягу» третьего слоя к знанию «несмотря на отупляющую каторжную работу на предприятии».²² Характеристика Ленина в этой работе дополнялась в других признанием недостаточной зрелости русского пролетариата *в политическом отношении и того факта, что передовой и сознательный в этом отношении слой рабочих в стране был очень «узок»*²³.

Для политиков начала XX в. деление огромной массы рабочих России всего лишь на три части было условным и имело чисто практические цели, связанные с их профессиональной революционной деятельностью. «Как анатом с научной целью расчленяет единое тело, так и социологу в целях анализа приходится давать группировки более резкие, чем они существуют на деле»²⁴, – писал тогда Воровский. Для историков – Ю.И. Кирьянова и других его сторонников в этом вопросе – этот историографический факт был подтверждением, что в советских изданиях присутствует односторонняя характеристика рабочего класса России, «скорее социологического, чем конкретно-исторического порядка». Несмотря на официальную критику

ку не сразу, но в работах уже начала 80-х гг. проблема социальной дифференциации рабочего класса дореволюционной России получила дальнейшее развитие. Трудности исследования состояли в том, эти всем было ясно, что «три части» не являются самостоятельными обособленными группами и границы между ними особенно во время подъема рабочего движения весьма условны, но для продолжения исследования проблемы нужна была хорошая информационная база источников и их разработка.

Отголоском прежних концепций было усиление внимания исследователей прежде всего к передовой части пролетариата. Начали отрабатываться критерии этой группы, на первое место выдвигались ее связи с с.-д. рабочей партией. Это отражали и главы первого тома трехтомника «Рабочий класс в СССР». В качестве главной определяющей черты, характерной для «рабочих передовиков» отмечалось их «враждебное отношение к предпринимателям, властям, царю, *осознание* ими классовых интересов в борьбе не только за насущные нужды и освобождение от гнета самодержавия, но и за полное избавление от гнета капитала, за социализм».²⁵ Подбором конкретного материала подчеркивалось, что там, где был значителен в численном отношении состав рабочих-передовиков, протесты возникали не только по экономическим поводам (неправильность расценок и т.д.), но и политическим, касавшимся общности интересов рабочего класса, его борьбы с самодержавным строем за демократические права, за представительство рабочих в учреждениях, где решались государственные проблемы и т.д. Рабочие-передовики представлялись в сплоченных группах как организаторы стачек и других выступлений. Указывалось на их тягу к знакомству с социалистической, марксистской литературой, на связи их с комитетами и кружками революционной рабочей партии, на их участие в работе с теми, кто мог примкнуть к рабочему движению и т. д. Критериями передового слоя рабочих (учитывались представители разных национальностей, связанных в том числе с национальными с.-д. рабочими партиями) были энергия, «выдержанная революционность», преданностью делу борьбы рабочего класса. Тщательно, буквально поименно собирались факты о вхождении передовых рабочих в состав местных с.-д. организаций, но даже взятые вместе эти сведения указывали на то, что, действительно, слой «сознательных» рабочих, входивших в состав «актива» революционной партии, был тончайшим²⁶. В.В. Ложкиным было установлено, что рабочие, участвовавшие в организационной и агитационно-пропагандистской работе в 1894-1898 гг. в небольших нелегальных партийных организациях РСДРП (без Бунда, латышских, литовских, польских и др. национальных партий), составляли лишь 26%, а за 20 лет – с 1883 г. по 1903 г. через с.-д. организации в качестве их участников прошло немногим более 2,8 тыс. рабочих²⁷. Сейчас обращаясь к материалам Хроники, необходимо подчеркнуть, что в дореволюционный период в рабочей среде действовали комитеты и группы не менее 16-ти только социал-демократических и социалистических

партий, не считая рабочих профессиональных или общественных организаций, находившихся под влиянием либеральной демократии²⁸. Конечно, все это влияло особым образом на процесс самоидентификации этих рабочих, но не только по этой причине он охватывал гораздо большие слои пролетариата и не только под влиянием рабочих партий.

В 1995 г. международный научный colloquium в Петербурге был специально посвящен – «рабочим-передовикам», рабочей интеллигенции, сыгравшим в дореволюционный период активную роль в пропагандистской и агитационной деятельности с.-д. организаций среди «широкого слоя средних рабочих» в конце XIX – начале XX в. Отличительной чертой «верхнего» среднего слоя рабочих, границы которого с рабочими-передовиками были сильно размыты, являлся не только интерес к знаниям, к политической литературе, «сознательное отношение к общественным вопросам», но и образ жизни, приверженность к умственным занятиям в свободное от основной работы время. В докладах на этом colloquium подчеркивалось, что слой рабочей интеллигенции был немногочисленным и в последние годы XIX в. таких рабочих насчитывалось в «лучшем случае сотни»²⁹. Но все же эта тема требует доработки, так как многое зависит от условности понятий. Например, отличительной чертой «среднего слоя» дореволюционного периода признана тяга к знаниям, посещение вечерних школ и курсов, театров, художественных выставок и, конечно, чтение газет и книг. Конечно, надо иметь в виду, что по данным переписи населения в 1897 г. грамотных рабочих-мужчин было лишь около 60 %, а с учетом женщин – грамотных рабочих – 52%. Но имеются и другие факты: с появлением воскресных школ, разного предназначения «народных домов», культурно-просветительных обществ, народных театральные студии и т.п. и «средние слои» рабочих устремились в эти организации. Значительную роль в их работе играла либерально-демократической интеллигенция из числа ученых, профессуры учебных заведений, демократического студенчества. Только через воскресные школы в Петербурге прошло за десять первых лет после начала их работы более 7 тыс. человек и среди них преимущественно рабочие. В 1903 г. Министерство народного просвещения зарегистрировало в России более 749 воскресных школ, а также 500 курсов специально для рабочих; существовали школы для евреев и магометан, в которые приглашались рабочие и ремесленники.³⁰

Новые показатели, полученные на основе материалов Хроники, предлагают задуматься над тем фактом, что за десять лет с 1895 г. в стране возникло более 700 рабочих и партийных комитетов и групп и подчиненных им кружков и типографских групп. Они существовали и в центральных промышленных центрах и в глубинках с текстильными фабриками. При этих организациях исследователи насчитали не менее 100 библиотек только содержащих с.-д. литературу; около 170 рабочих и партийных комитетов имели стачечные кассы.³¹ Широкий слой передовиков и средних рабо-

чих, по-разному, конечно, был связан со всеми этими партийными, рабочими и общественными организациями, средний слой «тянулся» и не только к «рабочим передовикам». Различий в смысле «сознательности» этом слое было очень много. Из этого слоя во время стачек быстро формировалась «борющаяся часть», хотя, «вступая в классовые противостояния», многие из рабочих могли не вполне понимать их суть, конечные задачи борьбы, при стремлении к активной деятельности могли и не знать о существовании политических партий. Были рабочие, которых вполне устраивала связь с общественными организациям – кассами взаимопомощи, благотворительными, культурно-просветительными.

Рабочее сословие в России представляло вечно менявшееся, находившееся в движении море людей. Рабочему России, сформировавшемуся в системе патернализма, трудно было осознать, что в капиталистическом обществе нужно находиться постоянно в борьбе за улучшение своего положения, что государственные учреждения и даже куцые законы защищают не его интересы, а прикрывают эгоизм правящих классов и структур Источников, с которыми имеет дело новая рабочая история в России, можно, конечно, «разговорить» и отличить рабочих, «достигших экономического самосознания», идентифицирующих себя в обществе, а тем более вступивших на путь борьбы, от пролетариев «серых и несознательных», чуждых всякой политики. К «низшему сословию» может быть отнесены рабочие, из умонастроений которых не исчезла «верность вольной обработки земли», которая могла и укрепляться вследствие условий работы в городе. Исследование, проведенное недавно А.В. Новиковым, указывает, что и этих рабочих следует различать («дифференцировать») на основании «плотности» связи с землей: связь пассивная, действительная и косвенная связи. Пассивная связь сохранялась у всех рабочих, пришедших из деревень на фабрики и имевших землю. В сельских районах такие наделы сохранялись более чем у половины рабочих. Прямые связи выражались в непосредственном участии рабочих в обработке земли. И таких рабочих, по оценкам А.В.Новикова, в сельских фабричных районах насчитывалось от 30 до 40 %, в то время как доля рабочих крупных промышленных центров, эпизодически уходивших на полевые работы, была незначительна. Наконец широко были распространены косвенные связи рабочих с селом через членов их семьи, ведущих хозяйство в деревне. Эти связи смягчали недостатки фабричного заработка рабочих, позволяли какое-то время мириться с неустроенностью фабричной жизни, но вносили дополнительные различия в интересы и устремления разных групп рабочих.³²

Вообще «низший слой» историками значительно слабее изучен и главное не ясно, насколько и в каком направлении он способен был влиять на ход событий в стачках на отдельных предприятиях и в рабочем движении в более широких масштабах. Нельзя сбрасывать со счетов такой важный фактор, влияющий на рабочего, как внеэкономическое принуждение.

Р. Зелник предполагал, что уверенность Ленина в том, что массы рабочих готовы жертвовать собой в борьбе за «установление порядка, от которого выиграют» основана на том, что «он понимал значение «внеэкономических» факторов, «сообщавших особую энергию недовольству рабочих», которые ухудшали и без того тяжелое положение людей, «из которых выжимали так называемые «русские сверхприбыли»³³. Но на низшем уровне в определенное время могла воцариться и «власть толпы», а «социальный негативизм» в этом случае мог не свидетельствовать о зрелости рабочего движения? В пылу борьбы рабочий люд вряд ли проводил тонкие границы между экономической и внеэкономической эксплуатацией. Эта схема ценная сама по себе для ученых, должна быть историками связана с мышлением рабочих. Здесь особенно ценными могли бы быть исследования на микроуровне, показывающие в том числе изменения в их сознании при появлении руководящей политической идеи или организационного начала. Имея в виду «низший слой» пролетариата, Ленин через газету «Искра» требовал от социал-демократов издания листовок и брошюр, специально написанных наиболее популярно, приближенных «к анализу местных трудовых конфликтов», чтобы *пробудить социальное сознание* в низших слоях пролетариата, но при этом «не приспособливаясь к уровню низов». По этому поводу он привел слова того же К. Каутского, который писал, что «агитация должна быть индивидуализирована, но тактика партии, ее политическая деятельность должны быть едины»³⁴.

Имея в виду низший слой пролетариата дореволюционной России, некоторые ученые в последние годы видят на политической арене только толпы, скопление, сборище людей, ставших «движущей силой» революций, сеющих смуту вместе с восставшим крестьянством, называют российского рабочего начала XX в. «истлевшим театральным реквизитом» истории.³⁵ Это вполне понятно. История массового рабочего движения и особенно связанных с ним рабочих с.-д. партий не изучается уже не одно десятилетие. Психология масс, векторы социального насилия прошлой истории остаются на обочине исторической науке. В рабочей истории, пережившей кризис историзма вместе с мировым кризисом исторической науки, остается много нерешенных проблем. Например, мною уже поднимался вопрос: почему на рубеже XIX-XX вв. лишь меньшинство рабочих проявили себя, как активная сила? Это подтверждает и статистика стачек, дополненная на основе Хроники фабричную инспекцию в 4 раза по числу стачек и в 3 раза по числу стачечников. Тем не менее, введение в научный оборот этой информации показывает, что ежегодно в 1895-1904 гг. в открытой борьбе за экономические права (в форме стачек или волнений) участвовало не более 8-10% от общей численности рабочих в России; в половине стачек участвовала лишь часть рабочих. На лицо «социальная дифференциация»! При этом историкам до сих пор неизвестно, каким же был состав 90% «молчавших», в чем заключались их «социальные ожидания»,

которых не могло не быть? Почему многие рабочие не поддавались на агитацию и пропаганду? Были ли они «продвинуты» в общественно-политическом смысле? Что крылось под их стабильностью: особые условия труда по сравнению с «бунтовщиками», законопослушание или другие факторы? Каким было давление на рабочего мещанских слоев города, социокультурной архаики? Кто среди рабочих решался на открытый протест и кто ему противился? Какую роль играло убеждение со стороны агитаторов или администрации предприятий и т.д., и т.д.? Все эти вопросы также тесно связаны с темой «социальной дифференциации» и «социальных ожиданий». Они требуют новых походов и методик при обращении к источникам.

Итак, в статье только обозначены отдельные вехи в эволюции историографии, включавшей труды, в которых была дана характеристика российского пролетариата. Заявление о том, что до революции 1905–1907 гг. «каждый рабочий начал сознавать себя частью рабочего класса» можно было бы считать неудачной фразой, если бы за этим не крылись принципы авторитарной идеологии. Постепенное наращивание работ, связанных с социальной дифференциацией рабочих было важным для отхода от традиционных представлений, укоренившихся у большинства обществоведов. Состояние рабочего класса, незавершенность процесса его формирования, о чем свидетельствовала социальная дифференциация, во многом отразилось и на характере событий, связанных с Октябрем 1917 г., да и в годы советской власти. Не это ли, искажая представление К. Маркса о диктатуре пролетариате, отражая «незавершенность» развития капитализма в России, породило неизбежность огромных бюрократических извращений новой власти после 1917 г., применение насилия против тех слоев и представителей общества, которые по ее мнению сами или в своих трудах «нарушали» политическую и социальную гомогенность советского народа? История социальной дифференциации рабочего класса важна и потому, что пролог революций в России, связанных с подъемом массового и общественного движения пока не получил однозначной оценки в отечественной науке.

Обращение к истории исследования социальной дифференциации в рабочей среде отразило эволюцию идеологической системы российского общества во второй половине XX в., позволило вспомнить об ученых-профессионалах, которые в трудных условиях «той» повседневности боролись «за правду в истории» против ее фальсификации, несмотря на сопротивление бюрократического партийно-государственного аппарата. Историография темы указывает на положительный результат взаимодействия российской и зарубежной гуманитарных наук.

В статье представлена общая панорама перекрещивающих различий в разных слоях формировавшегося рабочего сословия в дореволюционный период. Они различались, не оставались стабильными, меняясь в зависимости от времени, изменений в составе и численности и других факторов,

также как и социальные ожидания рабочих. Поднятая тема, ставит ряд новых вопросов: обращаясь к социальной дифференциации, надо ли иметь в виду революции в России, в развитии которых лежали объединительные интеграционные процессы? Правильно ли акцентировать внимание на сознательности участников движения в отрыве от этих процессов, выискивая в рабочих только «крестьянское» начало? Еще такой вопрос: могут ли быть сброшены со счетов наработки о деятельности на местах партийных организаций, представленные в очерках местных партийных организаций в советской историографии, а также в материалах Хроники, например, с информацией о 4,5 тыс. наименований листовок, обращенных только к рабочим? Какие изменения в социальной дифференциации происходили в связи с наплывом в города наемных рабочих в начале XX в.? Сохранялось ли неизменным в качественном отношении ядро революционного процесса в России?

Сегодня и в отечественной, и в зарубежной литературе проблема социальных различий исследуется все глубже, больше в рамках микроистории, перемещаясь к индивидуальным биографиям рабочих. Ученые – историки и социологи ставят задачу через личность вообще и рабочего, в частности, привлечь внимание к тем диалогическим практикам, посредством которых возможно ответить на вопрос: насколько изучение личности (субъективного) способно приблизить исследователя к осмыслению актуальных проблем истории.³⁶ Исследуя на основе специальных новых методик индивидуумов – рабочих, их отношения с предпринимателями и властью, вполне возможно посредством источниковедческих практик привлечь внимание к «моделям» личностей рабочего и через нее представить социальную дифференциацию и социальные ожидания в широких пролетарских массах. Используя человека, как предмет исследования, возможно дать оценку исторический процессу с позиций человеческой личности, обсудить проблему отражения исторических событий в судьбах и самосознании человека, в процессах самоопределения личности прежде всего в период войн и революций. Эти важные вопросы нуждаются в глубоком осмыслении для понимания политических и культурных процессов, информация о которых ранее давалась больше на макроуровне. Последние примерно более четверти века рабочая история прошла сложный путь от отвержения к критическому переосмыслению, выйдя на новый виток. Признавая факт растущего интереса к разработке проблем микроистории, трудно отказаться и от исследования элементов «архитектуры» макроисторических процессов. Представляется, что и здоровый консерватизм необходим науке также, как поиски новых путей исторического исследования.

¹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Отв. ред. Ю.И.Кириянов, М.С.Волин. Изд.2. М. 1989. С. 272-273.

² Лось Ф.Е. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба (конец XIX столетия – 1904 г.). Киев., 1955. С.324.

³ Примерно этот тип демократии имел в виду еще Жан Жак Руссо (1712–1778). Он вступал против дифференциации общества на «публичное» и «частное», как «разрушающей общество», за «формирование народа», передачи ему суверенитета, т.е. за полное отчуждение «каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины». С этого момента личность должна, по его мнению «утрачивать» свои права, так как государство, как «единый организм», заботиться о своих членах, которые в свою очередь «обязаны заботиться» о благе государства. (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969 С.161). Историк А.Н. Кураев, представляя это сочинение Руссо, вообще считает, что «тоталитарная направленность концепции его демократии получила развитие в марксизме и особенно – в ленинской и сталинской теории демократии», а также «реализовалась на практике в моделях «демократии» в социалистических государствах Европы недавнего прошлого» (Кураев А.Н. Риски демократических систем власти. М., 2006. С.136–142 и др.). Дискурс на эту тему был бы интересен, но это не задача данной статьи.

⁴ Сборник назывался Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. (М., 1970); критическая статья о нем – « О книге "Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970" //Вопросы истории КПСС. 1972. № 9. С. 125 и др.» - была написана по заданию Отдела науки при ЦК КПСС П.А. Голубом, В.Я Лаверычевым и П.Н. Соболевым.

⁵ Там же.

⁶ Blumer H. Social movements // Studies in social movements. A social psychological perspective / Ed. by B. McLaughlin. N. Y. 1969. P.9

⁷ Zelnik R. Russian Workers and the Revolutionary Movement. // Journal of Social History. 6:2 (Winter 1972/1973). P. 214-236. С этой статьей на русском языке исследователи могли познакомиться лишь в 2007 г. – см: Зелник Р. Личность, протест, история. - СПб. 2007. - С. 87.

⁸ См. об этом подробнее: Полянская Ю.М. Изучение маргинальных слоев в социальной структуре пореформенной Москвы // Историк и время . 20–50-е гг. XX в. А.М. Панкратовой. М., 2000. С. 34–39.

⁹ Панкратова А.М. Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 г. // 1905 г. История революционного движения в отдельных очерках. М.-Л. 1925 . М., 1931. Т. I С. 223; ее же. Проблемы изучения рабочего класса России. // Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов. изд 2-ое. М. 1930. Т. I. С. 390–404; ее же Проблема изучения истории пролетариата. // История пролетариата СССР. I. М., 1931. С. 1–38; Рожкова М.К. Рабочие Трехгорной мануфактуры накануне во второй половине XIX в. // Там же. С. 223.

¹⁰ Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России. Изд. 2-е. М. 1958. С.560

¹¹ Иванов Л.М. Состояние и задачи изучения истории пролетариата в России // Вопросы истории . 1960. № 3 С.50-74.; его же. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класса рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С 116-117; см. также: об этом. Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сб. статей к 100 –летию со дня рождения. М. 2009. С.12-42, 59-91.

¹² Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.23.

¹³ Там же. С.24.

¹⁴ Zelnik R. On The Eve: Life Histories and Identities of Some Revolutionary Workers. 1870-1905 // Sigelbaum L., Suny R. (eds.) Making Workers Soviet: Power, Class and Identity / Itaca, 1994. P.27-65/

¹⁵ Steinderg M.D. Workers-Authors and cult of the Person // Frank S., Steinberg M. (eds.). Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton. 1994 / P. 168-194/

¹⁶ Имеются в виду 10 выпусков 16 книг общим объемом 350 п.л. издания «Рабочего движение в России. 1895-февраль 1917 г. Хроника»: Вып. I. 1895 год. М. 1992. 172 с.; Вып. II. 1896 год. М.- СПб., 1993. 247 с.; Вып. III. 1897 год. М.- СПб., 1995. 353 с.; Вып. IV. 1898 год. М.-СПб., 1997. 352 с.; Вып. V. 1899 год. М., ИРИ РАН 1998. 391 с.; Вып. VI. 1900 год. М.- СПб., 1999. 411 с.; Вып. VII. 1901 год. СПб., 2000. 607 с.; Вып. VIII. Ч. 1–2. 1902 год. М. ИРИ РАН. 2003. 836 с.; Вып. IX. 1903 год. Ч. 1–4. М., ИРИ РАН. 2005. 1290 с.; Вып. X. 1904 год. Ч. 1–3. М., ИРИ РАН. 2008. 808 с..

¹⁷ Хроника. Вып. IX. 1903 год. С.28-29.

¹⁸ Пушкарева И.М. Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века. // Отечественная история. 2007. № 2. С.109-110..

¹⁹ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония... С.6.

²⁰ Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России. // Там же. С.107.

²¹ Цит. по кн: Зелник Р. Личность, протест, история... С.92.

²² Ленин В.И. Попытное направление в русской социал-демократии. Полн. Собр. соч. Т. 4. С.269

²³ Ленин В.И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы. Полн. собр, соч. Т.19 С.358; его же. Речь на II всероссийском съезде Комисаров труда. Там же. Т.36. С.369

-
- ²⁴ Воровский В.В. Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955. С.387-388.
- ²⁵ Рабочий класс СССР. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2 изд. М., 1989 г. С.594.
- ²⁶ Ложкин В.В. Роль рабочих в создании РСДРП //Вопросы истории. 1983 .№ 7. С. 64–80. По подсчетам автора число рабочих, участвовавших в работе во всех социал-демократических организаций составляло: в 1895 г. – 58 чел., в 1896 г. – 96; в 1897 г. – 103; в 1898 г. – 117; в 1899 г. – 108; в 1900 г. – 140; в 1901 г. – 213; в 1902 – 328; в 1903 г. – 489; в 1904г. – сведений нет. (При этом не исключены повторения фамилий одних и тех же рабочих в работе организаций в разные годы)
- ²⁷ Ложкин В.В. Когорта славных. М. 1986. С.41-59. Правда, заметим, что В.В.Ложкин, используя труд историков 20-х гг. во главе с В.И. Невским, включил в ИПС лишь 35% от общего числа социал-демократов России.
- ²⁸ Пушкарева И.М. Рабочие и партии России в канун революции 1905-1907 гг.//Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.,2005. С.146-164..
- ²⁹ Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций .1861-февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 77.
- ³⁰ Там же С.84
- ³¹ Пушкарева И.М. Возвращаясь к забытой теме... С.111.
- ³² Новиков А.В. Причины активизации рабочего протеста в России и 1905 году. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Исторические науки». 2006. Т. 12. №5 (20). С. 67-69.
- ³³ Зелник Р. Личность, протест, история... С.95.
- ³⁴ Ленин В.И. Попятное направление... Указ соч. С270-271.
- ³⁵ Булдаков В.П.Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010, С.141.
- ³⁶ См. на сайте Института истории РАН в Санкт-Петербурге доклады международного colloquiuma 7-9 июня 2010 г. «Человек и личность как предмет исторического исследования Россия конец XIX-XX вв». На нем были обсуждены проблемы: концепция личности. и их преломлениях во времени, становление личности в кризисную эпоху, формирование идентичности рабочего, личностные модели поведения, феномен и парадоксы российского революционера начала XX в. и др.

Л.И. Бородкин, И.М. Пушкарева, И.В. Шильникова

**База данных о рабочем движении в России
конца XIX – начала XX вв.¹**

В последние годы изучению стачечного движения в дореволюционной России конца XIX – начала XX в. уделяется не слишком много внимания. При этом для исследования данной темы появилось гораздо больше возможностей, в том числе с точки зрения применения новых методов и технологий сбора, изучения и хранения информации. В настоящей работе дается описание базы данных по сведениям источников о динамике и структуре рабочего движения в России в 1895–1904 гг. Это десятилетие, предшествовавшее Первой русской революции 1905 г., определило в значительной степени ход событий в стране в течение следующего десятилетия, оказавшегося ключевым в истории России XX столетия. В основу нашей базы данных положено уникальное издание «Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника» (далее «Хроника»), которое впервые включило достоверные, информативные и однородные данные о тысячах конфликтов с участием рабочих на территории Российской империи на ру-

¹ Работа проводится при поддержке гранта РГНФ № 09-01-12119в.

² © Л.И. Бородкин,
И.М. Пушкарева,
И.В. Шильникова, 2010

беже XIX–XX веков. Точкой отсчета был выбран 1895 г., отмеченный резким подъемом рабочего движения (число стачек в 1895 г. по сравнению с 1894 г. увеличилось больше чем в 5 раз, а число стачечников в 2,5 раза) и переходом политических организаций от пропаганды к активной агитации в рабочей среде. Являясь вторичным источником, основанным на архивных данных, «Хроника» содержит большой массив статистической и нарративной информации. Это позволило создать на ее основе базу данных, вобравшую в себя первичные материалы о каждом конфликте и позволяющую провести многоаспектный анализ стачечного движения в дореволюционной России (1895 – 1904).

Первая часть статьи посвящена характеристике «Хроники», во второй представлена характеристика созданной на основе «Хроники» базы данных.

* * *

«Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника» – новый массовый источник по истории рабочего движения, не имеющий на сегодняшний день аналогов в российской исторической науке. В 2008 г. закончилось издание десяти томов (в 16-ти книгах) за 1895 – 1904 гг. В «Хронике» представлены сведения как о трудовых конфликтах, так и о рабочих выступлениях, носивших политический характер.

Работа по созданию «Хроники» началась еще в 1980-х гг. и стала частью международного проекта, инициированного La Maison de Science de l'Homme (Paris) and by other institutions. Проект был ориентирован на сравнительный анализ данных о рабочем движении в индустриальных странах Европы и в США в конце XIX в. – 1920 г. Одной из целей проекта было создание соответствующего Банка данных. Вышедшие 10 томов изданы под грифом Отделения истории Российской академии наук, Института российской истории РАН, Федерального архивного агентства России, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), которые осуществляли методическое и организационное руководство сбором материала и подготовкой его к публикации. В сборе материалов для издания приняли участие десятки ученых научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, работники центральных, республиканских и областных архивов и музеев, главные библиотеки бывшего СССР в Москве, Ленинграде, Украине, Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, Казахстане, Молдавии, в областях Центрально-промышленного и Центрально – черноземного районов, Урала, Поволжья, Северного Кавказа и Дона, Севера России, Сибири и Дальнего Востока.

История рабочего движения в дореволюционной России XIX – начала XX вв. оставила большое количество разнообразных источников. Главные из них – материалы фабрично-заводской инспекции Департамента торговли и промышленности Министерства финансов, документы из Министер-

ства внутренних дел и других учреждений; пресса, в основном нелегальная; позднее – воспоминания его участников. Начиная с 1920-х гг. эти материалы и документы публиковались и в журналах, и в отдельных книгах. С 1950-х гг. в течение десятилетия было издано четыре больших тома документов «Рабочее движение в России в XIX в.»¹ Не умаляя значения этого издания, нельзя не отметить, что оно, как и другие исторические труды в тот период, было подчинено определенным идеологическим установкам. Одним из недостатков этих публикаций было и то, что составители, делая выбор, включали в сборники, прежде всего, документы, отражающие наиболее крупные волнения и стачки, что не могло не повлиять на оценки характера всего протестного рабочего движения, о чем писали критики еще в 1950-е гг.² Особенность нового массового источника – «Хроники» в сравнении с известной публикацией «Сводами фабричной инспекции» заключается в предоставлении исследователю возможности работать с микро-данными. На сегодняшний день «Хроника» содержит наиболее полные данные о стачечной борьбе за каждый год во всех отраслях производства. По охвату зафиксированных событий данные «Хроники» превышают данные «Сводов фабричной инспекции» по числу стачек и стачечников в два (а за некоторые годы и более) раз.

Изданные материалы Хроники состоят из трех разделов: «Массовое рабочее движение», «Партийные и рабочие организации» и «Листовки». На сегодняшний день эти материалы, охватывающие 1895–1904 гг., представляют документы 466 фондов 112 архивов, входящих теперь в Российскую Федерацию, страны СНГ и республики Прибалтики. Наиболее богаты источниками по истории рабочего движения архивные фонды высших государственных учреждений царской России в Москве и в Санкт-Петербурге. Большая работа была проведена и в библиотеках по сбору материала о трудовых конфликтах, протестном рабочем движении, о деятельности рабочих и партийных организаций, опубликованного в прессе. В результате при подготовке «Хроники» были привлечены 120 наименований газет и журналов конца XIX – XX вв., включая зарубежные, принадлежавшие политическим партиям России, огромное число местных малотиражных изданий. Среди периодических источников особую ценность представляла пресса рабочих организаций – «Работник» 1896–1899 гг., «Листок работника» 1896–1899 гг. и др., а также зарубежные издания – социал-демократическая «Искра», эсеровская «Революционная Россия», бундовские «Последние известия» и др.).

События и факты в «Хронике» располагаются внутри разделов с четким соблюдением хронологии. Исключение составляют лишь материалы о коллективных, всеобщих городских стачках с выделенными подразделами со своей хронологией, а также – о деятельности некоторых крупных партийных и рабочих организаций с подразделами о работе групп и кружков, находившихся в их структуре.

Составители «Хроники» руководствовались тем, что в состав рабочего класса России в то время входили те категории лиц наемного труда, которые, создавая прибавочную стоимость, были заняты в материальном производстве и у которых заработная плата являлась основным источником существования, а именно: фабрично-заводские, горные, горнозаводские, транспортные (рабочие на железных дорогах, на морском, речном и городском транспорте), занятые в мелкой городской и сельской промышленности, на лесозаготовке, сплаве, приисках, строительные, сельскохозяйственные, чернорабочие. При сборе материала «Хроники» не учитывались конфликты с преобладанием представителей наемного труда из средних слоев населения – интеллигенции (врачей, учителей и т.п.), служащих (государственных, торговых (приказчики), железнодорожных, почтово-телеграфных и т.п.), домашней прислуги. Состояние источников подчас затрудняло проведение четкой грани между различными типами промышленных заведений и в связи с отнесением тех или иных рабочих к фабрично-заводским или иным категориям. В связи с этим создатели «Хроники» сочли приемлемыми принципы, принятые с 1895 г. фабричной инспекцией. Согласно им, фабрики и заводами считались предприятия, имевшие не менее 15 рабочих, а также те, которые при числе рабочих менее 16 имели паровой (или равный ему двигатель); остальные заведения было предложено рассматривать как «дофабричные» (мастерские, ремесленные заведения).

Исходной для методики сбора сведений *о стачке* стало ее определение как одной из основных форм борьбы пролетариата, которое, *в отличие от волнения*, выражалось в *прекращении работ* для отстаивании предъявляемых администрации предприятий или властям экономических и политических требований или в знак проявления солидарности в ходе протестного движения. При сборе материала на каждое отдельное выступление составлялась «карточка учета», включавшая изначально 16 основных пунктов, в т.ч. форма выступления (стачка, волнение и пр.); дата начала и окончания выступления; место, где произошло событие (губерния, уезд, город или населенный пункт); название предприятия; количество участников выступления; причина (или повод); требования рабочих; результат выступления и пр.

В Хронике использованы известные приемы и методы критического анализа происхождения и содержания источников, проверки достоверности сообщаемых в них сведений, позволяющие уточнить время и место события, обнаружить неточности в документах и т.д. При отборе фактического материала учитывалась возможность умолчания и искажения фактов, причины и цели этого, нередко связанные с различным социальным происхождением источников, с политической и партийной борьбой и др. Учитывались пути и приемы получения информации, заключенной в источниках, способ получения сведений. Прежде всего, отбиралась информация, исхо-

дящая из учреждений, в документах и материалах которых отложилась более беспристрастная, объективная информация. Все разночтения в источниках отмечены в примечаниях к каждой статье.

По оценкам российских историков, «Хроника» является наиболее полным и надежным источником для изучения стачечного движения рабочих в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

* * *

Форма описания каждого конфликта в «Хронике» определила модель представления данных в базе данных и ее структуру. При создании базы был использован источник-ориентированный подход, что позволяет использовать ее для исследования различных вопросов рабочего движения в конце XIX – начале XX вв.

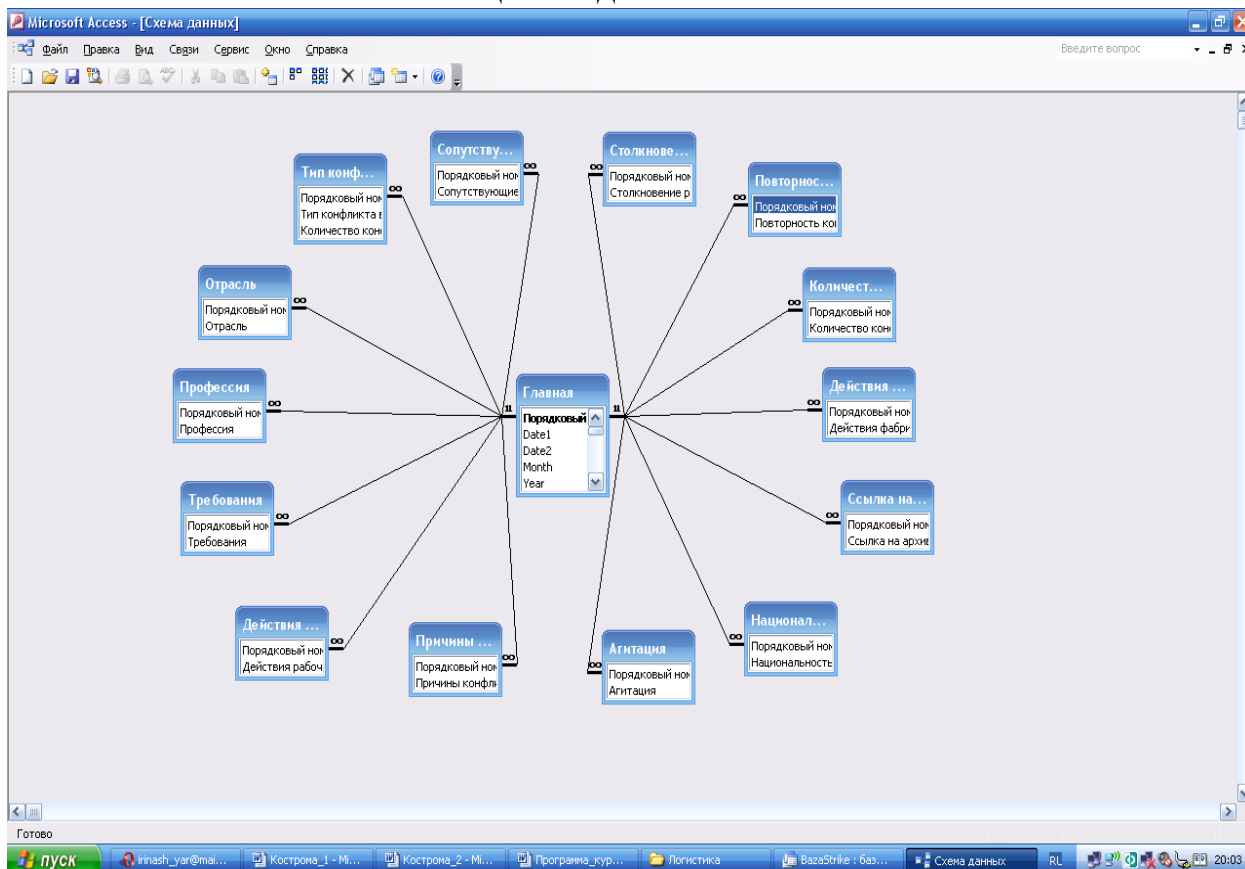
В качестве наиболее удобного варианта для представления содержащейся в «Хронике» информации была выбрана реляционная модель данных, реализованная в СУБД Access. С целью наиболее оптимального отражения данных каждой статьи «Хроники» в структуре базы данных было создано 15 таблиц, в которые занесены более **7000 записей**, каждая из которых содержит определенное количество полей. Таблица «Главная» содержит ключевое поле (номер конфликта), с помощью которого связываются записи в различных таблицах.

Список таблиц

1. Главная
2. Отрасль
3. Количество выступлений
4. Тип конфликта в ходе стачки
5. Повторность конфликта
6. Профессия рабочих
7. Причины конфликта
8. Требования рабочих
9. Сопутствующие (альтернативные) требования
10. Действия фабричной администрации (хозяев) и властей
11. Столкновение с полицией / войсками
12. Действия рабочих
13. Национальность рабочих
14. Агитация
15. Ссылка на архивы и литературу

Схема связи 15-ти таблиц базы данных приводится на рис.1.

Рис.1. Схема связи таблиц базы данных

Перейдем к более подробной характеристике структуры базы данных, обращаясь к приложениям 1 и 2.

Список полей каждой таблицы см. Приложение 1. С целью формализации данных, содержащихся в «Хронике рабочего движения», была разработана специальная система кодов для ряда полей таблиц БД (См. Приложение 2).

Информационный потенциал представленной здесь базы данных в значительной мере раскрывается во второй нашей статье, публикуемой в данном сборнике³.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Список полей таблиц базы данных

Таблица «Главная»

1. Порядковый номер конфликта
2. Дата (число и месяц) начала конфликта
3. Дата (число и месяц) окончания конфликта
4. Месяц (по началу конфликта)
5. Год
6. Губерния (область)
7. Место, где состоялся конфликт (уезд, населенный пункт)
8. Название предприятия
9. Тип конфликта
10. Направление борьбы

11. Отряды рабочих
12. Порядковый номер стачки, с которой связан данный конфликт
13. В составе коллективной
14. В составе всеобщей
15. Продолжительность конфликта (количество календарных дней)
16. Количество участников выступления
17. Общее количество рабочих на предприятии
18. Все (не все) рабочие участвовали в конфликте
19. Результат конфликта
20. Для результата с кодом 3 описание сделанного предпринимателем
21. Ссылка на «Хронику»

Таблица «Отрасль»

1. Порядковый номер конфликта
2. Отрасль

Таблица «Количество выступлений»

1. Порядковый номер конфликта
2. Количество выступлений

Таблица «Тип конфликта в ходе стачки»

1. Порядковый номер конфликта
2. Тип конфликта

Таблица «Повторность конфликта»

1. Порядковый номер конфликта
2. Повторность конфликта

Таблица «Профессия рабочих»

1. Порядковый номер конфликта
2. Профессия

Таблица «Причины конфликта»

1. Порядковый номер конфликта
2. Причины

Таблица «Требования рабочих»

1. Порядковый номер конфликта
2. Требования

Таблица «Сопутствующие (альтернативные) требования»

1. Порядковый номер конфликта
2. Требования

Таблица «Действия фабричной администрации (хозяев) и властей»

1. Порядковый номер конфликта
2. Действия фабричной администрации и властей

Таблица «Столкновение с полицией / войсками»

1. Порядковый номер конфликта
2. Столкновение с полицией / войсками

Таблица «Действия рабочих»

1. Порядковый номер конфликта

2. Действия рабочих

Таблица «Национальность рабочих»

1. Порядковый номер конфликта

2. Национальность

Таблица «Агитация»

1. Порядковый номер конфликта

2. Агитация

Таблица «Ссылка на архивы и литературу»

1. Порядковый номер конфликта

2. Ссылка

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Коды значений полей таблиц

Таблица «Главная»

Поле «Тип конфликта»

1 - Стачка

2 - Волнение

3 - Предъявление требований

4 - Подача жалобы, прошения

5 - Коллективная стачка

6 - Собрание, сходка, маевка

7 - Демонстрация, митинг, шествие, манифестация

8 - Подача судебного иска

9 - Всеобщее выступление

10 - Всеобщая стачка

11 - Коллективное волнение

12 - Террористический акт

13 - Рабочий праздник, вывешивание флагов, гуляние

14 - Общегородская стачка

15 - Общепрофессиональное выступление

16 - Коллективное выступление

17 - Общепрофессиональная стачка

18 - Общегородское выступление

Поле «Направление борьбы» (только для стачек)

1 - Наступательная

2 - Оборонительная

3 - Наступательно-оборонительная

0 - Неизвестно

Поле «Отряды рабочих»

1 – Фабрично-заводские рабочие

2 – Непромышленные рабочие

3 – Ремесленники

4 – Другие

Поле «В составе коллективной»

1 – конфликт произошел в рамках коллективной, общегородской стачки (волнения, выступления)

Поле «В составе всеобщей»

1 – конфликт произошел в рамках всеобщей стачки

Поле «Все (не все) рабочие участвовали в конфликте»

1 – все

0 – не все

2 – неизвестно

Поле «Результат конфликта»

1 - Требования удовлетворены полностью

2 - Требования не удовлетворены

3 - Требования удовлетворены частично

4 - Результат неизвестен

5 - Требования обещано удовлетворить

6 - Требования не удовлетворены, но хозяин сделал другие уступки

7 - Требования в ходе конфликта не выдвигались

0 - код, обозначающий, что требования декларировались, но не заявлялись конкретному адресату (в ходе митингов, сходов, демонстраций)

Таблица «Отрасль»

Поле «Отрасль»

1 - Текстиль (обработка хлопка)

2 - Текстиль (обработка шерсти)

3 - Текстиль (обработка шелка)

4 - Текстиль (обработка льна, пеньки и джута)

5 - Смешанные производства

6 - Бумажная и полиграфическая промышленность

7 - Механическая обработка дерева

8 - Metallургия и металлообработка

9 - Обработка минеральных веществ

10 - Обработка животных продуктов

11 - Обработка питательных и вкусовых веществ

12 - Химическая промышленность

13 - Электростанции

14 - Добывающая отрасль (кроме нефтедобычи)

15 - Строительство (кроме железнодорожного строительства)

16 - Транспорт городской

17 - Транспорт железнодорожный

18 - Транспорт водный

19 - Торговые заведения

20 - Другие производства

- 21 - Набор различных отраслей (по участникам конфликта)
- 22 - Сельское хозяйство
- 23 - Нефтедобывающая промышленность
- 24 - Железнодорожное строительство
- 25 - Текстиль (без конкретизации)
- 26 - Отрасль неизвестна
- 27 - Сфера услуг (непроизводственная сфера)

Таблица «Тип конфликта в ходе стачки»

Поле «Тип конфликта»

См. коды поля «Тип конфликта» в таблице «Главная»

Таблица «Повторность конфликта»

Поле «Повторность конфликта»

1 – повторная стачка (волнение и пр.)

Таблица «Профессия рабочих»

Поле «Профессия»

Для каждой отрасли, обозначенной соответствующим кодом в таблице «Отрасль», составлен свой список кодов профессий. Ввиду большого количества профессий их коды здесь не приводятся.

Таблица «Причины конфликта»

Поле «Причины»

Заработок

- 1 - Низкая заработная плата, понижение зарплаты, отказ предпринимателей повысить зарплату, новый порядок расчета (неправильный расчет) зарплаты
- 2 - Низкие расценки, понижение расценок, отказ предпринимателя повысить расценки
- 3 - Невыплата (задержка выплаты) зарплаты, изменение сроков выдачи заработка; неоплата ночных и сверхурочных работ

Штрафы и др. вычеты

- 4 - Высокие штрафы, увеличение сумм штрафов, введение новых вычетов

Рабочий день

- 5 - Увеличение (большая продолжительность) рабочего дня
- 6 - Уменьшение продолжительности рабочего дня, сокращение числа рабочих дней в неделю (месяц)

7 - Введение нового распорядка дня (перерывы на завтрак и обед, выходные, окончание работ накануне праздников)

8 - Не устраивает продолжительность рабочего дня, рабочей недели

Условия труда

9 - Задержки в выдаче сырья, плохое качество сырья; более трудоемкое сырье

10 - Неисправность станков, введение новых станков и технологий, сложность работы на новых машинах, снижение заработка из-за введения новых машин

11 - Плохие (тяжелые) условия труда, изменение условий труда, плохое санитарное состояние рабочих помещений

12 - Недовольство пенсионным уставом 1893 г., неясностью этого устава; недовольство вычетами в пенсионные, ссудные кассы; недовольство социальными выплатами (или отсутствием социальных выплат)

Условия быта

13 - Плохие бытовые условия, высокая плата за фабричное жилье

14 - Плохое питание, плохие продукты и высокие цены в фабричной продуктовой лавке, обязательность покупки продуктов в фабричной продуктовой лавке

Взаимоотношения с фабричной администрацией

15 - Действия фабричной администрации (произвол, грубое обращение, обсчеты), в том числе со стороны иностранцев

16 - Остановка предприятия, сокращение объема работ, сокращение штата рабочих

17 - Отказ хозяев и фабричной администрации выполнять требования и просьбы рабочих; отказ фабричной администрации выполнять обещания, данные рабочим

18 - Введение (неправильное заполнение) расчетных книжек; хранение расчетных книжек в конторе предприятия

19 - Нерешенность профессиональных проблем; недовольство положением рабочих

20 - Похороны рабочего (гибель в результате несчастного случая на предприятии, в тюрьме; самоубийство и т.п.)

21 - Нарушение предпринимателями условий договора найма; изменение условий найма; недовольство условиями найма

22 - Недовольство правилами внутреннего распорядка

23 - Высокие нормы выработки; изменение установленных норм выработки

24 - Увольнение рабочих (в том числе по политическим мотивам), прием на работу новых рабочих

Причины политического характера

25 - Необходимость решения вопросов о подготовке (начале) стачки, демонстрации и т.п.; о путях доставки и способах распространения революционной литературы

26 - Недовольство продолжением военных действий

27 - В знак солидарности с другими рабочими, по поводу 1 мая

28 – Недовольство действиями властей (репрессии против участников антиправительственных выступлений и стачек и т.п.)

29 - В связи с годовщиной какого-то исторического события (отмена крепостного права, убийство Александра II, восстание декабристов, расстрел демонстрации и т.п.)

30 - Проводы заключенных, ссыльных; в поддержку заключенных

31 - Под давлением (влиянием) других выступлений рабочих, стачечников других предприятий

Конфликты на национальной и конфессиональной почве

32. Конфликты между рабочими на национальной и конфессиональной почве

Другие причины, не попадающие ни в одну категорию

33. Другие причины, не попадающие ни в одну категорию

Таблица «Требования рабочих»

Поле «Требования»

Заработок

1 - Увеличить (не уменьшать) заработную плату; изменить (не изменять) систему оплаты; выплачивать деньгами, а не товарами; изменить (не изменять) сроки и порядок выплаты заработка

2 - Увеличить (не уменьшать) расценки; уравнивать расценки для разных групп рабочих, выполняющих одинаковую работу; регулировать расценки в связи с переходом на новый вид сырья и т.п.

3 - Оплатить простой по вине хозяев

4 - Оплатить (отменить) сверхурочные работы

5 - Оплатить дни стачки

Штрафы и др. вычеты

6. Уменьшить (отменить) штрафы и другие вычеты; упорядочить их взывание

Рабочий день

- 7 - Ввести новый (отменить или восстановить прежний) распорядок дня: перерыв на чай и на обед, порядок сменной работы
- 8 - Ввести окончание работ перед праздниками, выходными раньше (позже); предоставить выходной, отпуск, отдых; отменить новые выходные
- 9 - Сократить (не увеличивать) рабочий день
- 10 - Увеличить (не уменьшать) продолжительность рабочего дня
- 11 - Установить рабочий день определенной длительности
- 12 - Установить 8-часовой рабочий день

Условия труда

- 13 - Улучшить качество сырья, обеспечить его бесперебойное поступление; заменить, обновить станки (их детали); не вводить новое оборудование
- 14 - Улучшить (восстановить прежние) условия труда
- 15 - Производить различные социальные выплаты (по болезни, беременности, по старости и т.п.)
- 16 - Вернуть вычеты в пенсионную кассу; учредить вместо пенсионной сберегательную кассу; отменить принудительное участие в кассе взаимопомощи; вернуть вычеты в ссудную кассу
- 17 - Выдавать рабочую одежду и необходимые инструменты или выдавать деньги на них

Условия быта

- 18 - Уменьшить цены на продукты питания в фабричной лавке; улучшить качество продуктов; прекратить обвесы в лавке; предоставить возможность отовариваться не в фабричной лавке; перевести на хозяйские харчи
- 19 - Улучшить бытовые условия, предоставить фабричное жилье; отменить (не увеличивать) плату за различные бытовые услуги (баня и т.п.)
- 20 - Организовать (расширить, улучшить качество, сделать бесплатными) школу, библиотеку, медицинские учреждения и т.п.

Взаимоотношения с фабричной администрацией

- 21 - Не увольнять рабочих, восстановить уволенных; предупреждать об увольнении за 2 недели и т.п.
- 22 - Пересмотреть нормы выработки
- 23 - Уволить мастеров, управляющих, директора за грубость по отношению к рабочим, обманы, обвесы и т.п.; вежливо обращаться с рабочими
- 24 - Выдать на руки паспорта
- 25 - Ввести (выдать, отменить, заполнять правильно) расчетные книжки

- 26 - Выдать расчет
- 27 - Изменить комплект рабочих (уменьшить, увеличить, не менять)
- 28 - Сохранить, пересмотреть, соблюдать условия договора найма
- 29 - Не закрывать предприятие, увеличить объем работ; открыть вновь закрытые цеха;
- 30 - Изменить правила внутреннего распорядка

Политические требования

- 31- Политические требования, политическая стачка (*формулировка из «Хроники»*)
- 32 - Освободить арестованных

Экономические требования

- 33. Экономические требования, экономическая стачка (*формулировка из «Хроники»*)

Другие требования, не попадающие ни в одну категорию

- 34. Другие
- 35. Требования не выдвигались

Таблица «Сопутствующие (альтернативные) требования»

Поле «Требования».

См. коды в таблице «Требования рабочих»

Таблица «Действия фабричной администрации (хозяев) и властей»

Поле «Действие фабричной администрации и властей»

- 1 - Локаут, расчет всех рабочих (объявление нового набора, временное закрытие предприятия)
- 2 - Расчет, увольнение части рабочих (в т.ч. организаторов и примкнувших)
- 3 - Арест, задержание рабочих (организаторов и примкнувших)
- 4 - Высылка (на родину, из города и т.д.)
- 5 - Штрафование рабочих
- 6 - Выселение из квартир
- 7 - Привлечение штрейхбрекеров
- 8 - Вызов, вмешательство полиции (исправника и т.п.), войск (казаков и т.п.), жандармов
- 9 – Вызов / вмешательство фабричного инспектора
- 10 - Отдача рабочих под суд, тюремное заключение, привлечение к дознанию и т.п.
- 11 - Вынесение выговора рабочим
- 12 - Телесные наказания
- 13 - Выдача денег рабочим, вышедшим на работу во время стачки

14 - Владелец оштрафован; привлечение владельца к административной ответственности за нарушение условий найма; взыскание денег с хозяина или подрядчика в пользу рабочих; арест имущества для расчета с рабочими

15 - Вмешательство в конфликт губернатора, товарища прокурора, прокурора

16 - Предложение рабочим взять расчет, если их не устраивают новые условия работы

17 - Вызван горный инженер округа

Таблица «Столкновение с полицией / войсками»

Поле «Столкновение с полицией / войсками»

1 – состоялось столкновение рабочих с полицейскими или воинскими командами

Таблица «Действия рабочих»

Поле «Действия рабочих»

1 - Порча казенного имущества (биение окон, поджог, порча оборудования и т.п.)

2 - Кража казенного имущества (продуктов питания, алкоголя, материалов)

3 - Избиение, ранение, выдворение за территорию предприятия представителей фабричной администрации

4 - Убийство представителей фабричной администрации, власти

5 - Самовольный уход с работы, увольнение

6 - Сбор денег в пользу бастующих; создание кассы взаимопомощи

7 - Порча частного имущества (частные лавки и т.п.), избиение владельцев

8 - Порча имущества (разграбление квартир и т.п.) без указания собственника

9 - Избиение, недопущение к работе штрейхбрекеров и рабочих, не присоединившихся к стачке

10 - Подача судебного иска на подрядчика

Таблица «Национальность рабочих»

Поле «Национальность»

1 - Персы

2 - Татары

3 - Казахи

4 - Латыши

5 - Русские

- 6 - Евреи
- 7 - Литовцы
- 8 - Поляки
- 9 - Финны
- 10 - Эстонцы
- 11 - Армяне
- 12 - Грузины
- 13 - Аджарцы
- 14 - Немцы
- 15 - Белорусы
- 16 - Украинцы
- 17 - Китайцы

Таблица «Агитация»

Поле «Агитация»

- 1 - Выступлением руководила организация (комитет) РСДРП
- 2 - Накануне и в ходе выступления распространялись листовки РСДРП
- 3 - Выступлением руководила организация (комитет) ПСР
- 4 - Накануне и в ходе выступления распространялись листовки ПСР
- 5 - Выступлением руководила организация (комитет) Бунда
- 6 - Накануне и в ходе выступления распространялись листовки Бунда
- 7 - Выступлением руководили выборные от рабочих, стачечный комитет
- 8 - Выступление проходило с участием социал-демократов
- 9 - Выступлением руководил местный социал-демократический кружок (группа, союз)
- 10 - Распространялись листовки за подписью социал-демократической организации (группы, союза)
- 11 - Выступлением руководил местный рабочий, революционный кружок (организация)
- 12 - Распространялись листовки (без указания организации-автора)
- 13 - Распространялись листовки местного стачечного комитета
- 14 - Распространялись листовки местного рабочего кружка (организации)
- 15 - В источнике указаны фамилии организаторов (руководителей) выступления
- 16 - Выступлением руководил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»
- 17 - Распространялись прокламации ППС
- 18 - Руководил выступлением Еврейский рабочий союз в Польше, ЕНРП; распространялись их листовки
- 19 - Руководил выступлением Южно-российский рабочий союз

- 20 - Распространялись листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»
- 21 - Руководил выступлением комитет (организация) ППС
- 22 - Руководство выступлением и листовки СДКПиЛ
- 23 - Руководила общественная организация (землячество и т.п.)
- 24 - Руководство выступлением и/или листовки ЛСДП
- 25 - Руководство выступлением и/или листовки БЛСДРО, БЛСДРП
- 26 - В руководстве выступлением участвовали другие организации
- 27 - Руководство выступлением и/или листовки Московского Рабочего Союза
- 28 - Выступлением руководили профессиональные организации (союзы, объединения) рабочих
- 29 - Выступление подготовлено зубатовской организацией

¹ Рабочее движение в России в XIX в. Сборник материалов и документов под ред. А.М.Панкратовой. Т.1. 1800–1860. М. 1951. 1040 с.; Т.2. Ч.1–2. 1861–1884. М. 1950 (Ч.1. 1885–1889. 911 с.; ч. 2. 1875–1884. 780 с.); Т.3. Ч.1–2. 1885–1894. М. 1952. (Ч.1. 1885–1889. 911 с.; ч.2. 1890–1894. 741 с.); Т.4. Ч.1–2. М. 1963. (Ч.1.1895–1897. 840 с.; ч. 2. 1898–1900. 918 с.).

² Чумалова Г.Г. Выявление и отбор документов для печати в издании "Рабочее движение в России в XIX в." // Труды Московского государственного историко-архивного института, Т.VIII. М. 1957. С. 129 и др.

³ Л.И. Бородкин, И.М. Пушкарева, И.В. Шильникова Структура и динамика протестного движения рабочих России (1895-1904 гг.): анализ базы данных.

Л.И. Бородкин, И.М. Пушкарева, И.В. Шильникова

Структура и динамика протестного движения рабочих России (1895-1904 гг.): анализ базы данных¹

Родившись на заре рабочего движения, в конце XIX века, стачка и по сей день нередко является наиболее действенной формой разрешения трудовых конфликтов. В настоящей работе проводится анализ динамики и структуры стачечного движения в России в 1895 – 1904 гг. Основным источником в данном исследовании является уникальное издание «Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника» (далее «Хроника»), характеристика которого дается в нашей статье, представленной в настоящем сборнике¹. Сведения о более чем 7000 конфликтов были перенесены в реляционную базу данных, содержащую 15 взаимосвязанных таблиц, охватывающих всю информацию о каждом конфликте².

Первый раздел статьи посвящен анализу динамики различных типов (форм) трудовых конфликтов и рабочих выступлений в 1895-1904 гг. – в

¹ Работа проводится при поддержке гранта РГНФ № 09-01-12119в.

² © Л.И. Бородкин,
И.М. Пушкарева,
И.В. Шильникова, 2010

течение десятилетия, предшествовавшего революции 1905 г. Во втором разделе рассматривается динамика стачек по месяцам, при этом отдельно анализируется вопрос о сезонности коллективных стачек. Отраслевая специфика стачечного движения рассмотрена в третьем разделе, а динамика действий местных властей и фабричной администрации в ходе стачек – в четвертом разделе статьи. Пятый раздел посвящен анализу основных требований рабочих в трудовых конфликтах и общих итогов стачек в годы промышленного подъема и спада.

Анализ данных проводится в данной работе с учетом фактора экономической конъюнктуры. В этой связи в ряде разделов сопоставляются показатели рабочего движения за 1897 и 1903 гг. – годы, характеризующие, соответственно, положительной и отрицательной фаз экономического цикла конца 1890-х – начала 1900-х гг.

1. Динамика различных типов (форм) трудовых конфликтов и рабочих выступлений в 1895-1904 гг.

Начнем с представления в протестном движении рабочих России соотношения стачек на отдельных предприятиях, которыми обычно оперировала фабричная инспекция, с остальными типами трудовых конфликтов и открытыми выступлениями рабочих, из которых нами выбраны собрания, митинги и демонстрации (см. Табл.1).

Таблица 1. Количество и доля различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений за год. 1895-1904 гг.

Год	Стачки на отдельных предприятиях	Волнения	Коллективные стачки	Демонстрации и митинги
1895	264 (73,3%)	24 (6,7%) 54	12 (3,3%)	1 (0,3%)
1896	278 (67,5%)	(13,1%) 93	11 (2,7%)	5 (1,2%)
1897	441 (63,9%)	(13,5%) 107	64 (9,3%)	10 (1,4%)
1898	441 (65,5%)	(15,9%) 85	45 (6,7%)	11 (1,6%)
1899	553 (68,4%)	(10,5%)	53 (6,6%)	38 (4,7%)
1900	382 (59,2%)	62 (9,6%)	76 (11,8%)	46 (7,1%)
1901	506 (59,7%)	110 (13%) 100	90 (10,6%)	65 (7,7%)
1902	426 (54,7%)	(12,8%) 125	105 (13,5%)	73 (9,4%)
1903	1014 (55,7%)	(6,9%)	308 (16,9%)	190 (10,4%)
1904	336 (39,5%)	41 (4,8%)	134 (15,8%)	211 (24,8%)
Всего	4641	801	898	650

Рис.1. Динамика различных типов трудовых конфликтов (количество случаев)

1- стачки, 2 – волнения, 5 – коллективные стачки, 7 – демонстрации, митинги

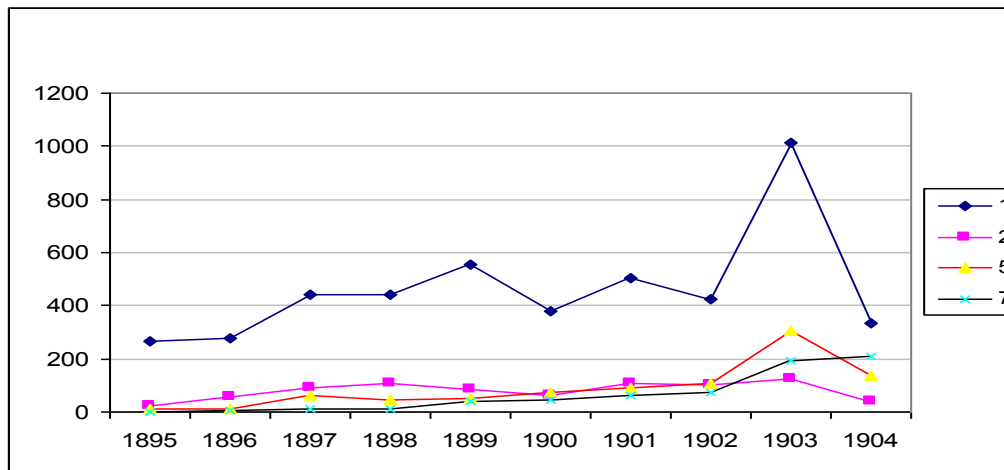
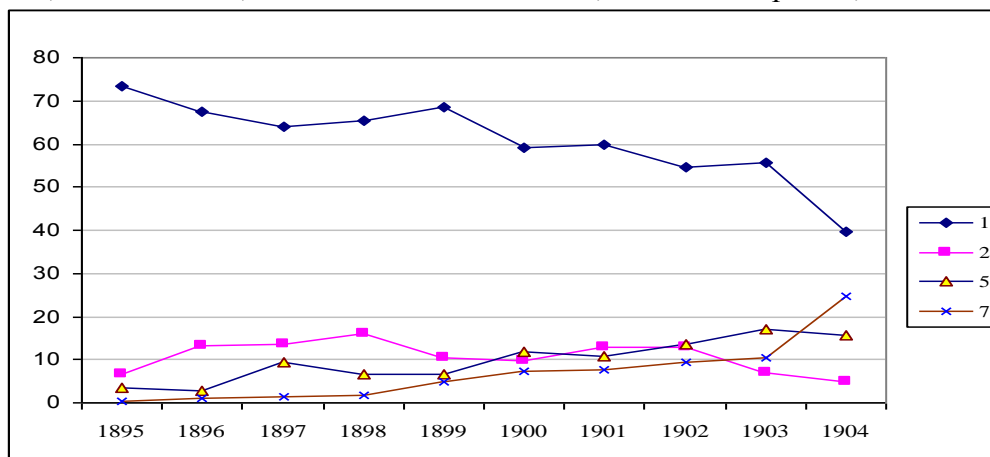

Рис.1 отчетливо показывает, что наименьшее количество стачек было зафиксировано в 1895-1896 гг. (менее 300 за каждый год) – на начальном пролетарском этапе развития рабочего движения в России, и в 1904 г., когда после подъема 1903 г. происходит количественный спад практически всех типов рабочих выступлений, кроме митингов и демонстраций. Последнее в значительной степени объяснялось начавшейся мобилизацией рабочих в связи с вступлением России в начале 1904 г. в войну с Японией. При этом практически впервые показано, что демонстрации и митинги как формы рабочего движения становятся заметными в 1899 г., что их число росло, увеличившись до 200 к 1903 г. – году всеобщих стачек и массового подъема движения, и сохранилось на подъеме в 1904 г. Цели «маленькой победоносной войны», нужной правительству, чтобы остановить массовое движение в стране, к концу 1904 г. не были достигнуты.

Эта тенденция подтверждается и процентными данными Табл.1 и Рис.2, которые показывают, что доля демонстраций и митингов год от года на протяжении всего десятилетия накануне Первой русской революции увеличивается и в процентах к общему количеству трудовых конфликтов: практически с нуля в 1895 г. до 24,8% в 1904 г.

Рис.2. Динамика различных типов трудовых конфликтов (в процентах от их общего количества)

1- стачки, 2 – волнения, 5 – коллективные стачки, 7 – демонстрации, митинги

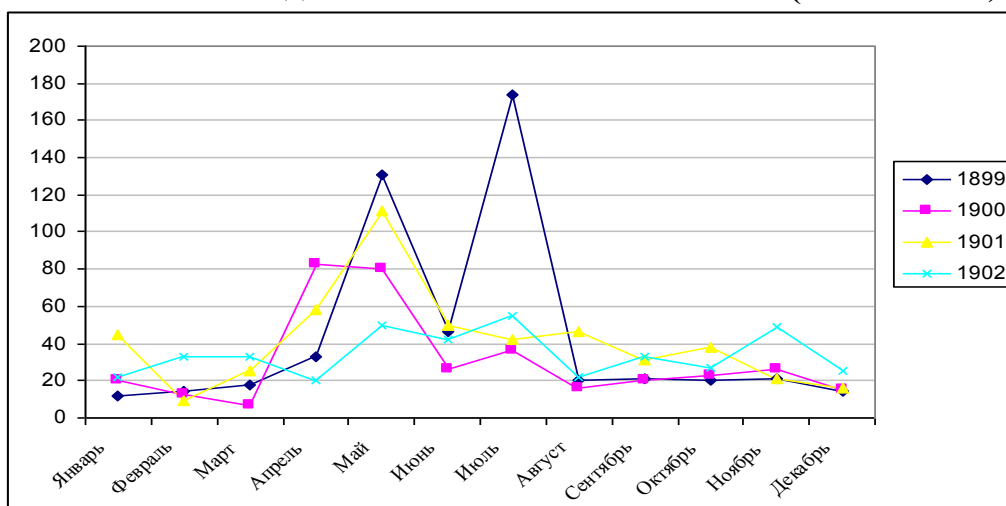
Учет динамики всех семи различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений показывает, что при сохранявшемся преобладании стачек в протестном движении к 1904 г. происходит снижение доли стачек на отдельных предприятиях, волнений, подачи жалоб и предъявления требований, но при этом увеличение доли коллективных стачек, собраний и демонстраций.

2. Динамика стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек по месяцам.

Рис. 3, 4, 5 отражают динамику стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек по месяцам за отдельные годы рассматриваемого десятилетия.

Количество стачек на отдельных предприятиях за каждый месяц 1899-1902 гг. (эти четыре года выбраны как типичные: когда рабочее движение уже прошло начальный этап, но не достигло пика 1903 г.) отражено на Рис.4. Здесь графики выявляют неравномерность стачечной активности в течение года.

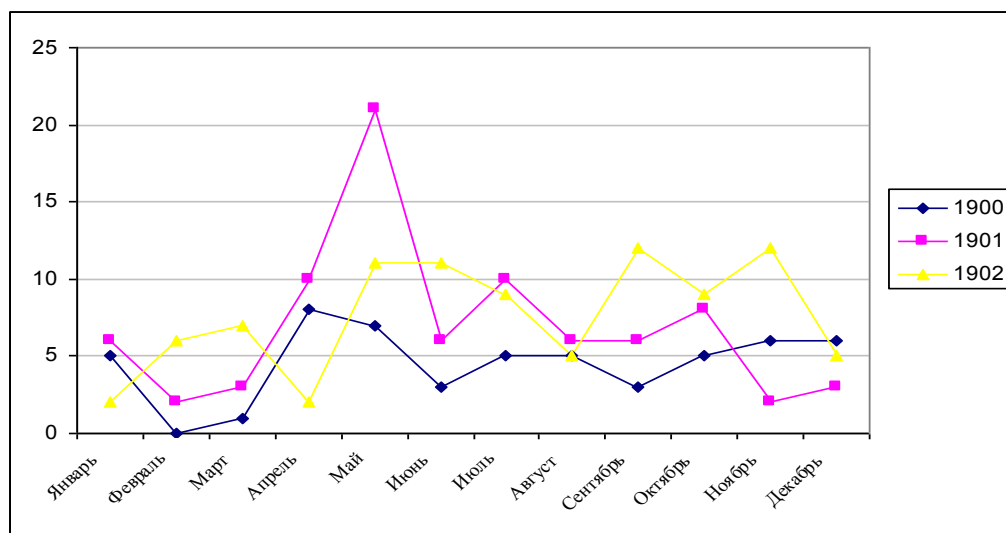
Рис.3. Месячная динамика количества стачек (1899 – 1902)

В целом кривые графиков на рис.3 ведут себя согласованно: пик в мае (1899, 1901, 1902), для 1900 г. этот пик прошел в апреле, в мае мы видим снижение, но совсем небольшое; спад в июне (все четыре года); новый пик в июле (за исключением 1901 г.).

Сходную ситуацию мы наблюдаем и на графиках, отражающих динамику коллективных стачек (см. Рис.4). Там так же видны пики апреля-мая и июля.

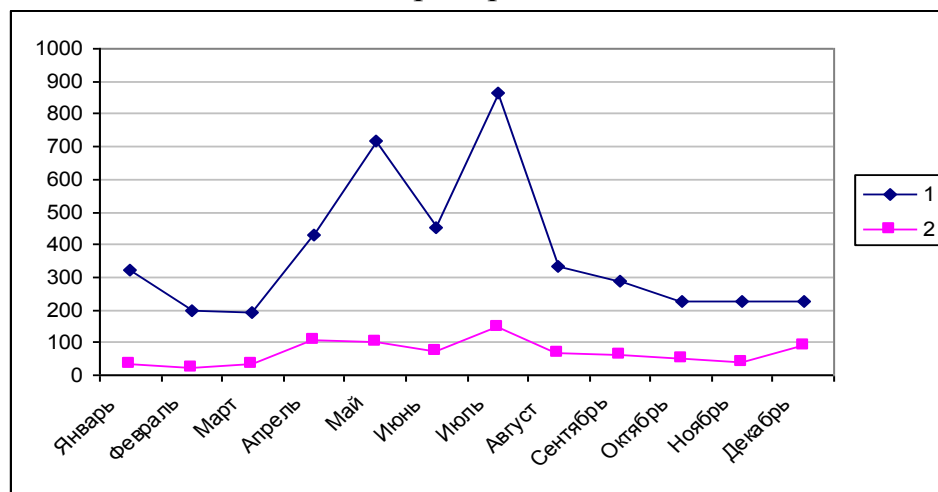
Рис.4. Месячная динамика количества коллективных стачек

В целом и для стачек на отдельных предприятиях, и для коллективных стачек наименее активными были февраль-март, и для ряда лет – конец осени. Это подтверждают и графики, показывающие месячную динамику стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек за весь десятилетний период (1895-1904) – см. Рис. 5.

Рис.5. Месячная динамика количества стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек (1895-1904)

1 – стачки на отдельных предприятиях, 2 - коллективные стачки

Объяснение этой динамики определяется тем, что в апреле-мае на многих промышленных предприятиях происходило перезаключение договоров с рабочими в связи с окончанием одного операционного года и нача-

лом следующего. Это позволяло фабричной администрации вводить с нового операционного года более низкие расценки на некоторые виды работ, изменять систему штрафования и т.п., что вызывало протест со стороны рабочих, который подогревался, начиная с 1900 г. первомайскими праздниками, отмечавшимися в России под влиянием революционной агитации 18 апреля (по старому стилю).

Июльский пик стачечной активности, отразившийся на графиках, скорее всего, был связан с тем, что в это время рабочие, сохранявшие связь с землей, нередко покидали предприятие, уходя на полевые работы. На оставшихся на фабриках и заводах рабочих перекладывались обязанности, которые должны были выполнять ушедшие. Результатом был рост недовольства, поскольку оставшиеся на предприятии рабочие считали этот момент удобным для выдвижения требований повышения заработка, расценок и пр. и не редко добивались результата в ходе стачек, число которых росло каждое лето.

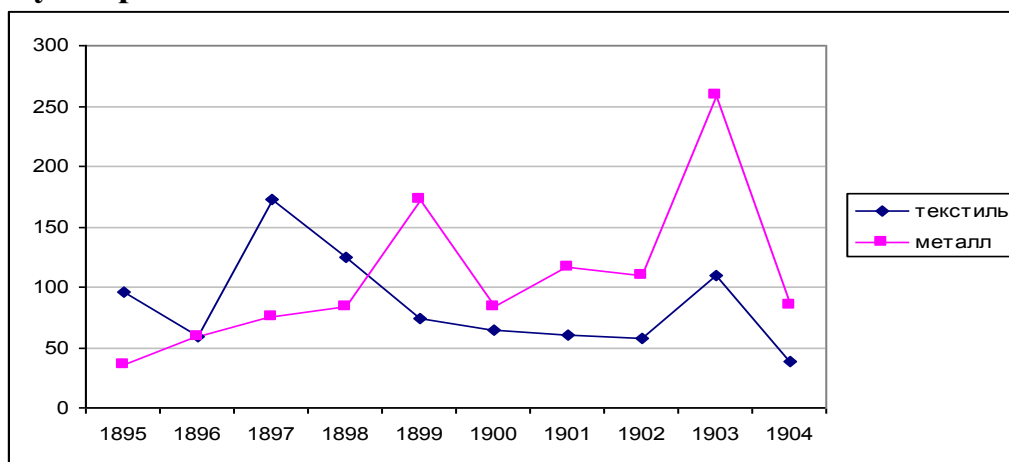
3. Отраслевые динамики стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек

На рубеже XIX – XX вв. наибольшее количество рабочих было занято в текстильном, металлообрабатывающем и пищевом производствах. Первые две отрасли были выбраны для сравнения стачечной активности в течение интересующего нас десятилетия.

На Рис.6 представлен график, показывающий динамику стачечного движения в двух отраслях в 1895 – 1904 гг. Наиболее очевидное совпадение в движении кривых обоих графиков – 1902-1904 гг., т.е. пик 1903 г.

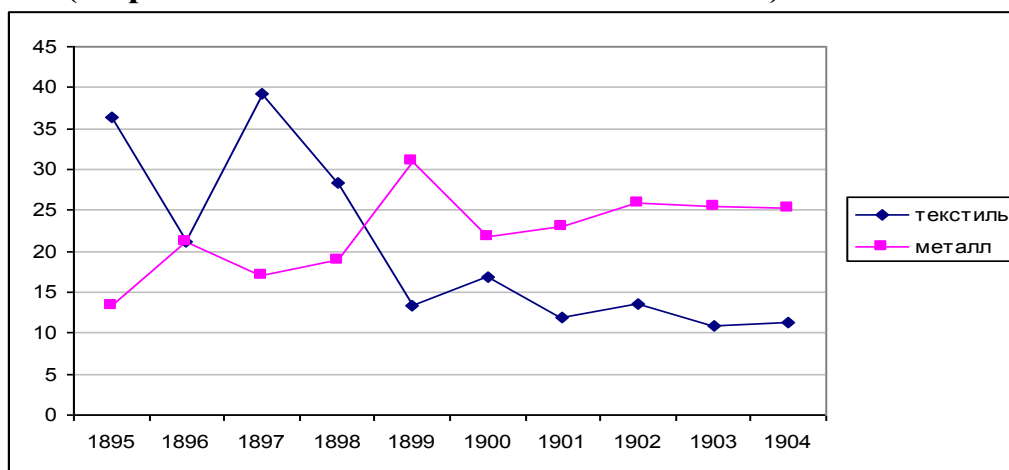
Однако, в 1903 г. количество стачек на текстильных предприятиях было меньше, чем в 1897 г., который дал 173 стачки за год (наивысший результат для текстиля за 10 лет). У металлистов, кроме 1903 г., видим взлет в 1899 г. С этого момента, 1899 г., количество стачек на предприятиях металлургии и металлообработки превосходит тот же показатель по предприятиям текстильной отрасли.

Рис.6. Динамика количества стачек на отдельных предприятий в двух отраслях. 1895-1904.

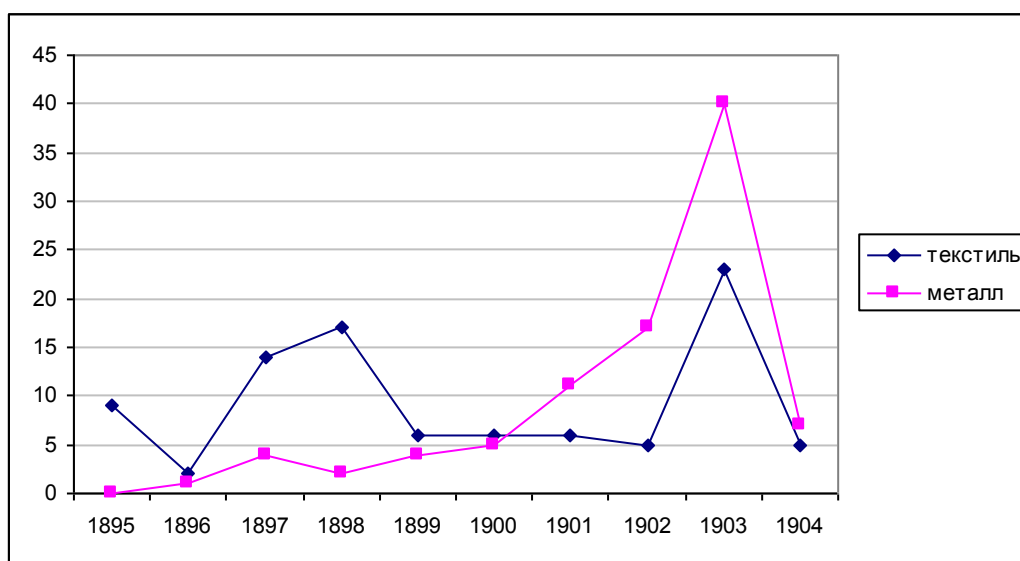
Если посмотреть, какую долю составляли стачки в этих отраслях от общего числа стачек (Рис.7), то увидим: до 1898 г., т.е. на начальном этапе развития рабочего движения в России, в процентном отношении стачки на текстильных предприятиях явно доминировали (1897 г. – примерно 40% от всех стачек). Начиная с 1899 г. доля стачек среди металлистов превосходит долю стачек среди текстильщиков.

Рис.7. Динамика стачек на отдельных предприятиях в двух отраслях (в процентах от общего количества за год). 1895-1904.

На Рис.8 можно увидеть, что кривые отраслевых графиков динамики коллективных стачек не всегда совпадают, но при этом заметно совпадение в обеих отраслях в начале и в конце десятилетнего периода. Очевидно, что в коллективных стачках лидерство рабочих текстильных предприятий в 1900 г. (т.е. на год позднее, чем в стачках на отдельных предприятиях) сменяется преобладанием в стачках рабочих предприятий металлургической отрасли.

Рис.8. Динамика количества коллективных стачек в двух отраслях. 1895-1904.

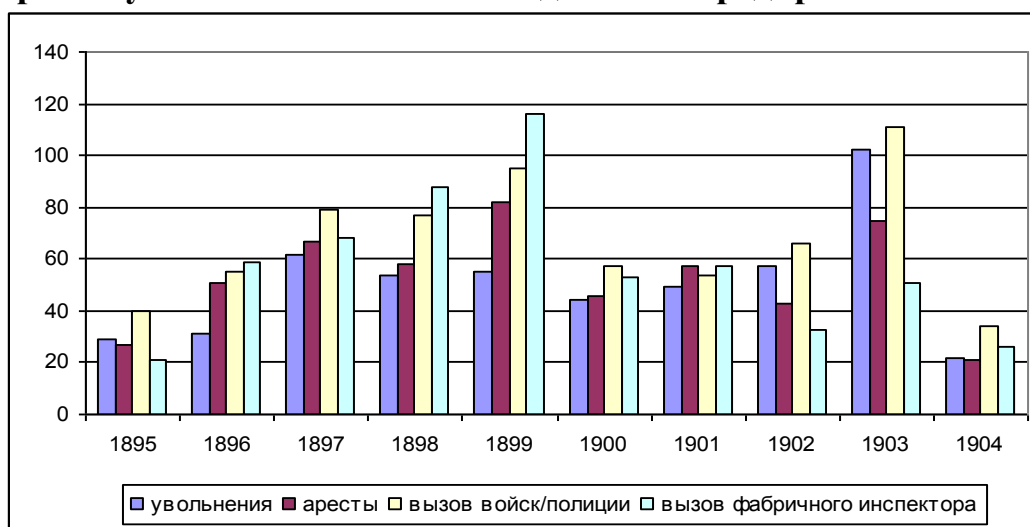

4. Действия местных властей и фабричной администрации в ходе стачек

Диаграмма на Рис.9 представляет действия хозяев и фабричной администрации, а также местных властей в случаях возникновения стачек. Нами были выбраны наиболее часто встречающиеся варианты: увольнения рабочих, аресты, вызов полиции или/и войск, вмешательство фабричного инспектора.

На Рис.9 в течение шести лет из десяти рассматриваемых (1895, 1897, 1900, 1902, 1903, 1904 гг.) столбик «вызов полиции или войск» поднимается выше остальных, а оставшиеся три года (1896, 1898, 1899 гг.) самым высоким оказывается на рисунке столбик диаграммы «фабричный инспектор». Только в 1901 г. примерно одинаковы столбики «арест» и «фабричный инспектор». «Увольнения» выходят на второе место в 1902 и 1903 гг., а в шести случаях из десяти (1896-1901) это самый низкий столбик. «Аресты» в девяти случаях из десяти (кроме 1901) занимают третье место.

Рис.9. Динамика действий властей и фабричной администрации против участников стачек на отдельных предприятиях. 1895-1904.

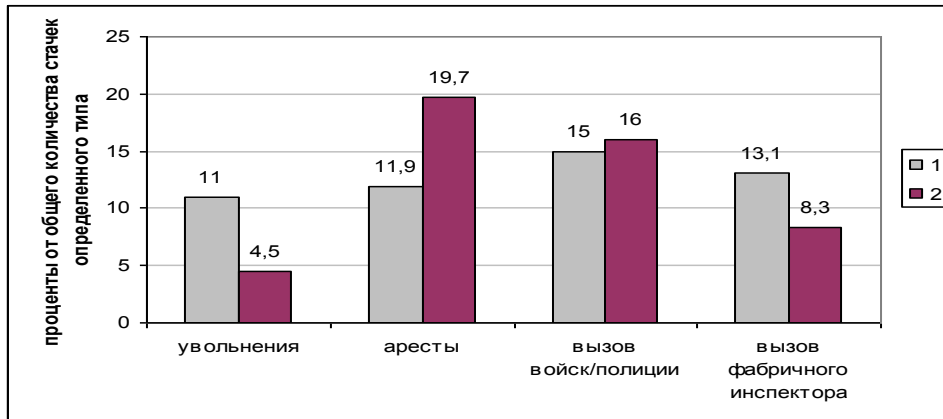

Сравнивая те же действия хозяев предприятий и местных властей в случаях возникновения коллективных и стачек на отдельных предприятиях на протяжении десяти лет (см. Рис.10), можно видеть, что по отношению к участникам стачек на отдельных предприятиях чаще использовались более мягкие наказания – такие, как увольнение. Доля же стачек, в ходе которых производились аресты, явно выше для коллективных (более 17,5%), чем для стачек на отдельных предприятиях (порядка 11,5%). Примерно одинакова доля стачек и коллективных, и на отдельных предприятиях (около 14,5-15%), для подавления которых вызывались войска или полиция. Присутствие фабричного инспектора гораздо чаще наблюдалось во время стачек на отдельных предприятиях, а по отношению к участникам коллективных стачек местные власти и фабричная администрация действовали более жестко.

Рис.10. Действия властей и фабричной администрации против стачечников: сравнение стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек.

1895-1904.

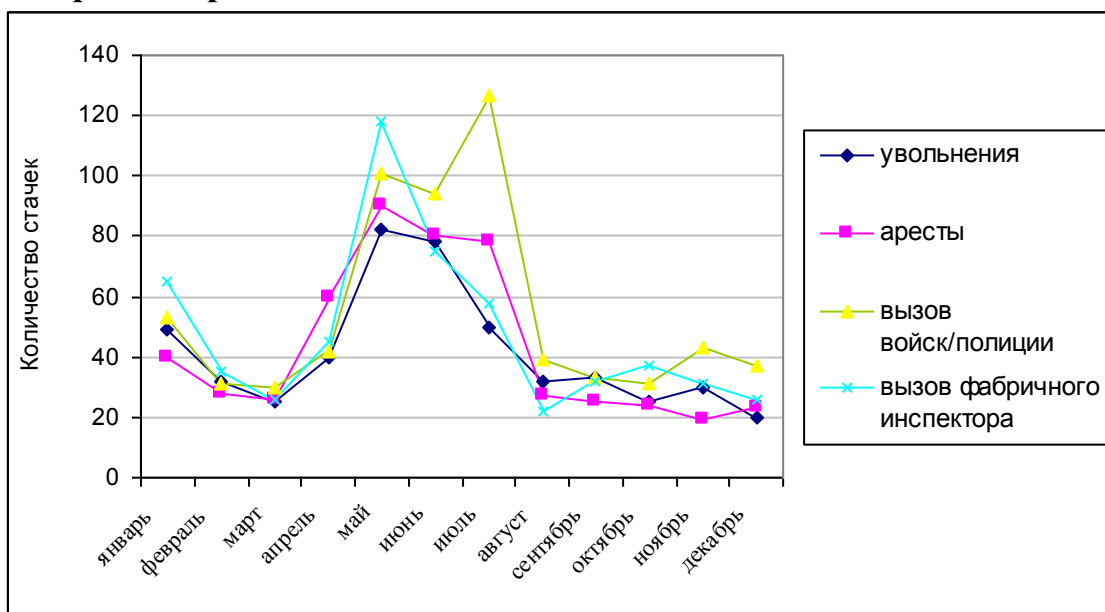
1 – стачки на отдельных предприятиях, 2 – коллективные стачки

Коллективные стачки практически всегда имели не просто инициаторов –зачинщиков стачки, а организаторов из числа радикально настроенных рабочих, часто связанных с нелегальными организациями – партийными комитетами и группами. Поэтому случаев арестов тоже больше в коллективных стачках. Стачки на отдельных предприятиях, возникшие стихийно, были более подвластны фабричной инспекции.

Месячная динамика тех же действий властей и фабричной администрации за все десять лет представлена на Рис.11.

Рис.11. Месячная динамика действий властей и фабричной администрации против стачечников. 1895-1904.

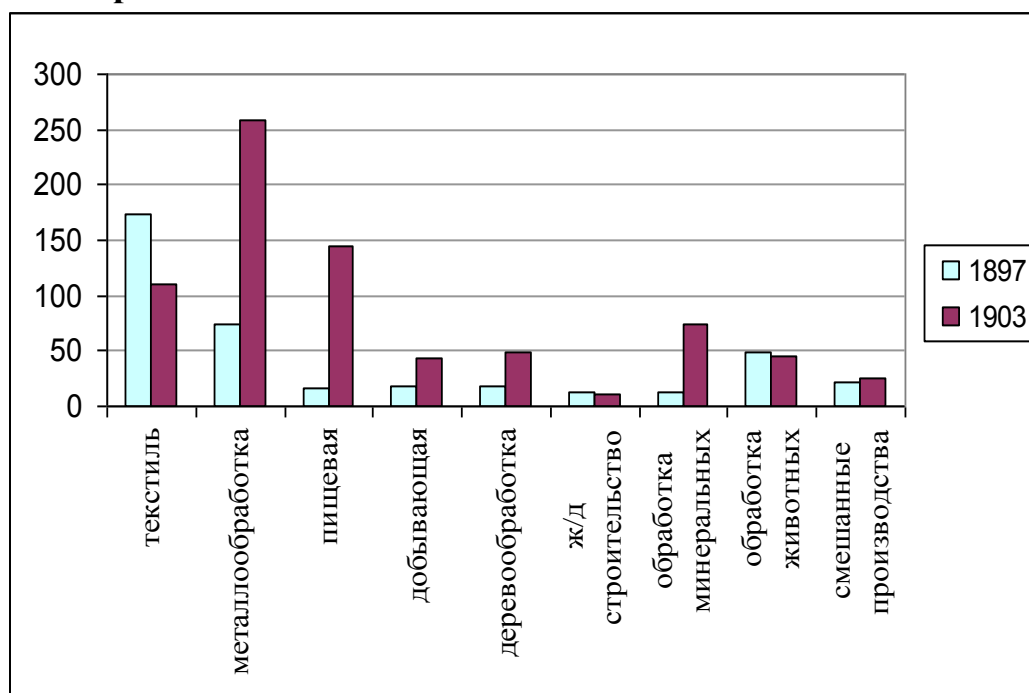

Как видим, май месяц – «пик» всех четырех графиков, а июль – «пик» в использовании силовых методов подавления стачек (вызов полиции, войск).

При сравнении Рис.5 (см. выше) и Рис.11 видим, что с кривой графика месячной динамики общего количества стачек за десять лет, из действий властей больше всего совпадает график «вызов полиции». Это свидетельство того, что накал стачечной борьбы, как правило, приводил к силовому решению конфликта. Материалы «Хроники» указывают и на «обратную связь»: в ряде губерний России частое подавление рабочих выступлений с использованием вооруженной силы вызывало собрания, митинги, демонстрации, а также короткие стачки протеста против действий властей.

Рис.12 и Рис.13 показывают как изменилась отраслевая структура стачечного движения на двух срезах – 1897 и 1903 гг.

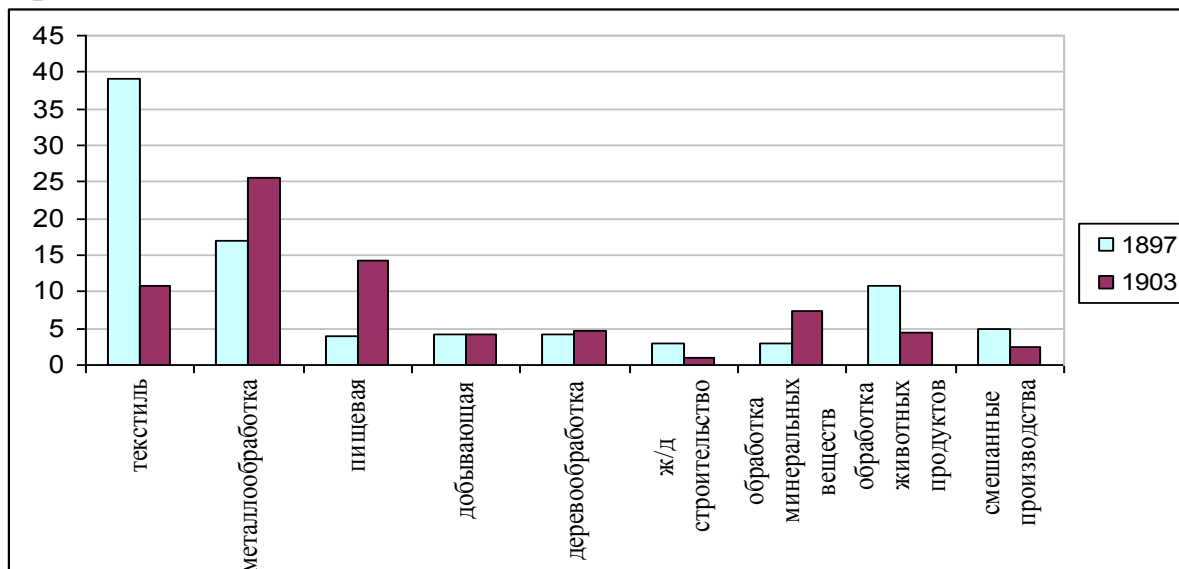
Рис.12. Количество стачек, происшедших на предприятиях разных отраслей. 1897 и 1903 гг.

Как видим, наибольшее количество стачек в 1897 г. дала текстильная отрасль – 173 стачки (кстати, для текстиля это высший показатель за весь период 1895-1904 гг.), на втором месте металлообработка – 75 стачек, что в 2,3 раза меньше, чем на текстильных предприятиях (в число рабочих, занятых металлообработкой впервые включены рабочие крупных железнодорожных мастерских типа Александровских в Петербурге, а так же металлурги); на третьем месте – обработка животных продуктов – 48 стачек. В 1903 г. картина резко меняется: на предприятиях металлообрабатывающей промышленности зафиксировано 259 стачек (это почти в 3,5 раза больше, чем в 1897 г.); на второе место выходит пищевая промышленность – 144 стачки (это почти в 8,5 раз больше по сравнению с 1897 г.); текстильная отрасль – только третья по этому показателю (110 стачек, т.е. примерно в

1,6 раза меньше, чем в 1897 г.). Количество стачек увеличивается в отрасли, занятой обработкой минеральных веществ, деревообработкой, добывающей промышленностью, но особенно среди рабочих, связанных с металлообработкой и в пищевой промышленности. Они дают в 1903 г. не только количественный рост стачек, но и увеличение их процентной доли (см. Рис.13). В 1903 г. стачки на металлургических и металлообрабатывающих предприятиях составляли четвертую часть (25,5%) от их общего числа. Доля же стачек на предприятиях текстильной отрасли снизилась в 3,6 раза – с 39,2% до 10,8%, т.е. текстильщики, ставшие наиболее активными участниками стачечного движения на начальном его этапе, уступали эту роль в начале XX века металлистам.

Рис.13. Доля стачек (%), происшедших на предприятиях разных отраслей. 1897 и 1903 гг.

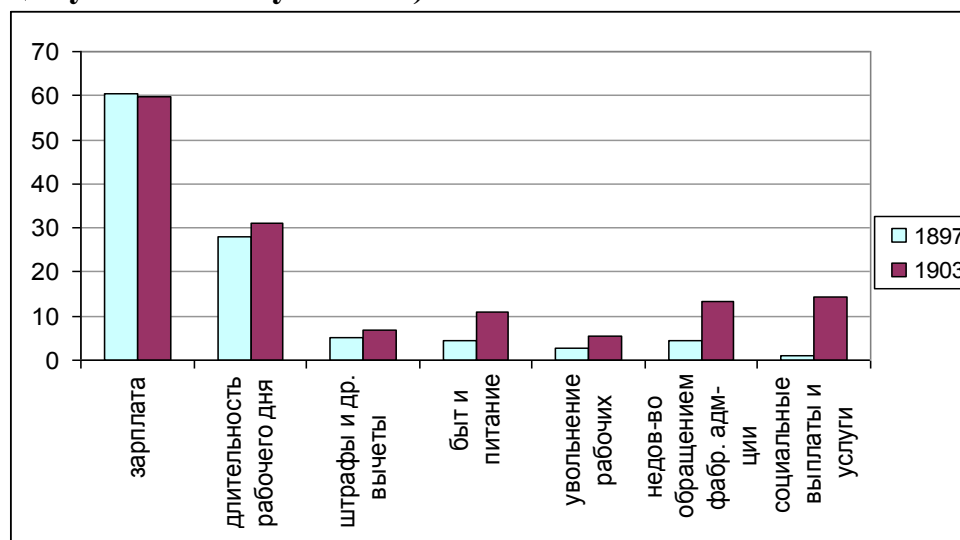

Это в определенной степени можно объяснить как ростом числа металлообрабатывающих предприятий и числа рабочих в них, так и другими причинами. Устоялось мнение о том, что накануне первой русской революции металлисты представляли собой наиболее организованную часть российского пролетариата, на них делали главную ставку в своей агитационно-пропагандистской деятельности представители социал-демократических организаций.

5. Основные требования рабочих в трудовых конфликтах и общий результат стачек 1897 г. и 1903 г.

Рис.14 наглядно свидетельствует о том, что в 60% стачек на обоих «временных срезах» рабочие выдвигали требования – связанные с повышением оплаты их труда.

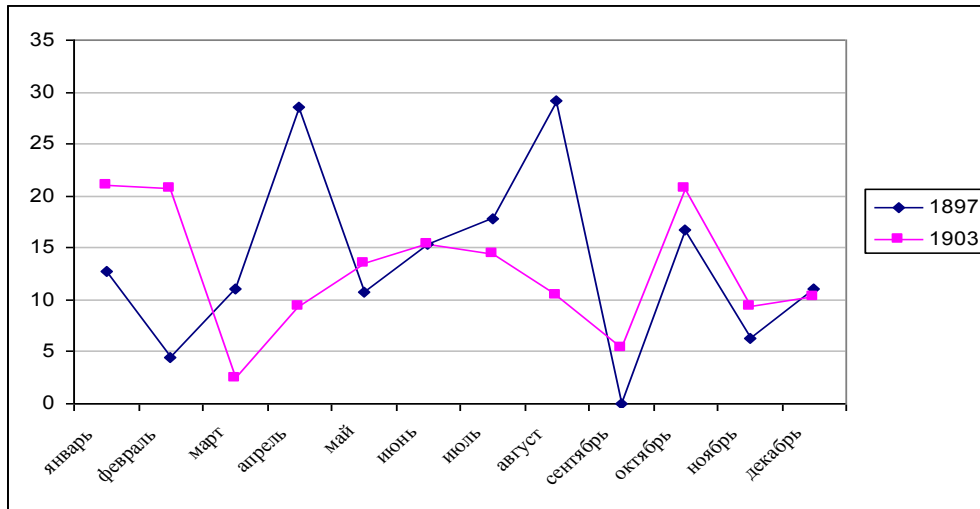
Рис.14. Основные требования, выдвигавшиеся в ходе стачек (% к общему количеству стачек). 1897 и 1903 гг.

В 1903 г., хотя и немного (на 2,1%), увеличилась доля стачек, в которых рабочие требовали изменения длительности рабочего дня. Но более существенное увеличение можно наблюдать в отношении стачек, в ходе которых рабочие выдвигали требования социального характера. Они были связаны с улучшением бытовых условий, качества продуктов в фабричных харчевых лавках, а также с требованиями сохранения, введения и/или повышения различных социальных выплат, предоставления бесплатных медицинских, образовательных услуг. Особое место занимали требования вежливого обращения со стороны служащих, обоснованности увольнений, а также протесты против грубости со стороны администрации и служащих, вымогательств, взяток, обысков, обсчетов, что указывало на рост самосознания определенной части рабочих.

На Рис.15 представлены два графика – за 1897 и 1903 гг., отражающие ежемесячно процентную долю стачек, в которых рабочие выдвигали требования, связанные с расценками на работы – увеличение, сохранение прежних расценок, выравнивание расценок рабочих разных отделений и т.п. Помесячная динамика этого показателя имеет большой размах: от 0 до 30% в 1897 г., от 2 до 22% в 1903 г. При этом сходство графиков наблюдается только по динамике последних месяцев года; кроме того, к 1903 г. динамика рассматриваемой категории стачек становится более сглаженной, не содержит таких выраженных пиков, которые характерны для 1897 г.

Рис.15. Доля стачек, в которых рабочие выдвигали требования повышения, сохранения, выравнивания расценок (% от количества стачек за месяц). 1897 и 1903 гг.

Кривая графика 1897 г. снова указывает на пик в апреле, что подтверждает предположение о том, что в начале нового операционного года уровень расценок был исключительно актуален для рабочих, требовавших либо повышения расценок с нового операционного года, либо сохранения их на прежнем уровне (если фабричная администрация объявляла об их снижении). После падения в мае график 1897 г. вновь идет вверх в июне-июле и, особенно, в августе, когда мы видим второй пик подъема.

Характерной особенностью графика 1903 г. является «дуга», идущая на подъем в период с апреля по июнь-июль, которая показывает тяжбу за расценки, переходящую в стачки.

Интересно, что оба графика дают пик в октябре. Это требует исследования особенностей российского производства и, возможно, было связано с протестом рабочих против перехода на пониженные зимние расценки, поскольку эта практика обнаруживается в источниках за рассматриваемый период. Так или иначе, но величина коэффициента корреляции, отражающей степень согласованности сезонного хода стачек данной категории в 1897 и 1903 гг., близка к нулю ($r = 0,05$), что говорит о значительной роли фактора экономической конъюнктуры на разных фазах цикла деловой активности.

Борьба всегда интересна результатом. Так, на Рис.16 и Рис.17 можно видеть количество и процентное соотношение стачек, в которых: требования были полностью удовлетворены; не удовлетворены или удовлетворены частично. При этом выделены требования, которые не были удовлетворены, но фабричная администрация обещала их удовлетворить. Сделано это потому, что довольно большое число повторных стачек происходило в связи с невыполненными обещаниями.

Рис.16. Результаты стачек (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

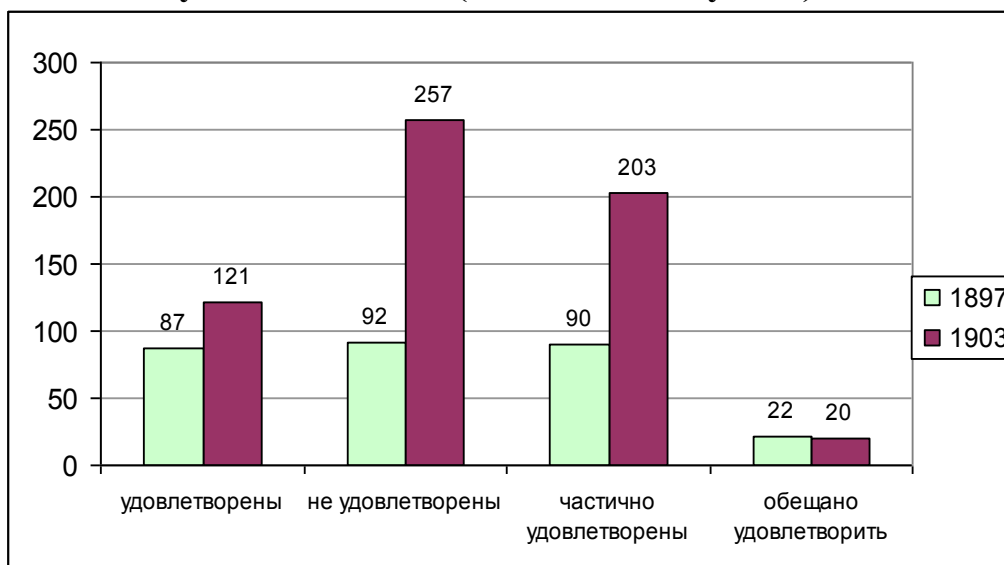
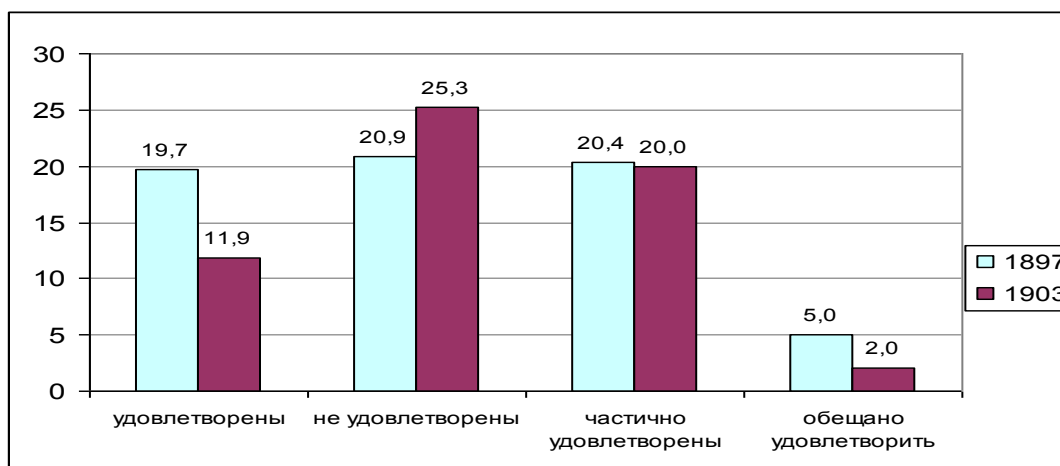

Рис.17. Результаты стачек (%% от общего количества стачек). 1897 и 1903 гг.

Очевидно, что и в количественном, и в процентном отношении стачки, заканчивавшиеся поражением рабочих, составляют самую большую группу, причем доля их увеличилась в 1903 г. на 4,4% по сравнению с 1897 г. Почти неизменной остается доля стачек, в результате которых требования рабочих частично были удовлетворены. И заметно снижается доля стачек

- которые были выиграны рабочими (на 7,8%),
- в которых фабричная администрация обещала выполнить требования рабочих (на 3%).

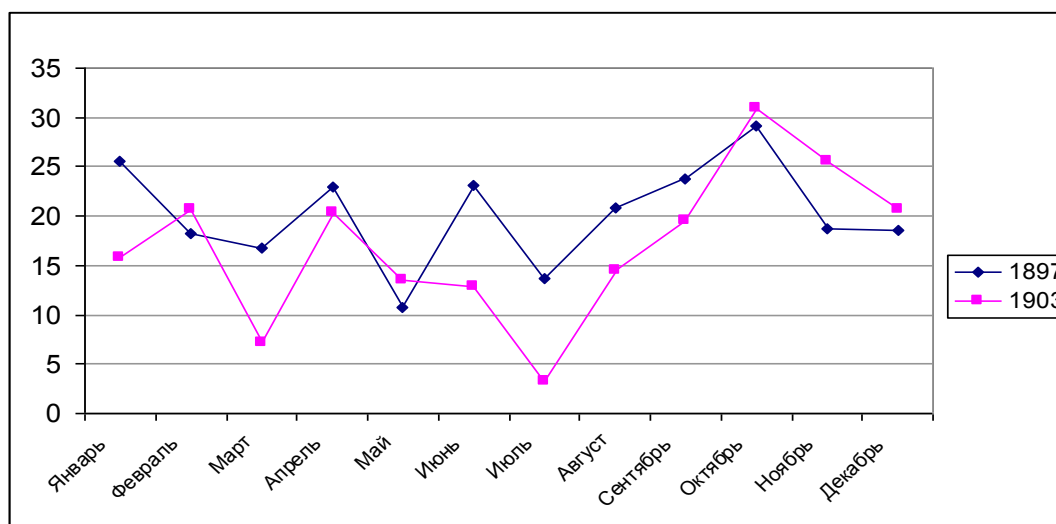
Эта ситуация в некоторой степени объясняется общим количественным ростом стачек в 1903 г., в связи с чем снижается процент выигранных. Возможно также, что предприниматели в начале XX в. уже приобрели опыт совместных действий (взаимодействия) при противостоянии рабочим выступлениям. Кроме того, промышленный кризис начала XX в. давал

предпринимателям возможность более жестко реагировать на выступления рабочих, поскольку угроза увольнения в тех условиях являлась для рабочего серьезным рычагом давления. И еще одно: доля стачек, закончившихся обещаниями предпринимателей удовлетворить требования рабочих, могла снизиться и по той причине, что такой неопределенный ответ в 1903 г. уже не устраивал рабочих и зачастую не мог успокоить их.

Особенности помесечной динамики стачечного движения на фазах подъема и спада экономической конъюнктуры отражены в таблицах Приложения.

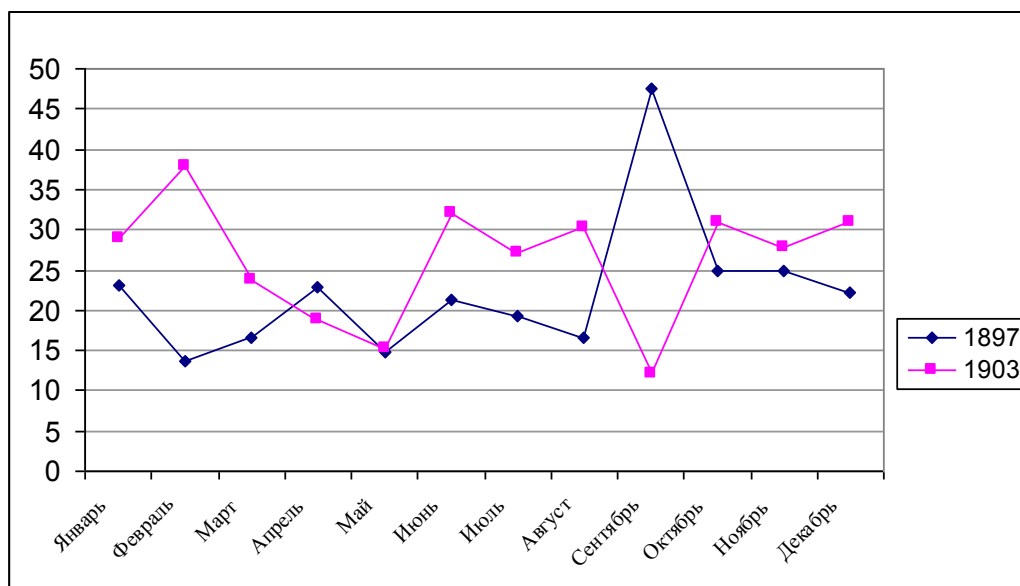
Рис.18 и Рис.19 показывают месячную динамику стачек выигранных (Рис.18) и проигранных (Рис.19) рабочими в 1897 и 1903 гг. На Рис.18 кривые графиков ведут себя согласованно почти на всем своем протяжении, особенно это очевидно на отрезках март-май и июнь-ноябрь. Для обоих лет наибольший процент выигранных рабочими стачек приходится на октябрь (29,2% - в 1897 г. и 31% в - 1903 г.). Резкое снижение доли стачек, в которых требования рабочих были удовлетворены, мы наблюдаем в 1897 г. и в 1903 г. в июле, притом в 1903 г. это вообще самое низкое значение выигранных стачек – всего 3,2%). Объяснить это можно, конечно, и ростом количества стачек в июле, причем для 1903 г. этот общий рост стачечного движения «в разы» больше, чем в 1897 г.

Рис.18. Доля стачек, требования в которых были удовлетворены (%% от общего количества стачек). Месячная динамика. 1897 и 1903 гг.

Графики, показывающие месячную динамику стачек, проигранных рабочими (см. Рис.19), ведут себя менее согласованно, иногда образуя «ножницы». Наиболее заметно это в феврале и сентябре. В сентябре 1897 г. доля стачек, в которых рабочим в их требованиях было отказано, составила чуть ли не половину – 47,6%. Эти различия связаны с конкретными сезонными проявлениями экономической конъюнктуры в 1897 (успешном) и 1903 (кризисном) годах.

Рис.19. Доля стачек, требования в которых не были удовлетворены (% от общего количества стачек). Месячная динамика. 1897 и 1903 гг.

Далее Рис. 20 и Рис. 21 показывают количество и процентную долю выигранных рабочими стачек в разных отраслях промышленности.

Рис.20. Стачки на предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих были удовлетворены (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

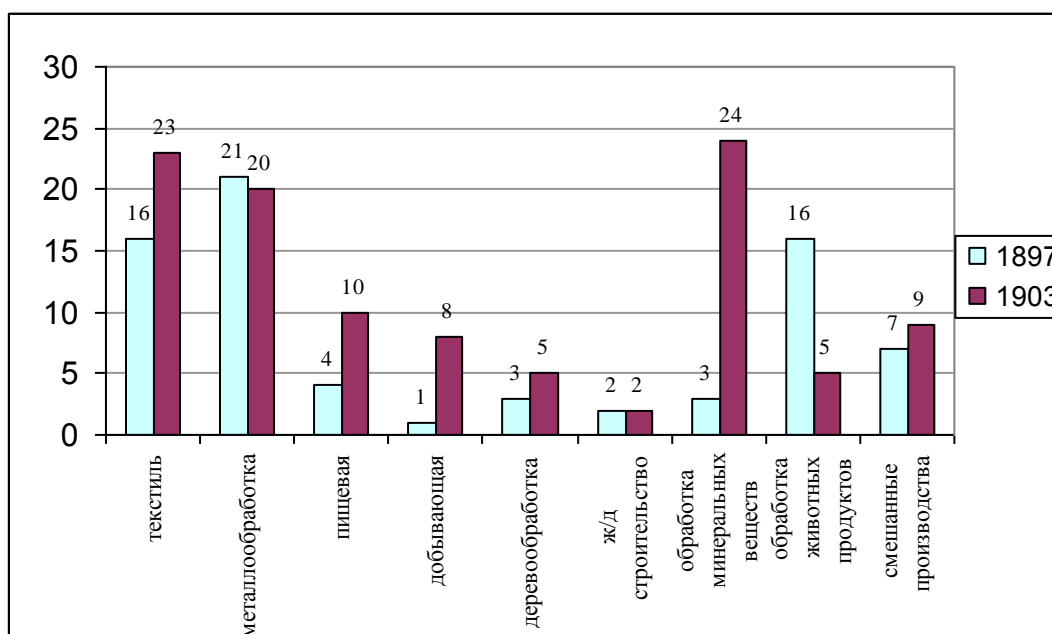
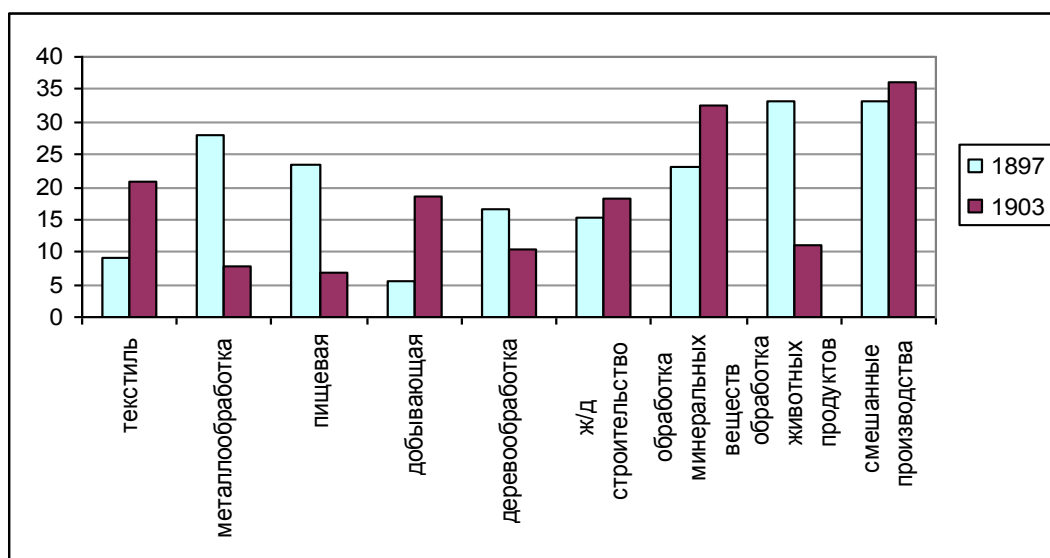

Рис.21. Стачки на предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих были удовлетворены (%% от общего количества стачек). 1897 и 1903 гг.

Здесь можно отметить ряд интересных моментов. Так, выигранные стачки на текстильных предприятиях увеличиваются и количественно, и в процентном отношении от стачек данной отрасли. В 1903 г. в процентном отношении увеличение заметнее – в 2,3 раза. Это можно объяснить тем, что количество стачек в текстильной отрасли в 1903 г. меньше, а в отраслях, связанных с металлом заметно больше, чем в 1897 г.: а чем больше количество стачек, тем в соотношении с общим числом меньше случаев, когда требования полностью удовлетворяются. Высказанное предположение в известной степени подтверждается и данными по пищевой промышленности: количество стачек на предприятиях этой отрасли, также как и у металлистов, в разы возросло в 1903 г. (см. выше Рис.12 и 13), и также как у металлистов мы видим снижение доли выигранных стачек с 23,5% до 6,9%, т.е. в 3,4 раза.

Рис. 22 и рис.23 показывают количество и процентную долю проигранных рабочими стачек в разных отраслях промышленности.

Рис.22. Стачки на предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих не были удовлетворены (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

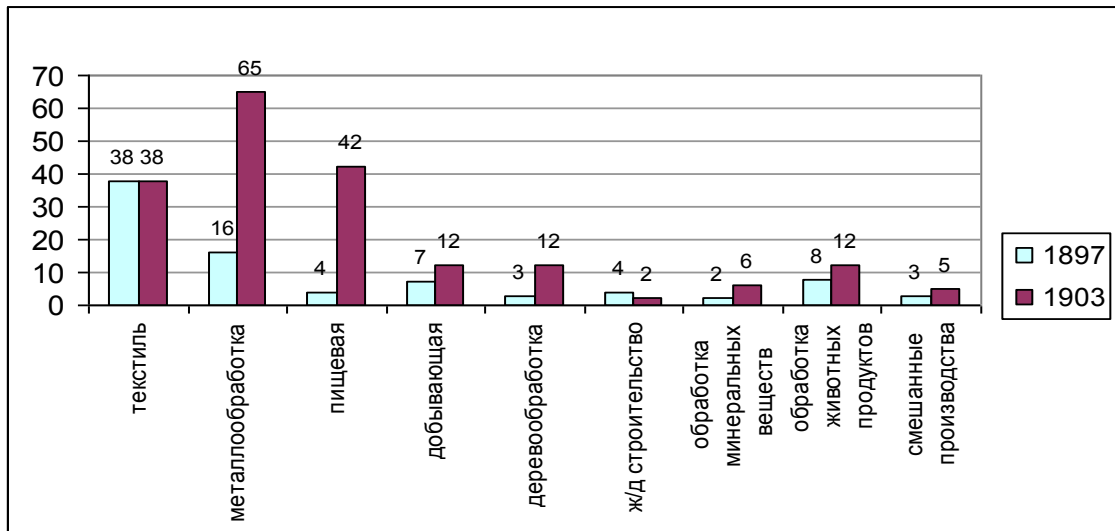
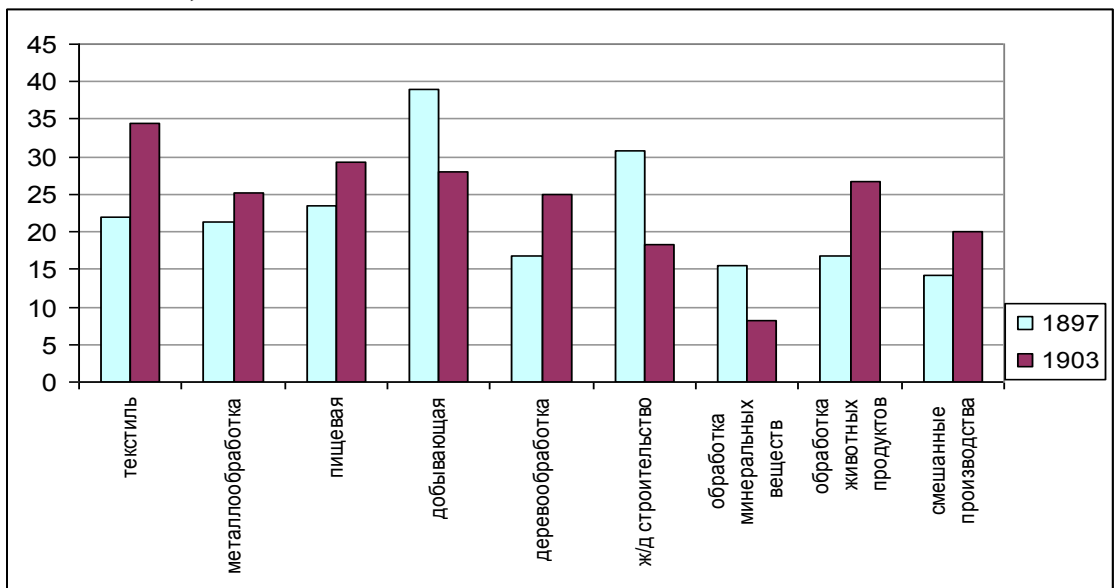

Рис.23. Стачки на предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих не были удовлетворены (%% от общего количества стачек). 1897 и 1903 гг.

Диаграммы представляют, как увеличилось за семь лет количество и доля проигранных стачек в металлообработке и пищевой промышленности, что полностью согласуется с двумя предыдущими диаграммами (Рис.20 и 21), показывающими снижение доли выигранных стачек на предприятиях этих двух отраслей.

Иная картина в текстильной отрасли. Рис.20 и 21 показывают, как росла доля стачек, в которых требования рабочих выполнялись, а Рис. 22 и 23 фиксируют одновременное увеличение доли проигранных стачек в этой

отрасли. Похожую динамику дают графики для смешанных производств, где ряд предприятий были связаны с текстильным производством.

Завершение трудовых конфликтов с разными результатами зависело от многих обстоятельств. В качестве наиболее существенных можно выделить участие в стачке всех рабочих предприятия; вызов полиции и/или войск для умирения рабочих и прекращения беспорядков; действия рабочих в ходе стачки, а именно – порча и уничтожение фабричного имущества; вмешательство в ход конфликта фабричного инспектора; агитация.

Как показывает коэффициент корреляции, вмешательство фабричного инспектора по данным 1897 г. находится в тесной связи с возможностями удовлетворения требований стачечников: там, где зафиксировано присутствие фабричных инспекторов, требования удовлетворялись чаще ($r = 0,43$). Обратная картина характеризует 1903 г. ($r = -0,12$), когда по мере приближения к революционному 1905 г. вмешательство фабричных инспекторов уже не оказывает сколько-нибудь серьезного влияния на исход стачек, что отмечалось самими инспекторами в докладных записках, анализирующих развитие рабочего движения в то время. В условиях его подъема в 1903 г. фабричные инспектора просто не успевали проследить за ситуацией на всех подконтрольных им предприятиях, а вмешательство их в ход трудовых конфликтов делало его в условиях широкого массового подъема малозаметным, да и малоэффективным. В источниках, относящихся к более раннему времени отмечено немало случаев, когда сами рабочие требовали присутствия фабричного инспектора и его вмешательства в их конфликт с хозяевами, но постепенно в связи с обострением обстановки и нарастанием массовых выступлений в той или иной местности доля таких случаев в общем потоке стачечного движения сокращалась.

Итак, «Хроника» и созданная на ее основе база данных, как показывает наше исследование, предоставляют широкие возможности для анализа различных аспектов стачечного движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Полученные результаты впервые на примере такого количества конфликтов позволяют представить количественные показатели стачечного движения рабочих, определить его отраслевые и региональные особенности на разных фазах делового цикла, а также влияние различных факторов на исход конфликтов.

На протяжении рассматриваемого десятилетия непрерывно снижается доля стачек на отдельных предприятиях в общем потоке рабочего движения при одновременном росте доли стачек коллективных, а также демонстраций и митингов. Это свидетельствует о росте организованности и увеличении политической компоненты стачечной динамики. Однако при этом стачки как способ разрешения трудовых конфликтов не теряют своей значимости.

Исследование подтверждает известный в российской историографии тезис о том, что рабочие-текстильщики, являвшиеся явными лидерами среди стачечников на начальном этапе, в последующие годы уступают эту роль металлистам. Проведенный анализ данных четко определило эту границу – 1899-1900 гг.

Интересен полученный вывод о том, что после 1900 г. уменьшается количество стачек, проходивших с вмешательством фабричного инспектора. Во многом это объясняется общим нарастанием накала борьбы, когда обе конфликтующие стороны – предприниматели (фабричная администрация) и рабочие – ориентируются на более жесткие действия для достижения своих целей.

Увеличение оплаты труда – это требование было основным на всем протяжении рассматриваемого десятилетия. Представляется немаловажным, что к 1903 г. наблюдался заметный рост требований, связанных с развитием социальной инфраструктуры предприятий.

В условиях нарастания стачечного движения в начале XX в. наблюдалось снижение доли выигранных рабочими стачек. Она снижалась и с возрастанием тенденции к вызову полиции и/или войск. Зависимость положительного исхода стачек от агитации, участия фабричного инспектора, агрессивных действий рабочих была сильнее в начале десятилетия, чем в конце его.

Отмеченные тенденции в динамике стачечного движения в Российской империи конца XIX – начала XX в. во многом определили характер социального взрыва, происшедшего в 1905 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица I. Категоризация помесечных данных о стачках в России. 1897 г.

Месяц	% стачек с участием всех рабочих предпр-я	% стачек с вызовом войск/полиции	% стачек с агрессивными действиями рабочих	% стачек с элементом «агитация»	% стачек с вмешательством фабричного инспектора	% стачек с требованием увеличения заработной платы	% стачек, где требования были полностью удовлетворены	% стачек, где требования не были удовлетворены
Январь	35,9	20,5	2,6	38,5	17,9	56,4	25,6	23,1
Февраль	27,3	13,6	4,5	27,3	18,2	50,0	18,2	13,6
Март	22,0	11,1	0	16,7	0	61,1	16,7	16,7
Апрель	22,9	5,7	0	34,3	14,3	57,1	22,9	22,9

Май	32,4	12,2	2,7	20,3	10,8	64,9	10,8	14,9
Июнь	30,8	34,6	1,9	23,1	15,4	73,1	23,1	21,2
Июль	45,2	21,9	0	16,4	9,6	80,8	13,7	19,2
Август	12,5	4,2	4,2	29,2	12,5	62,5	20,8	16,7
Сентябрь	28,6	14,3	4,8	19,0	19,0	61,9	23,8	47,6
Октябрь	16,7	25,0	8,3	33,3	33,3	58,3	29,2	25,0
Ноябрь	6,3	25,0	0	18,8	37,5	25,0	18,8	25,0
Декабрь	37,0	22,2	0	11,1	29,6	29,6	18,5	22,2
<i>В среднем за год</i>	26,5	17,5	2,4	24,0	18,2	56,7	20,2	22,3

Таблица II. Категоризация помесечных данных о стачках в России. 1903 г.

Месяц	% стачек с участием всех рабочих предпр-я	% стачек с вызовом войск/полиции	% стачек с агрессивными действиями рабочих	% стачек с элементом «агитация»	% стачек с вмешательством фабричного инспектора	% стачек с требованием увеличения заработной платы	% стачек, где требования были полностью удовлетворены	% стачек, где требования не были удовлетворены
Январь	15,8	15,8	5,3	26,3	15,8	73,7	15,8	28,9
Февраль	31,0	6,9	0	34,5	0	69,0	20,7	37,9
Март	23,8	16,7	2,4	14,3	4,8	54,8	7,1	23,8
Апрель	10,9	6,3	0	15,6	4,7	59,4	20,3	18,8
Май	36,0	5,4	0,9	13,5	8,1	33,3	13,5	15,3
Июнь	24,4	7,7	0	10,3	12,8	65,4	12,8	32,1
Июль	53,0	14,2	2,7	15,1	3,0	76,1	3,2	27,2
Август	36,8	19,7	2,6	17,1	1,3	35,5	14,5	30,3
Сентябрь	58,7	5,4	0	5,4	6,5	51,1	19,6	12,0
Октябрь	37,9	0	0	24,1	6,9	62,1	31,0	31,0
Ноябрь	27,9	7,0	0	18,6	2,3	44,2	25,6	27,9
Декабрь	31,0	10,3	10,3	17,2	0	41,4	20,7	31,0
<i>В среднем за год</i>	32,3	9,6	2,0	17,7	5,5	55,5	17,1	26,4

Источник: «Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 гг. Хроника».

¹ Бородкин Л.И., Пушкарева И.М., Шильникова И.В. База данных о рабочем движении в России конца XIX - начала XX вв.

² Там же.

А.В. Репников

«Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие...» (русские консерваторы о социальных проблемах начала XX в.)

Русские консерваторы неоднозначно оценивали процесс капитализации России и связанные с ним социальные проблемы. Правовед и этнограф А.А. Башмаков полагал этот процесс естественным: «По переводным книжкам, занесенным к нам из стран, где отрицательные стороны капитализма успели вызвать страдания масс, мы начали проклинать у себя капитал, когда он у нас еще не сложился и не успел даже оплодотворить нашу страну. Так с малолетства русский человек на основании чужого опыта настраивается против одной из тех сил, развитие которых особенно необходимо, дабы вывести его из варварства»; в результате в ходе революционных выступлений происходит процесс слияния инстинкта «коммунистического степняка» с «умствованиями Маркса и Каутского», и воззрения, прирожденно имеющиеся у человека, «не доросшего до собственности, совпадают с поздним умом пресыщенных избытком цивилизации. Так растет молодой человек в России, заранее, как баран на заклание, предназначенная жертва всепроникающего социализма»¹.

Черносотенный публицист П.Ф. Булацель, напротив, критиковал капитализм с правых позиций: «Тысячи изувеченных и погибших в пламени людей, десятки тысяч потерявших все свое имущество, стоны и проклятия по адресу промышленных заведений и бессердечных слепых машин, ежегодно убивающих в Европе больше народу, чем самые убийственные войны, все это громко взывает к человеческой справедливости и ясно указывает на необходимость предоставить частным лицам более широкие права для борьбы со злоупотреблениями фабрикантов и заводчиков»². Он писал, что «в любом промышленном центре тысячи людей ютятся вблизи фабрик и заводов, наполняющих зловоньями, дымом и копотью окрестный воздух, портящих проточную воду, заражающих источники для питья, докучающих соседям гулом, шумом и свистом. Большинство таких данников промышленности сами избрали себе столь неудобное местожительство под гнетом нужды, заставляющей рабочий люд ютиться и в сырых подвалах, и душных чердаках»³. В своей юридической практике Булацель, в частности,

¹ © А.В. Репников, 2010

поддержал иск ревельского домовладельца купца К.Н. Менда к акционерному обществу Р. Майера о закрытии химического завода, деятельность которого наносила вред окружающей среде, полагая, что «как бы сильно не было заинтересовано правительство в поощрении заводской промышленности... общее благо требует, чтобы жизнь большинства людей не укорачивалась, не подвергалась беспокойствиям и стеснениям, чтобы здоровье и душевное спокойствие не терпели слишком много от неприятного соседства все более и более развивающихся промышленных предприятий»⁴.

Историк Д.И. Иловайский связывал возникновение социалистических учений на Западе с существовавшими там «ненормальными отношениями» между массой населения и количеством земли. Проникновение этих идей в Россию он объяснял исключительно антинациональным настроением части отечественной интеллигенции. В статье «По поводу марксизма и сумбура в умах» Иловайский оценивал «Капитал» К. Маркса как «удивительную смесь экономических положений с историческими и практическими осложнениями», полагая, что Маркс руководствовался «слепой ненавистью к капиталистическому производству» и «буржуазному строю», а его выводы «менее всего подходят к нам, т.е. к России»⁵. Неприменимость марксизма к России Иловайский обосновывал ее географическими особенностями, отличными от Запада исторической почвой, общественным и государственным укладом: «Могут ли иметь какое-либо серьезное отношение к нам все эти интернационалки и коммуны? Никакого, кроме возможности делать поучительные наблюдения и уяснять себе уроки истории»⁶. Иловайский не признавал наличие в России пролетариата: «Известно, что особого рабочего сословия в России почти нет, что наши заводско-фабричные рабочие суть те же крестьяне, которые не находят себе достаточно занятий в деревне... рабочего вопроса у нас не было бы, если бы его искусственно не возбуждала противурусская часть интеллигенции с помощью еврейской печати»⁷.

Националист М.О. Меньшиков считал, что «капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие... На капитал мечут громы... Под колесницей его, под миллионом фабричных колес, выжимаются действительно соки народные», признавая при этом, что «капитализм пока единственное средство спасти человечество от анархии»⁸. Успехи социализма он объяснял «упадком личности» и тем, что «для обессиленных, обесцвеченных, измятых душ из всех состояний самое подходящее – рабство, и XX век, вероятно, для многих стран осуществит эту надежду»⁹. Описывая механизм превращения человека в «винтик» грядущего общества, Меньшиков отмечал: «Когда от человека отойдет забота о самом себе, когда установится земное провидение в виде выборного или иного Олимпа земных богов, тогда человек окончательно превратится в машину. За определенное кол-во работы эту машину будут чистить, смазывать, давать топ-

лива и т.п. Но малейшее уклонение машины от указанной ей роли встретит неодолимые преграды. Меня лично, эта утопия не прельщает»¹⁰. В позиции Меншикова прослеживается влияние Фр. Ницше. Свободная конкуренция, по его мнению, помогает выживать сильнейшим; происходит «дарвиновский отбор жизнеспособных». Государство, обеспечивая «свободу соревнования» обеспечивает и «свободу самоопределения каждого». Одни используют эту свободу для государственного и своего блага, а другие бездельничают и живут в нищете: «Подобно блондинам и брюнетам, верующим или неверующим, умным или глупым, типы бедных и богатых — рождаются. Кто по натуре своей богат, то даже родившись в подвале, он в большинстве случаев выберется из нищеты и добьется богатства... кто по натуре бедняк, то родившись в семье миллионера, он всю жизнь будет безотчетно стремиться к бедности»¹¹.

Капитализм и буржуазия для многих правых воспринимались как нечто синонимичное и совершенно противоположное самодержавию и аристократии. По мнению члена Союза русского народа А.А. Майкова, «учреждение в России парламентаризма, связанного с ограничением царской власти, отдало бы весь русский народ в руки богачей капиталистов», поскольку именно богатые получают преимущество при выборах¹². Член Союза русских людей А. Григоров считал, что термин «власть народа» является фикцией, поскольку во всех парламентах «главнейшими представителями народа являются... денежная интеллигенция и буржуазия»¹³. П.Ф. Булацель подозревал правительство П.А. Столыпина в том, что, оно хочет «достигнуть всеобщего недовольства всех правых, затем сравить их с крайними левыми и на костях русских патриотов и русских фанатиков революционеров создать конституцию, которая быстро превратится в буржуазно-банкирскую республику...»¹⁴. Он полагал, что «доказать всю призрачность и лживость конституционных теорий можно, только вступив в ожесточенную борьбу с представителями могучей буржуазно-капиталистической шайки, которая всеми средствами стремится к власти. Эта шайка алчных честолюбцев имеет своих агентов и руководителей повсюду, начиная от рабочих казарм и кончая дворцами. Слугами этой партии зачастую являются не только чиновники, министры, но даже и герцоги и короли. Эта партия под видом конституции добивается *власти для денег*, а деньги затрачивает опять на то, чтобы приобрести еще больше власти»¹⁵.

Дипломат и геополитик Ю.С. Карцов выражал свое убеждение, что хотя в России и проходят реформы «тем не менее, к самодержавию... европейское общественное мнение при всяком случае выражает свою антипатию... Искать объяснения в мотивах идеологических, любви к свободе и т.п. было бы не только ошибочно, но и наивно. Дело в том, что, сколько бы в это вино воды ни вливали, по существу своему самодержавие есть начало мистическое, глубоко народное и боевое. В страхе за свои карманы западные капиталисты предвидят минуту, когда оно найдет себе выражение и

вдруг делается стягом самобытности и освобождения. Напротив, конституция знаменует подчинение. Санкцией народного согласия она захватам международного капитала придает вид легальности»¹⁶. Председатель Астраханской монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий в «Основных положениях народных монархических союзов» (1916 г.) писал, что «народу нужен царь самодержавный, богачам нужны – конституция и парламент. Банки, синдикаты, богачи-промышленники при поддержке содерж[имых] ими газет, буржуазных классов общества и части так называемой интеллигенции... требуют конституции... Требование богачами конституции вполне понятно, – она в их интересах: когда государь будет ограничен и министры будут в зависимости от Думы, то банки, капиталисты и т.п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Гос[ударственной] думы и Гос[ударственного] совета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадет в полную зависимость от богатых»¹⁷.

Л.А. Тихомиров, имевший большой опыт практического общения с социалистами, признавая неизбежность капитализма, но призывал власть принять ряд мер с целью сглаживания неизбежных социальных и экономических противоречий. С точки зрения Тихомирова, усиленная эксплуатация в капиталистическом обществе «своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого как протест против буржуазного общества»¹⁸. Он также отмечал, что, прикрываясь рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество привело к господству капиталиста над пролетарием, лишенным элементарных прав, а «на почве крайней бедности и – слишком часто – прямого притеснения неизбежно должны были возникать революционные движения народных масс, в теории объявленных владыками государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами»¹⁹. В социалистическом учении Тихомиров видел стихийный протест против обнищания. Он утверждал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах, задаваясь вопросом: «каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу – и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем», и считал, что социализм «совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а, утверждая, что общество обязано принять меры к изменению такого положения»²⁰.

Церковный деятель и один из лидеров московских монархистов протоиерей И.И. Восторгов в проповеди, посвященной взаимоотношению «труда и капитала» утверждал: «Слово Божие нигде не говорит нам, чтобы богатство было само по себе грех, а бедность – добродетель. Если бедность не порок, то и богатство – не укоризна... Господь не запрещает богатства, ... но вместе с тем Господь заповедует человеку труд и труд... Таким об-

разом, право на радости и удовольствия дает труд»²¹. Он видел «здоровое ядро» учения А. Смита в том, что «прогресс промышленности зиждется на соревновании... При регламентации же экономической жизни хотя бы социалистическим укладом соревнованию нет места»²².

Правый публицист К.П. Степанов считал, «капитализм не по душе русскому человеку». Критиковал изъяны капитализма и видный мыслитель, ученый и путешественник С.Н. Сыромятников: «Русское правительство не есть правительство фабрикантов и заводчиков. Рабочий такой же русский гражданин, как и заводчик, помещик, и его интересы так же дороги Государю, как и интересы каждого из нас... И в государстве Царя-плотника, исповедующего веру Христа-ремесленника, труд не может быть отдан в жертву капиталу»²³.

Неославянофил Д.А. Хомяков полагал, что современного человека поработило поклонение науке, которое способствовало его большей его эксплуатации со стороны предпринимателей. «Благодаря научным средствам Европа (и Америка как ее продолжение) овладела миром! Именно овладела, т.е. европейский капитализм, вооруженный всеми силами науки, обратил европейские массы в машины, сбыт труда которых возможен лишь на мировых рынках. Поэтому все отношение Европы к миру стало чисто грабительским, а не просветительским в христианском смысле»²⁴.

Большой общественный резонанс имела социально-острая повесть казачьего писателя и убежденного монархиста И.А. Родионова «Наше преступление. (Не бред, а быль)», с подзаголовком «Из современной народной жизни» (СПб., 1909; в 1910 выдержала 5 изданий; неоднократно переиздавалась за границей), содержащая описание убийства потерявшими человеческий облик крестьянами своего трудолюбивого односельчанина, что породило цепь трагедий в семье последнего. В повести подробно описан суд над убийцами, вынесший им мягкий приговор. «Эту книгу – сообщил Родионов, я писал с единственной целью – обратить внимание русского образованного общества на гибнущих меньших братьев. Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться... Причина... – разобщение русского культурного класса с народом... Я потому и назвал свою книгу “Наше преступление”, что считаю те ужасы, которые описаны в ней и которые стали обыденным явлением в деревне, нашей виной, виной бросившего народ на произвол стихий образованного русского общества»²⁵. Родионов писал о преступности, пьянстве и разврате в пореформенной деревне: «Деревня одичала и озверела, и всего больше одичала и озверела молодежь... Точно все помешались и принялись истреблять друг друга. В крестьянской среде, особенно между молодежью, убийства стали обычным явлением. Среди них это даже не считается преступлением, а перешло в обычное времяпровождение... Тут уже поднимается брат на брата, сын на отца, отец на сына... такая война ведет к одичанию, к анархии, т.е. к полному распадению государства, когда уже не будет существовать ни властей, ни суда, а

следовательно, и порядка, потому что некому будет охранять и поддерживать порядок. Тогда восторжествуют лихие люди, потерявшие стыд и совесть»²⁶. Эти наблюдения пересекались с выводами М.О. Меньшикова, В.Л. Величко и др. правых публицистов. Либерально-демократические и народнические критики и публицисты (А.В. Амфитеатров, П.Ф. Якубович, М.В. Морозов, В.П. Полонский, Д.В. Философов, М. Горький и др.) назвали повесть Родионова «клеветой на крестьянство» и «одной из самых гнусных и бесчеловечных книг» и т.д.²⁷ Вместе с тем, произведение Родионова получило широкую известность в консервативных кругах. В.В. Розанов полагал, что книга Родионова «есть вся до некоторой степени вздох по исчезающему “дураке Иване” в деревне, который матери повинуется, Богу молится, дрова рубит, избу поправляет, живет и никого “при своей глупости” не обижает»²⁸. Митрополит Вениамин (Федченков) считал, что повесть Родионова «поразительно сильная книга», но «читая лекции в Петербургской академии, для характеристики современной нашей паствы не мог перед взрослыми студентами цитировать некоторые страницы с кощунствами. А то была фотография с подлинных фактов»²⁹. М.О. Меньшиков посвятил книге восторженный отклик: «В удивительной книге г. Родионова *все правда*, и в самом деле это “не бред, а быль”, как он сам рекомендует свою книгу. Все фактически здесь не сочинено, а снято с природы... Вот это реализм, художественный реализм! ... После “Воскресения” гр. Л.Н. Толстого я не читал более важного по значению романа, как “Наше преступление”. В писательской манере И.А. Родионова вообще много сходного с Толстым: почти то же проникновение в душу людей и почти та же способность простейшими движениями вскрыть самую сущность жизни»³⁰. Л.Н. Толстой, которому Родионов подарил свою книгу, заметил: «Талантливо, но мысль нехороша. Описывает разврат народа. Это хорошо описано: он знаток, но односторонне... Прекрасный язык, народный... Суд... прекрасно, верно описан»³¹. С.Е. Крыжановский полагал, что «в книге, как водится, сгущены краски, но описанные в ней проявления деревенского хулиганства представлялись для данной местности явлением обыденным» и зафиксировал мнение императора Николая II о книге: «Нет, я все-таки этому не поверю. Человек, который это написал, просто не любит народа»³².

Таким образом, можно сделать вывод, что русские консерваторы одними из первых стали задумываться о «цене прогресса» и побочных последствиях капитализации. В своей критике технического прогресса правые, как оказалось, заглянули на годы вперед, выявив оборотную, негативную сторону научно-технической модернизации, и поставив вопрос об ответственности человека перед природой и другими людьми. За редким исключением они не принимали капитализации России, однако верно отмечая «язвы капитализма» они так и не смогли предложить реальной соци-

ально-экономической альтернативы, что во многом предопределило их политическое крушение.

-
- ¹ Вещий Олег [Башмаков А.А.]. Великое крушение. СПб., 1907. С. 14–15.
- ² Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1912. Т. 2. С. 280.
- ³ Там же. С. 276.
- ⁴ Там же. С. 77.
- ⁵ Цит. по: Рогожин Н.М. Д.И. Иловайский (1832–1920) // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2004. Т. 2. С. 107.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Кремль. 1906. 19 октября. № 26/28.
- ⁸ Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004. С. 211.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 42–43.
- ¹¹ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии / Публ. М.Б. Поспелова. М., 1993. С. 28.
- ¹² Майков А.А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 28.
- ¹³ Григоров А. Земский собор и Русская государственность // Мирный труд. 1907. № 5. С. 42.
- ¹⁴ Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1908. Т. 1. С. 130.
- ¹⁵ Там же. С. I.
- ¹⁶ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) / Публ. А.В. Репникова // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь – июнь 2009. № 4. С. 185.
- ¹⁷ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы / Сост. Ю.И. Кирьянов. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 553.
- ¹⁸ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 268.
- ¹⁹ Там же. С. 326.
- ²⁰ Там же. С. 272.
- ²¹ Восторгов И.И. ПСС. СПб., 1995. Т. 2. С. 143.
- ²² Восторгов И.И. ПСС. СПб., 1998. Т. 5. С. 517.
- ²³ Цит. по: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 132.
- ²⁴ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С. 163.
- ²⁵ Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. 3–4.
- ²⁶ Там же. С. 208–210.
- ²⁷ Запевалов В.Н. Родионов И.А. // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 314.
- ²⁸ Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 381.
- ²⁹ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 330.
- ³⁰ Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. С. 159, 162.
- ³¹ Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 91, 92.
- ³² Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 142.

Я.П. Берзиньш

К вопросу об истории семьи промышленных рабочих Латвии (начало XX века)

В конце XIX века население этнографической территории Латвии составляло 1,5% населения Российской империи. В 1900 году на территории Латвии работало более 62000 промышленных рабочих, а удельный вес

¹ © Я.П.Берзиньш, 2010

оборота фабрично-заводской промышленности составлял 5,7% оборота империи в целом¹. В 1913 году на территории Латвии количество промышленных рабочих составило уже около 135 000 человек².

Современные исследователи истории, особенно в Западной Европе, в изучении истории рабочих особую роль отводят семье³. Семья обеспечивала основы существования и деятельности рабочего. Рабочему грозили безработица, несчастные случаи, инвалидность, болезни, алкоголизм, эвентуальный недостаток продуктов, жилья и прочих необходимых вещей, а также – необеспеченная старость. В такой ситуации семья была главной опорой рабочего, помогавшей преодолеть несчастья и кризисные ситуации. Признано, что определяющим показателем того, относится или нет данный человек к основному составу рабочих, является семья. Если семье принадлежит важная роль в формировании его моральных, этических, эстетических качеств и сохранении всех тех человеческих отношений, которые обычно наследовались человеком из крестьянской жизни и традиций его народа, то рабочий, вышедший из такой семьи, может быть причислен к основному составу рабочего класса. Семья стала главным определяющим фактором в формировании личности. Однако необходимо также понимать, что не следует переоценивать роль семьи в жизни рабочих. Она не была всесильной и для того, чтобы осуществлять все упомянутые выше задачи имела весьма ограниченные возможности. Однако у рабочего просто не было иной – более надежной – опоры.

Рабочий, у которого была нормальная семейная жизнь, по возможности созданные семьей более выгодные условия и средства, необходимые для существования, старался закрепиться на промышленном предприятии работодателя. Чтобы достичь этого, рабочий стремился повысить свой профессионализм, старался стать незаменимым специалистом. В свою очередь, семья аккумулированной в ней силой способствовала росту сознательности рабочего и не позволяла ему опуститься до уровня представителей люмпен-пролетариата. Встречавшиеся в жизни рабочего негативные проявления объединяли и укрепляли семью, однако порой тяжелая жизнь порождала несогласие между членами семьи.

Промышленные рабочие Латвии формировались из рядов безземельных и малоземельных работников, пришедших в промышленное производство из села. В численно меньшем объеме рабочие выросли из ремесленников, подмастерьев, мастеров и низов городского населения. В семье, главный кормилец которой начал работать на новом рабочем месте – фабрике, постепенно возникали новые отношения между членами семьи, менялись требования к материальным и духовным ценностям. Трудно определить, что в своих отношениях семья новоиспеченного промышленного рабочего сохранила из прежних семейных отношений и традиций, что из них со временем ушло, а что возникло. Сложнее была жизнь тех семей, которые недавно приехали из села. Члены таких семей на протяжении дли-

тельного времени всё еще сохраняли и крестьянское мышление, и психологию. В свою очередь, в промышленной жизни скорее укоренились бывшие ремесленники, работники мануфактур и выходцы из тех семей, которые уже прежде были связаны с работой на фабриках или заводах либо вступали в какие-либо иные рабочие отношения в крупных промышленных центрах. Какой же процент фабричных рабочих составляли те, кто пришли из семей горожан? Л. Иванов, изучая данный вопрос истории рабочего класса России, сделал вывод, что выходцами из пролетарских семей в конце XIX века были 40% рабочих крупной промышленности, а накануне Первой мировой войны их было уже около 50%⁴.

Подобные данные относительно промышленных рабочих Латвии отсутствуют. Весьма приблизительные сведения по данному вопросу можно почерпнуть из 442 анкет бывших стрелков, служивших в латышских 1-м Даугавгривском и 2-м Рижском стрелковых батальонах. Трудно сказать, все ли родители этих стрелков – бывших молодых рабочих, были промышленными рабочими, но семьи их родителей уже на протяжении многих десятков лет жили в городе. По национальной принадлежности это были латыши. (В латышской этнографической части Лифляндской губернии в 1908 году из общего числа промышленных рабочих латыши составляли около 51%, русские – 14%, литовцы – 22%, поляки – 5%, немцы – 5%, эстонцы – 3%⁵.)

С годами ряды промышленных рабочих Латвии всё более росли за счёт проживающих в городе. Анкетный материал показывает, что с 1875 до 1900 года удельный вес родившихся в городах рабочих относительно всех указанных рабочих составлял не менее 52%⁶. Вполне возможно, что число таких рабочих в предвоенные годы в промышленности Латвии было еще больше.

Насколько можно судить из использованных источников, семьи рабочих Латвии обычно состояли из двух поколений – родителей и не вступивших в брак детей. Когда сын или дочь вступали в брак, они уходили от родителей, начинали жить отдельно. Для промышленных рабочих Латвии в конце XIX и начале XX века была характерна так называемая малая семья. Следует помнить, что промышленность Латвии была главным образом сконцентрирована в крупных городах (в 1913 году 76,7% промышленных предприятий с 87,9% рабочих)⁷. В России семья рабочего часто включала в себя три поколения. Промышленность в Российской империи размещалась главным образом на селе (в 1902 году только 31,9% промышленных предприятий с 30,4% рабочими находились в городах)⁸. Согласно данным переписи 1897 года, 56,1% семей рабочих состояли из 2 – 4 человек, а 43,9% семей состояли из 5 или более человек⁹. Для рабочих таких крупных городов как Петербург и Москва были характерны маленькие семьи. Это отличие, думается, возникло потому, что на селе существовала

возможность получить дополнительные доходы для бюджета семьи от сельского хозяйства.

В семье, где вместе жили три поколения, существовала значительно бóльшая возможность передать молодому поколению традиции своего народа, фольклорное наследие и религиозные установки. В основе поведения взрослого человека лежит то воспитание, которое он получил в семье, будучи ребёнком. Семейным воспитанием в известной мере даже определялось будущее общества. Неотъемлемым было полученное в семье духовное богатство. Если в семье жили два поколения, наследие духовной жизни, полученное молодым поколением, было беднее. В свою очередь, именно в такие семьи легче могли проникнуть и укорениться в них разного рода революционные идеи.

Изучая институт семьи, важно определить, какая часть рабочих состояла в браке. Обо всех жителях Латвии самые важные сведения дают материалы переписи 1897 года. Учитывая семейное положение всех проживающих на территории Латвии мужчин старше 18 лет и женщин старше 16 лет, можно получить следующие данные: в браке состояли 56,9% мужчин и 50,1% женщин¹⁰. При сравнении семейного положения жителей Латвии в конце XIX и начале XX века с группами населения по семейному положению в других странах Европы, следует отметить, что структура жителей Латвии более всего походила на Скандинавские страны, приближаясь к странам Западной Европы, но отличалась от России¹¹. Эти показатели могут дать только весьма приблизительное представление относительно семей промышленных рабочих Латвии.

Важно получить известное представление о возрасте, в каком промышленные рабочие Латвии создавали свои семьи. Одной из главных предпосылок для основания семьи было – достигнуть такого заработка, которым можно было обеспечить своей семье минимум существования. Для надежд, что родители одного из молодых супругов материально обеспечат молодую семью, не было никакого основания. Принимая во внимание ограниченные материальные возможности рабочих, это было элементарно неосуществимо. В 1911 году профсоюз рабочих-обувщиков Риги среди учеников отрасли (возраст учеников колебался от 15 до 46 лет) распространил опросные анкеты с различными вопросами. Из полученных 113 анкет видно, что 84% всех учеников были в возрасте от 18 до 30 лет. Из них женаты были только 8%¹². Ученики еще материально не обеспечили своё будущее и поэтому в брак не вступали. Рабочие по сравнению с представителями буржуазии в брак вступали раньше. Рабочие начинали раньше зарабатывать, и более молодыми достигали максимальных доходов на своей работе. Вступление в брак рабочих не было связано со смертью родителей, с ожиданием и получением наследства, с достижением высокого уровня образования и т.д. Как доказывают западноевропейские исследования, рабочие раньше вступали в брак в крупных индустриальных центрах,

позже – в провинциальных городах и сельских округах. Мужчины-рабочие создавали семьи в зрелом возрасте. Например, в интересующий нас отрезок времени в Германии 8% рабочих мужчин женились в возрасте от 20 до 25 лет, женщин того же возраста вышло замуж около 28%. В возрасте 25 – 30 лет в брак вступили около 50% мужчин и около 66% женщин. В свою очередь, в возрасте 35–40 лет среди рабочих, как мужчин, так и женщин, встречались только 14% не вступивших в брак. Средний возраст вступления в брак мужчин-специалистов был около 28 лет, а рабочих без специальности – около 27 лет¹³.

На возраст вступления рабочих в брак существенно влияли сформировавшиеся и существующие в народе традиции. Значительная часть кадров латвийских промышленных рабочих сформировались из крестьян входящих в состав губерний территорий Латвии. Поэтому крестьянские традиции играли весьма важную роль. На селе Латвии крестьяне обычно семью создавали в возрасте 30 лет. Материалы переписи 1897 года свидетельствуют, что в Курляндской и Лифляндской губерниях не состояли в браке 75% мужчин и около 57% женщин в возрасте от 20 до 29 лет. Подобное соотношение наблюдается и в городах Латвии. В городах Лифляндской губернии женатые мужчины в возрасте 20–29 лет составляли только 20%¹⁴. Возраст женщин в момент заключения брака обычно колебался от 20 до 25 лет. В Латгале женщины, особенно русской и белорусской национальностей, вступали в брак раньше¹⁵.

И промышленные рабочие Латвии – мужчины, даже глядя с современных позиций, семьи образовывали, не будучи очень молодыми. Здесь можно наблюдать тенденцию, сходную с Германией. Обработка анкет бывших промышленных рабочих, служивших в 1-м Даугавгривском и 2-м Рижском латышских стрелковых батальонах, показывает, что самый высокий удельный вес женатых рабочих наблюдался в возрасте от 26 до 36 лет¹⁵.

Хотя эти данные о семейном положении рабочих Латвии могут дать лишь ориентировочную картину, однако можно предположить, что мужчины заключали брак в возрасте от 25 до 40 лет. Возможно, что значительный процент латвийских рабочих создавали семьи именно в возрасте 30 – 35 лет.

По сравнению с Германией и Россией, рабочие Латвии – мужчины семьи создавали позже. Причины здесь, думается, прежде всего, следует искать в более высокой заработной плате рабочих Германии и отличающихся традициях рабочих России. Автор не располагает статистическими данными о возрасте вступления в брак женщин-работниц. Однако из разных источников известно, что вступавшие в брак женщины были моложе мужчин. Значит, в молодых семьях рабочих муж был лучше знаком с жизнью, лучше ориентировался в общественных изменениях и, самое главное, – он являлся именно тем, кто обеспечивал материальное благосостояние

семьи. Эти особенности в рабочей семье выдвигали мужчину на центральное и руководящее место. В свою очередь, женщина – жена, мать была хранительницей семейного очага.

Существовавшее общество в значительной степени было связано с семейной жизнью, поэтому в обществе создавалось своё отношение ко многим семейным проблемам, например, к не состоящим в браке индивидам. Насколько позволяют судить отдельные, фрагментарные, косвенные указания, общественная мысль в Латвии более позитивно относилась к рабочим-холостякам, нежели к «старым девам». Это, очевидно, было связано и с существовавшим в обществе мнением о руководящей роли мужчины и его относительной независимости.

С помощью статистического материала невозможно показать роль национальности в формировании семей промышленных рабочих Латвии. Однако характерным является штрих, что в Латвии на селе вступившие в брак обычно были одной национальности и одной веры. Браки между представителями разных национальностей чаще заключались в Латгале и в районах со смешанным составом населения – в приграничье с Эстонией и Литвой. В Латгале обычным явлением был брак латыша-католика с полькой, белорусской или литовкой, принадлежавшими к той же вере, однако редко латыш-католик женился на лютеранке¹⁷. Следует принять во внимание, что представители крестьянства Латгале сравнительно мало включались в основной состав промышленных рабочих Латвии, и что против смешанных браков рабочих возражала как католическая, так и православная церковь, отказываясь венчать принадлежащих к разным верованиям, а иная вера часто была связана с другой национальностью. Поэтому можно высказать предположение, что семьи латышских рабочих еще в конце XIX и в начале XX века по своему национальному составу были относительно однородны.

Важно проследить, с какой социальной группой, сравнительно с собственным происхождением, через брак вступали в родство сыновья и дочери рабочих. Уменьшало ли вступление в брак социальную дистанцию внутри рабочего класса? Было ли вообще возможно посредством вступления в брак хоть немного уравнивать различия между классами? Эти вопросы сложно изучать из-за недостатка исторических источников, и до сих пор в Латвии таких исследований не имеется. Как признают немецкие исследователи истории рабочих, довольно часто выбор партнера для вступления в брак осуществлялся в пределах имеющейся среды¹⁸. Детям рабочих Латвии было не всегда просто вступить в брак в пределах своего класса, если, например, это касалось представителей разных отраслей производства. Во внимание принимался и уровень обучения рабочего, и его специальность, и сформировавшееся в рабочей среде отношение к той или иной отрасли производства. Существенной считалась величина заработной платы рабочего, а также реальные перспективы в будущем получить повышение жа-

лованья, или же существовавшая возможность вообще лишиться работы. Однако через вступление в брак всё более переплетались отношения внутри класса между различными группами рабочих. Через брачные узы укреплялись связи между рабочими – специалистами и неспециалистами, между представителями разных производственных отраслей, между сельскими и городскими рабочими. Барьер для вступления в брак был преодолим внутри класса, но не между различными классами. Среда вступления в брак ничем не была столь остро ограничена, как классовой принадлежностью. В капиталистическом обществе вообще существовало негативное отношение к рабочему классу, а также в наличии был целый ряд ограничений и дискриминационных условий. Через вступление в брак рабочему было практически невозможно войти в буржуазные круги. Всё сказанное выше о процессе образования семей латвийских рабочих в основе своей характерно также для Западной Европы и для России. Однако в Латвии, в дополнение ко всему тому, что мешало латышским рабочим выйти из своего класса через вступление в брак, существовала их двойная национальная угнетенность. В буржуазной среде – русской и немецкой – имела место весьма низкая оценка латышских рабочих, и существовало даже национально презрительное отношение к ним.

Семья латвийского рабочего, если он создал ее с работницей или вышедшей из рабочей среды женщиной, как это в основном и происходило, в плане экономического обеспечения вначале находилась в весьма благоприятном положении. Глава семьи, создавая ее, как правило, уже владел специальностью и был в расцвете физических сил. Теоретически рабочий в данный период своей жизни получал наивысшую заработную плату. Бюджет семьи дополняла зарплата жены, если она продолжала работать или же начала работать после вступления в брак. К рабочей нагрузке замужней женщины добавлялись домашние заботы – забота о муже, уборка квартиры, стирка, покупка продуктов, готовка еды. Экономическое положение семьи рабочего менялось, когда в семье рождались дети. Особенно трудно приходилось жене, если муж не мог материально обеспечить семью. В такой ситуации жене приходилось поступать на оплачиваемую работу, оставляя младшего ребёнка «на попечение и воспитание» своего первенца. Сложно определить, какую в среднем часть доходов в семью промышленного рабочего Латвии вносила жена, получая их за работу на промышленном предприятии или за дополнительную работу (готовку еды и стирку белья для поднаимателей, стирку белья для живущих по соседству холостых рабочих, уборку квартиры мелкого служащего, уход за могилами и т.д.).

Анализируя увеличение членов семей фабрично-заводских рабочих Латвии, т.е. рождение детей в зависимости от возраста главы семьи, было проведено исследование на основании имеющихся в архиве анкет, дающих сведения о 56 семьях латвийских промышленных рабочих накануне Пер-

вой мировой войны. Были получены следующие показатели: если возраст главы семьи был от 21 до 25 лет, то дети были в 20% семей; в возрасте 26 – 30 лет – в 70%; в возрасте 31 – 36 лет – в 76% и в возрасте 37 лет – 41 года – в 80% семей были дети¹⁹. Эти показатели свидетельствуют о двух характерных признаках: во-первых, рождаемость в начале XX века в семьях промышленных рабочих Латвии планировалась и, во-вторых, это происходило на этапе, когда глава семьи находился на высшем подъеме своих физических сил и профессиональных навыков. В исследованных семьях среднее арифметическое число детей составляло только 1,6. Возможно, что число родившихся детей было больше, ибо в конце XIX–начале XX века в Латвии, если и не в столь большой мере, как в среднем в Российской империи, детская смертность, тем не менее, была высока. В этой связи можно указать на данные статистики земств о России, где из 100 детей фабрично-заводских рабочих 59–64% умерли в возрасте до 10 лет²⁰.

Семья занимала определяющее место в формировании рабочего класса, обеспечении его экономического и психологического климата. В Латвии еще до Первой мировой войны были весьма незначительные возможности использовать детские ясли и сады. Насколько сейчас известно, в Риге действовали как минимум двое детских яслей, и пять детских садов, которые могли обслуживать детей рабочих²¹. Понятно, что столь небольшое количество детских учреждений не могло оказать семьям рабочих существенную помощь в воспитании детей.

В семье дети овладевали жизненным опытом рабочего класса, что со временем становилось традицией: они рано убеждались, что все должны работать, что работа является жизненной необходимостью, что труд связан с трудностями, что для жизни рабочих характерны недостаток материальных благ, узость взглядов, зависимость, но вместе с этим приходило и убеждение о солидарности рабочих, о необходимости рабочим дистанцироваться от люмпенов. Родители, старшие братья и сестры, иногда и бабушки и дедушки в молодом представителе рабочего класса воспитывали послушание, усердие и порядочность. Наиболее квалифицированные латышские рабочие старались дать детям лучшее образование, чтобы те впоследствии могли выполнять более квалифицированную работу. Если уж быть рабочим, то хотя бы высокой квалификации, но лучше быть мастером, служащим или торговым работником.

В основе семьи рабочих лежали авторитарные отношения. Хотя определяющую роль мужа в семье порой подрывало то, что жена и иногда даже дети выполняли оплачиваемую работу и вносили свою лепту в общее благосостояние семьи. В результате и этих активностей, и движения эмансипации патриархальные отношения в семьях постепенно исчезали. О свойственных для главы семейства патриархальных традициях свидетельствовали прежде всего внешние проявления уважения к нему со стороны остальных членов семьи: отец имел своё постоянное и лучшее место за

столом, ему первому подавали еду, порой она была лучше, чем для других членов семьи и т.д. В исследуемый период времени в семье рабочего Латвии при решении важного вопроса решающее слово всё же оставалось за главой семьи. Слово это, как и прежде, высказывалось категорично, возражения членов семьи не принимались. Если какие-либо разногласия решались, когда глава семьи был в состоянии опьянения, не исключалось и применение физической силы. Однако подобные случаи не следует обобществлять со всеми рабочими Латвии, которые были людьми, представлявшими разные национальности и верования, людьми с разной степенью образованности и со своими традициями. У рабочих разных национальностей были разные семейные традиции, определявшиеся ментальностью, психологией, религиозной принадлежностью и уровнем образования. Понятно, что, характеризуя внутренние отношения в семьях рабочих разных национальностей, нельзя допустить никакой абсолютизации, ибо не было двух совершенно одинаковых семей, каждой были свойственны свои черты, особенности, у каждой было своё лицо. Однако ясно и другое – нежелательных привычек и проявлений в семье рабочего и в отношениях внутри её было достаточно: «Ревность, зависть – ими мы дышали изо дня в день, исходили они от дома, двора, от ругательств, которые были столь повседневными и – столь невинными. Никто не задумывался, что на самом деле означают эти слова. Это была обычная музыка»²². Так в своих воспоминаниях сказал человек, хорошо знавший жизнь лиепайских рабочих, человек, чьи отец и мать были портовыми рабочими, а дед работал каменотёсом.

Если в семье рабочих между супругами царило полное несогласие, то еще в конце XIX века достигнуть расторжения брака было практически невозможно. В царской России браки не расторгались. Только в начале XX века вместе с разрушением патриархального уклада крестьянских семей крестьянки, а вместе с ними и работницы получили возможность уйти от мужа. Однако лишь в случае, если с привлечением свидетелей можно было доказать, что муж к жене относился плохо. В соответствии с данными переписи 1897 года, в Латвии было 0,8% разведенных мужчин и 0,10% разведенных женщин²³. Хотя и известно, что в городах брак распадается быстрее, чем на селе, однако нет никаких оснований делать вывод, что уже в начале XX века в истории семей рабочих Латвии в численных показателях разводов произошли резкие изменения.

Пока в семье рабочего дети были маленькими, главные внутренние отношения строились между отцом и матерью. Когда дети подрастали, центр тяжести отношений перемещался к отцу и детям. И всё же, влияние главы семьи на детей была меньше, чем в семьях представителей буржуазии. Рабочие не владели накоплениями материальных ценностей, а поэтому отношения в семье не носили печати наследственных интересов. Взрослые дети вскоре сами начинали зарабатывать. У них постепенно ис-

чезали непосредственные связи с отцом. В более сильной степени они сохранялись с младшими братьями и сёстрами, которых старшие по возрасту, наряду с отцом и матерью, материально поддерживали. Обычно на всю жизнь у детей сохранялись чувства сердечной благодарности к матери.

Среди членов латвийских семей рабочих царил обширный диапазон верований. Рабочие верили в Бога, в судьбу и в себя. Жены рабочих верили в Бога глубже, более чувственно. Мужчина, особенно молодой, к вере относился более поверхностно и практично. Различия наблюдаются между представителями разных вер. В промышленности Латвии помимо лютеран работали католики, православные, староверы и иудеи. Так как лютеранскую церковь латыши считали церковью немецких господ, то среди рабочих она не пользовалась большой популярностью. Глава семьи церковь посещал, и согласно вере, и под влиянием привычки, и по побуждению жены, и просто, дабы не отличаться от остальных членов окружающего его общества. У рабочего существовала и официальная связь с церковью (конфирмация, вступление в брак, крестины и т.д.). Отношение рабочих к религии и церкви весьма неоднозначно. Церковное издание *Vaznīcas Vēstnesis* («Церковный вестник») неоднозначно высказывается об отношении общества к церкви: «Многие дремлют в церкви, есть и такие, кто, притворяясь перед людьми, ходят в церковь лишь ради того, что так принято»²⁴. У жены, с уважением хранящей Псалтирь или Библию, случалось, где-то был припрятан и сонник²⁵. Чтобы исследователь мог серьёзно раскрыть эту проблему в жизни семей рабочих, недостаёт исторических источников. Даже сохранившиеся воспоминания, являющиеся весьма неполным историческим свидетельством, весьма скудны. Рядом с верой или неверием в Бога в рабочем жила вера в себя. Своё материальное существование рабочий обеспечивал тяжким трудом. Трудом, который часто был на пределе физических возможностей человека. Благодаря вере в себя, рабочий обретал оптимизм и сознание, что надо уметь ценить сущность жизни, которая когда-то закончится.

Члены семей рабочих Латвии в своих мечтах о будущем обычно высшей целью считали – быть равными по благополучию буржуазным семьям. В распоряжении рабочего, чтобы улучшить экономическое положение своей семьи, был самый простой, но одновременно и самый тяжёлый путь – работа. Многим рабочим для улучшения жизни своей семьи кое-что удавалось сделать. Построить свой, пусть небольшой, дом, обеспечить детям лучшее образование, чем у самих, и многое другое. Естественно, что таким образом нельзя было реализовать самые смелые мечты. Часть рабочих, более молодых, больше жаждали образования и знаний, однако, не видя сиюминутных возможностей реализовать выдвинутые цели улучшения жизни, они начали активно перенимать учение социалистов с обещанными в них утопическими перспективами на будущее, переключи-

кавшимися с мечтами рабочих. Теоретически был указан путь, который по простоте своей казался весьма вероятным и быстро реализуемым.

¹ Очерки экономической истории Латвии 1900 – 1917. – Рига, 1968. – С. 6.

² *Bērziņš J.* Latvijas rūpniecības strādnieku dzīves līmenis 1900 – 1914. – R., 1997. – 24. – 27. lpp.

³ Industrielle Welt. Schriftenreihe des Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte. Herausgegeben von Werner Conze. – Band.33: Arbeiterexistenz im 19. Jahrhundert. – Stuttgart, 1981.; *Kocka Jürgen.* Lohnarbeit und Klassenbildung. Arbeiter und Arbeiterbewegung im Deutschland 1800.–1875. – Verlag J. H. W.Dietz. – Berlin–Bonn, 1983.; *Kocka Jürgen.* Arbeitsverhältnisse und Arbeiterexistenzen. Grundlagen der Klassenbildung im 19. Jahrhundert. – Verlag J. H. W. Dietz. – Band 2. – Bonn, 1990.; *Nipperdey Thomas.* Deutsche Geschichte 1866–1918. – Erster Band. – Arbeitswelt und Bürgergeist. – Verlag C. H. Beck. – München, 1990.

⁴ *Иванов Л. М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. // Рабочий класс и рабочее движение в России 1861– 1917. – Москва, 1966. – С. 140.

⁵ *Bērziņš J.* Latvijas rūpniecības strādnieku dzīves līmenis 1900–1914. – 53. lpp.

⁶ Подсчитано по: LVVA (далее – ЛГИА, Латвийский Государственный исторический архив), ф. 5434, оп. 1, д. 686, лл. 7–74; д. 687, лл. 2–71; д. 688, лл. 2–85; д. 689, лл. 1–103; д. 690, лл. 2 64.; д. 691, лл. 1–97; д. 692, лл. 5–69; д. 693, лл. 8–107; д. 694, лл. 1–88; д. 695, лл. 1–116; д. 696, лл. 2–87; д. 697, лл. 7–55; д. 698, лл. 1–115; д. 699, лл. 2–75.; д. 700, лл. 1–59; д. 701, лл. 4–60; д. 702, лл. 1–39; д. 703, лл. 1–43; д. 704, лл. 1–97; д. 705, лл. 1–79; д. 723, лл. 1–80.; д. 724, лл. 8–79; д. 725, лл. 2–90; д. 726, лл. 13–37; д. 727, лл. 2–50; д. 728, лл. 5–67; д. 729, лл. 1–112.; д. 730, лл. 3–65; д. 731, лл. 1–89; д. 732, лл. 3– 87; д. 733, лл. 1–96; д. 734, лл. 2–92; д. 735, лл. 1–56; д. 736, лл. 4–106.; д. 737, лл. 4–85.; д. 738, лл. 3–62; д. 739, лл. 2–65.; д. 740, лл. 10–60.

⁷ *Bērziņš J.* Latvijas rūpniecības strādnieku dzīves līmenis 1900–1914. – 29. lpp.

⁸ *Ушаков И. А.* Борьба за единство рабочего класса. – Москва, 1981. – С. 21.

⁹ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи. – 1897. – Т.1. – С. X IV .

¹⁰ *Skujenieks M.* Latvija. Zeme un iedzīvotāji. Trešais pārstrādātais un papildinātais izdevums. – R., 1927. – 250. lpp.

¹¹ Там же. – С. 252.

¹² Подсчитано по: Arodnieks. – 1912., 10. marts. – Nr. 9., 132.lpp.

¹³ *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Arbeitswelt und Bürgergeist. – 1. Band. – München, 1990. – S. 67.

¹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – 19. Курляндская губерния. – СПб., 1905. – С. IX. – 21.; Лифляндская губерния. – СПб., 1905. – С. VIII.

¹⁵ *Latviešu etnogrāfija.* – R., 1969. – 335., 377. lpp.

¹⁶ Подсчитано по: LVVA (ЛГИА), ф. 5434., оп. 1, д. 686, лл. 7–74; д. 687, лл. 2 –71; д. 688, лл. 2–85; д. 689, лл. 1–103; д. 690, лл. 2–64; д. 691, лл. 1–97; д. 692, лл. 5–69; д. 693, лл. 8–107; д. 694, лл. 1–88; д. 695, лл. 1–116; д. 696, лл. 2 –87; д. 697, лл. 7–55; д. 698, лл. 1–115; д. 699, лл. 2–75; д. 700, лл. 1–59; д. 701, лл. 4–60; д. 702, лл. 1–39; д. 703, лл. 1 – 43; д. 704, лл. 1–97; д. 705, лл. 1 –79; д. 723, лл. 1–80.; д. 724, лл. 8–79; д. 725, лл. 2–90.; д. 726, лл. 13–37; д. 727, лл. 2–50; д. 728, лл. 5–67; д. 729, лл. 1–112; д. 730, лл. 3–65; д. 731, лл. 1–89; д. 732, лл. 1, 3–87; д. 733, лл. 1–96; д. 734, лл. 2–92; д. 735, лл. 1–56; д. 736, лл. 4–106.; д. 737, лл. 4–85; д. 738, лл. 3–62; д. 739, лл. 2–65; д. 740, лл. 10–60.

¹⁷ *Latviešu etnogrāfija.* – 336. lpp.

¹⁸ *Kocka Jürgen.* Lohnarbeit und Klassenbildung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in Deutschland 1800.–1875. – Berlin–Bonn, 1983. – S.150.

¹⁹ Подсчитано по: LVVA (ЛГИА), ф. 5434, оп. 1, д. 686, лл. 7–74; д. 687, лл. 2 –71; д. 688, лл. 2–85; д. 689, лл. 1–103; д. 690, лл. 2–64; д. 691, лл. 1–97; д. 692, лл. 5–69; д. 693, лл. 8–107; д. 694, лл. 1–88; д. 695, лл. 1–116; д. 696, лл. 2 –87; д. 697, лл. 7–55; д. 698, лл. 1–115; д. 699, лл. 2–75; д. 700, лл. 1–59; д. 701, лл. 4–60; д. 702, лл. 1–39; д. 703, лл. 1 – 43; д. 704, лл. 1–97; д. 705, лл. 1 –79; д. 723, лл. 1–80.; д. 724, лл. 8–79; д. 725, лл. 2–90.; д. 726, лл. 13–37; д. 727, лл. 2–50; д. 728, лл. 5–67; д. 729, лл. 1–112; д. 730, лл. 3–65; д. 731, лл. 1–89; д. 732, лл. 1, 3–87; д. 733, лл. 1–96; д. 734, лл. 2–92; д. 735, лл. 1–56; д. 736, лл. 4–106.; д. 737, лл. 4–85; д. 738, лл. 3–62; д. 739, лл. 2–65; д. 740, лл. 10–60.

²⁰ Рабочий класс России 1907–февраль 1917 г. – Москва, 1982. – С. 67.

²¹ LVVA (ЛГИА), ф. 105, оп. 1, д. 214, лл. 142, 143; д. 217, л. 269; ф. 3, оп. 5, д. 1729, л. 2; *Jaunā Dienas Lapa.* – 1909. – 24. okt.; 1913. – 5. nov.; *Düna Zeitung.* – 1906. – 18. Mai.; *Рижский Вестник.* – 1906. – 11 марта; *Dzīves Balss.* – 1914. – 17. janv.; *Rīgas Balss.* – 1994. – 27. jūn.

²² *Valters M.* Atmiņas un sapņi. – 1.d. – Stokholma, 1969. – 34. lpp.

²³ *Latviešu etnogrāfija.* – 337. lpp.

²⁴ *Baznīcas Vēstnesis.* – 1901. – Nr. 3. – 129. lpp.

А.Л. Темницкий

Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России

Ключевым моментом в определении сути патерналистских отношений является зависимость работников от своих руководителей, которая рассматривается не как бремя, а как ценность, обладание которой позволяет одним (подчиненным) быть свободным от необходимости принимать самостоятельные решения в проблемных ситуациях, а другим (управляющим) осуществлять управленческое воздействие, минуя формальные предписания и правовые нормы.

Тяга к зависимости от своего попечителя, будь то барин для крепостного крестьянина, хозяин предприятия для вольнонаемного работника в дореволюционной России и тот же начальник, но уже не хозяин на советском предприятии для рабочих, новый хозяин – собственник на постсоветских приватизированных предприятиях для наемных работников, оставалась и остается во многом неизменной. Патернализм потому и традиция, что указывает на неизменность в действиях и образцах поведения в прошлом и их продолжение в настоящем.

В исследованиях патернализма как традиции в трудовых отношениях главным является не рассмотрение традиционного как негативного пережитка прошлого, от которого необходимо избавляться, а выявление различий и сходства между проявлениями традиций патернализма в прошлом и настоящем. При таком подходе традиционное не противопоставляется современному (одно заведомо плохое, а другое - непременно хорошее и прогрессивное), а рассматриваются как две равнозначные дуальные социокультурные оппозиции¹. Вместе с тем, патерналистские традиции в трудовых отношениях, оказавшие положительное влияние на процессы социальной адаптации рабочих к рынку в 1990-е годы, все чаще становятся мало преодолимой институциональной преградой при модернизационных усилиях по развитию экономики, негативно сказываются на перспективах роста производительности труда.

Искоренение патерналистских настроений в обществе рассматривается президентом Д.А. Медведевым как одна из основных проблем при решении стратегических задач настоящего и будущего России в его статье «Россия вперед» (10.09.2009).

Как показали многочисленные социологические исследования, к концу 1990-х годов не произошло значимого снижения патернализма в

¹ © А.Л.Темницкий, 2010

трудовых отношениях, а его ожидания у некоторых социальных групп работников даже возросли. Патернализм как социальный институт продолжает существовать не только в традиционалистских, но и в рыночно – ориентированных организациях, а попытки его замены на западные модели трудовых отношений зачастую приводят в тупик².

Каковы же основные проявления традиции патернализма в трудовых взаимоотношениях российских рабочих и предпринимателей? В чем сила его живучести и воспроизводимости на разных исторических этапах развития российского общества? Что можно рассматривать в качестве реальных и действенных социокультурных предпосылок прорыва патерналистских отношений в сфере труда рабочих российских предприятий?

Феномен единства социальных и культурных черт патернализма

Патерналистская зависимость в трудовых отношениях, характеризующаяся, прежде всего, взаимной выгодностью для обеих сторон замены формальных, основанных на контракте и правовых нормах взаимодействий на неформальные, личные и контактные, в разное историческое время принимала разные формы. При этом укреплению силы и устойчивости данной традиции способствовало каждый эмпирический наблюдаемый факт *единения социальной* политики патернализма, идущей от работодателя и *культурных* чаяний, ожиданий и возвышения патерналистских ценностей, идущих от работника.

Государственная политика «приписывания» (закрепления) рабочих – крестьян к фабрике, заводу, личной зависимости от предпринимателя, осуществляемая на протяжении XVIII в., начиная с известного указа Петра I от 1736 г., сопровождалось не менее заметными тенденциями добровольного «приписывания», «сросшести» с заводом, потребительства и иждивенчества в отношении завода, убежденности в «обязательности» отношений рабочих с заводом³. Сформировавшийся на этой основе *патриархальный* тип патернализма, характеризовался наличием лишь двух субъектов в системе трудовых отношений (работодателя и работника при исключении из них государства). Такой тип патернализма находил проявления как в абсолютизации репрессивной власти работодателя (система штрафов, наказаний работника, в т.ч. и физических), так и в его попечительстве (опека, меценатство, благотворительность, братское обращение). Анализ русской литературы XVIII - XIX вв. показывает, что энергичный, удачливый, но при этом честный и справедливый хозяин – предприниматель не был враждебен народу, воспринимался с сочувствием и пользовался безусловным уважением. Исследователи отмечают, что братское обращение с работниками способствовало тому, что положение русских рабочих оценивалось лучше, чем у их коллег на Западе, потому что они не испытывали в полной мере капиталистического отчуждения и обезличивания. Они в отличие от

европейских рабочих, еще сохраняют хотя бы малую толику неформальных, подлинно человеческих, душевных отношений с хозяином и управляющими⁴. Однако в любом случае, результатом такого единения явилось формирование типа рабочего – патерналиста, который, делегируя предпринимателю ответственность за определение и реализацию своей жизненной стратегии, освобождает себя от необходимости принимать самостоятельные решения в проблемных ситуациях.

Пореформенный период вплоть до революции 1917 г. в целом способствовал постепенному снижению личной зависимости рабочих от своих хозяев. Благодаря реформе 1861 г., было устранено одно из главных препятствий – недостаток рабочих рук. Примерно 2/3 крестьян в результате реформы 1861 г. оказались малоземельными, что способствовало их отъезду в город и резкому росту (на 85%) числа фабричных рабочих только за период в 1863-1867 гг.⁵. Однако, хотя теперь рабочий и знал, что, поступая на фабрику, он останется на ней для работы до тех пор, пока захочет сам, внутрифабричные отношения с работодателем остались теми же, патерналистскими. Известный исследователь рабочего класса в России К. Пажитнов, выделяя в пореформенное время два периода: 1) 1861 середина 1880-х гг. и 2) середина 1880-х 1904г., отмечал, что в первом периоде взаимные отношения предпринимателей и рабочих складывались на почве свободы договора, не стесняемого контролем со стороны государства. Однако под этим договором скрывался необузданный произвол капиталистов в деле эксплуатации рабочих⁶. «Сроки выдачи рабочим их заработка определялись всецело произволом предпринимателей. Иногда выдавали зарплату 2 или 3 раза в год. Рабочим приходилось выпрашивать у фабриканта свой заработок как особую милость»⁷. В рабочей среде продолжали укрепляться разные формы холопского низкопоклонства: «подносы со стороны рабочих начальству – собирают и дарят по разным случаям «новоселье», обращение в христианскую веру»⁸. Сохранению патерналистских форм зависимости рабочих в пореформенный период способствовали традиции коллективной памяти, которые подталкивали их к воспроизводству патриархальных отношений в новых условиях: наделение землей, бесплатный отпуск леса, работа только на своем заводе. Отмечаются массовые проявления ностальгии рабочих по обязательным отношениям с заводом⁹.

Вводимые на фабриках под давлением государства институты формализации трудовых отношений (графики рабочего времени, расчетные книжки) не сопровождались механизмами принуждения и легко нарушались как работодателями, так и рабочими. Для рабочих было характерно непочитание и низкая ценность графика рабочего времени, а для хозяев произвольность, установление времени начала и окончания работы под влиянием обычая, подвержение его постоянным изменениям вследствие различных случайных обстоятельств¹⁰. Цикличность и рваный темп работы, естественно сложившиеся в крестьянской общине, закрепились в

штурмовщине и ставших обычными практиках сверхурочных работ. Это было характерно не только для отечественных предприятий, но и иностранных концессий в России, в которых рабочие, легко соглашались на сверхурочные работы, тем самым пытаясь повысить свой уровень жизни¹¹. Массовый отказ рабочих от введения расчетных книжек как показатель приоритетности для рабочих неформальных отношений с работодателем над формальными объяснялся по оценкам самих управляющих тем, «что поступая на завод малолетним, рабочий входит в установившуюся атмосферу и уверен в том, что веками сложившийся заводской порядок изменен не будет. Введение новых книжек, а, следовательно, порядков вызывает в людях страх и упорство»¹². Рабочие продолжали видеть в своем работодателе не контрагента с которым нужно было налаживать деловые, формальные отношения, а хозяина, «который "милостью Божьей" может обеспечить работой и средствами существования пролетария и членов его семьи»¹³.

Феномены прорыва традиции патернализма

Было бы неверным рассматривать в качестве показателей разрыва с традицией патернализма разные формы протестного поведения рабочих (приостановка работы, майские маевки, прошения и петиции, обращения к высшей администрации и насилие над заводской администрацией, стачки). По большому счету, они являлись оборотной стороной традиции патернализма и отражались в основанных скорее на эмоциях, а не на расчете, кратковременных остановках работы и требованиях, обращениях к начальству мирно уладить дело в пользу рабочих¹⁴. Более радикальные методы протеста рабочих также вполне вписывались в существовавшие издревле обычаи. Например, публичное изгнание администрации с предприятия путем коллективного осмеяния посредством вывоза на тачке и «обувания в лапти». За такого рода обычаями скрывалось желание заставить начальника пройти те круги ада, которые ежедневно испытывали на себе рабочие: спуститься в шахту, поесть хлеба из недоброкачественной муки¹⁵. Изгнание и подбор низшей администрации с учетом их удобства для рабочих, а не по профессиональным качествам – это также, на наш взгляд, не что иное как проявление традиции патернализма.

В пореформенной России так и не сложилось каких-либо значимых предпосылок для прорыва патерналистской зависимости рабочих за счет повышения квалификации и образования. Исследователями отмечается, что рутинная организация труда, низкий технический уровень и нежелание предпринимателей его улучшать, поскольку величина их доходов определялась прежде всего дешевизной рабочей силы, ее низкий культурный и образовательный уровень, общая атмосфера консерватизма и инерции на уральских предприятиях негативно сказывались на профессиональном

уровне рабочих в пореформенный период¹⁶. Вместо повышения технического уровня производства предприниматели заказывали на Западе специальные простые машины, приспособленные к имеющейся квалификации российских рабочих¹⁷.

Прорывы традиции патернализма строились у российских рабочих не через образовательные сертификаты и правовые категории, а преимущественно, через нравственные категории справедливости и чувства собственного достоинства. В начале XX в. требование вежливого обращения и уважения личности рабочего наряду с повышением зарплаты и восьми часовым рабочим днем стало одним из основных в конфликтах с администрацией, особенно в 1905г.¹⁸. Достоинство рабочего человека строилось на представлении, что это достоинство человека, созидającego своими руками материальные ценности и прекрасно осознающего, что богатство его хозяина как и процветание страны держится на его труде.

Советское общество, в котором достоинство рабочего человека было идеологически вознесено на небывалый в истории уровень, не только не перестало быть патерналистским, а, напротив, было устроено по типу семьи, в которой роль отца (патера) в отношении доступа к базовым благам выполняло государство. Поэтому реальное выявление прорывов патернализма возможно уже только при обращении к постсоветскому периоду, в котором государственный патернализм перестал быть данностью социального порядка, но продолжает оставаться культурной традицией.

Современные модели прорыва традиции патернализма

Предполагается, что начальный этап разрыва с традицией патернализма в трудовых отношениях возможен на тех же основаниях, которые были характерны для российских рабочих в начале XX в. К ним следует отнести ценностные ориентации рабочих на самоутверждающее поведение (ассертивность), на достигительное (нонкорформистское по отношению к своему предприятию) отношение к труду и деловое партнерство с руководством (прежде всего, с непосредственным руководителем). Исходя из этих представлений, были разработаны и прооперационализированы на основе инструментария, используемого в социологических исследованиях три модели¹⁹ (табл.1).

Предполагается, что *ассертивность* современного рабочего формируется, прежде всего, на основе отрицания привычных (патерналистски окрашенных) норм взаимоотношений с руководством: не ожидать помощи от руководства в трудных ситуациях, а демонстрировать ненуждаемость в таковой; не соглашаться на задержки заработной платы по просьбе руководства, а демонстрировать готовность к увольнению в таком случае. Интерпретация ассертивности рабочих сквозь призму взаимоотношений с руководством аргументируется многократно выявляемыми эмпирическими

фактами их определяющей роли в формировании трудовых отношений на современных российских предприятиях.

Модель *нонконформистского отношения к труду* рабочих может быть названа *контрпродуктивной*, то есть не отрицающей ценности общего результативного выхода, но соотносимого с иными средствами его достижения: а) работать гораздо интенсивнее, чем в данное время, но при этом быть нонконформистом: б) в высокой степени быть неудовлетворенным взаимоотношениями с руководством и в) ориентироваться на поиск или иметь в наличии дополнительную оплачиваемую работу. Аргументами в качестве обоснования актуальности такой модели могут быть эмпирические результаты исследований, согласно которым именно высокая степень критичности позиций работника в оценках своих взаимоотношений с руководством и других сторон производственной ситуации, оказалась решающим фактором роста потенциала интенсивности труда²⁰.

Правовой основой *модели делового партнерства* выступает индивидуальный трудовой договор. Если работодатель в трудовых отношениях с работниками соблюдает принципы, заложенные статьей 22 КЗОТ, а работники, в свою очередь, добиваются выполнения всех зафиксированных в индивидуальном контракте условий труда, ориентируются при выполнении работы на правовые, формальные и деловые отношения с руководством, то таким образом не только укрепляется трудовой статус работника, но и закладываются основы для развития партнерства в труде. В качестве индикаторов модели *делового партнерства* использовались ориентации работников на предпочтение чисто деловых норм в отношениях с руководством, на отрицательное отношение к вмешательству руководства в выполняемые профессиональные обязательства, на работу строго в рамках своих служебных обязанностей в случае несогласия с порученным заданием.

Таблица 1. Модели форм прорыва традиции патернализма и их операционализация

Ассертивность (самоутверждающее поведение)	Достижительное (нонконформистское) отношение к труду	Деловое партнерство	Баллы
<i>Расчет на помощь руководства в трудных житейских ситуациях</i>	<i>Могли бы работать:</i>	<i>В отношениях с руководством ближе нормы:</i>	
Не нуждаются в этом либо не рассчитывают	Гораздо интенсивнее	Чисто деловые	5
Рассчитывают только в крайнем случае	Несколько интенсивнее	Дружеские, но на работе	3
Всегда рассчитывают	Работали бы по -	Дружеские и вне	1

	прежнему	предприятия	
<i>Ориентации на задержки зарплаты в случае сложной для предприятия ситуации</i>	<i>Ориентации на дополнительную оплачиваемую работу:</i>	<i>Относятся к вмешательству руководства в профессиональные обязательства:</i>	
Не согласятся на задержки зарплаты ни при каких обстоятельствах, уволятся	Имеют регулярную, либо нерегулярную дополнительную работу	Отрицательно в любом случае	5
Согласятся ради сохранения рабочего места	Не имеют, но хотят найти такую работу	Допускают это в необходимых случаях	3
Согласятся ради сохранения трудового коллектива	Не имеют, и не хотят найти такую работу	Положительно в любом случае	1
<i>В оценках деловых качеств работника со стороны руководства</i>	<i>Удовлетворенность отношениями с руководством:</i>	<i>Обычно в случае несогласия с порученным заданием:</i>	
Считают, что руководство ничего не ценит в работниках	Совершенно не удовлетворены, либо скорее не удовлетворены	Игнорируют и продолжают работать строго в рамках своих обязанностей	5
Ценит профессиональные качества	Частично	Пробуют оспаривать, но затем выполняют ради коллектива	3
Ценит добросовестность и лояльность	Полностью удовлетворены, либо скорее удовлетворены	Выполняют любое порученное задание	1

Для наглядности рассмотрим эмпирические проявления признаков выделенных моделей у рабочих и инженеров одного предприятия, обследованного в 2007 г. (табл.2).

Таблица 2. Распределение рабочих и инженеров машиностроительного предприятия по уровням асертивности, нонконформизма в отношении к труду и делового партнерства²¹ (%)

Уровни	Профессия	
	Рабочие	Инженеры
Уровни асертивности		
Высокий	19	10
Средний	63	72
Низкий	18	10
Уровни нонконформизма в отношении к труду		
Высокий	25	19
Средний	48	47
Низкий	27	34
Уровни делового партнерства		
Высокий	26	19
Средний	36	32
Низкий	38	50
<i>Количество опрошенных</i>	<i>355</i>	<i>145</i>

Как видно, в рабочей среде более выражены уровни асертивности, нонконформизма в отношении к труду и делового партнерства, чем среди инженеров. Этот факт можно объяснить большим, критически взыскательным отношением рабочих к своему руководству, их болезненным отношением к несправедливости в оплате труда.

Для более точного определения предикторов выделенных моделей среди рабочих использовался дискриминантный пошаговый анализ²² (табл.3).

Таблица 3. Основные предикторы моделей прорыва патернализма у рабочих машиностроительного завода (2007 г.)

Предикторы		
Асертивности	Нонконформистского отношения к труду	Делового партнерства
Более низкий уровень удовлетворенности организацией труда, содержанием труда, взаимоотношениями с руководством	Более низкий уровень удовлетворенности: содержанием труда, санитарно-гигиеническими условиями труда, режимом рабочего времени, размером за-	Более низкий уровень удовлетворенности организаций труда, содержанием труда, взаимоотношениями с руководством

	работка, взаимоотношениями с коллегами	
Более негативное отношение к вмешательству руководства в выполняемые профессиональные обязанности	В большей степени считают, что размер заработной платы значительно зависит от взаимоотношений с руководством и меньшей – от объемов выполненной работы	В большей мере отмечают равнодушие руководства
Более высокий размер получаемой зарплаты	Никто не считает оплату своего труда справедливой	Более высокий размер получаемой зарплаты
Более высокий уровень потенциальной текучести	Более высокая степень уверенности в занятости на рынке труда	Меньшая готовность вернуться на предприятие в прожективной ситуации

Таким образом, применительно к сегодняшним условиям было бы преждевременным утверждать о наличии устойчивых институциональных предпосылок для прорыва традиции патернализма в сфере трудовых отношений на промышленных предприятиях. Как и 100 лет назад, в их основу закладываются нравственные категории и личностные позиции (повышенные притязания к роли справедливости в оплате труда, критичность по отношению к руководству и условиям труда), а не более высокий уровень профессиональных компетенций и склонность решать возникающие вопросы правовым способом. Вместе с тем, заметно, что по всем анализируемым моделям рабочие с высокими признаками ассертивности, неконформизма в отношении к труду и делового партнерства – это работники более высоко оплачиваемые, с большей уверенностью в своей занятости на внешнем по отношению к предприятию рынке труда, с большей готовностью к рискам – то есть, вполне вписывающиеся в модель трудового поведения рыночного типа.

¹ Более подробно о данном методологическом подходе см. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С.160-161., Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре рабочих частных предприятий // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2004. № 2. С. 35.

² См. например. Шершнева Е.Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999. С.15., Ильин В.И., Ильина М.А. Живучесть советской модели: трудовые отношения на крупном предприятии с участием иностранного капитала (на материалах лесопромышленного комплекса) // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием: Материалы научно - практического семинара 20-21 апреля 2000г. / Под ред. В.В. Козловского, Е.И. Макарова, В.А. Сафонова. СПб.: Социологического общества им. М.М. Ковалевского, 2000. С. 98-102., Чайковская Н., Эйдельман Я. Трудо-

вая мотивация работников промышленности: структура и динамика // Общество и экономика. 2000. № 11-12. С. 115-117., Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26-37.

³ См.: Туган- Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997. С.164. Коробков. Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003. С. 78.

⁴ См.: Зарубина Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004. С. 80.

⁵ См.: Козьмин. Б.П. Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги. М.: Изд-во Всероссийского центрального исполкома Советов Р.С.К. и К. Депутатов, 1918. С. 5.

⁶ См.: Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб.: «Новый мир», 1906. С. 1.

⁷ См.: Козьмин Б.П. Указ. Соч. С. 7.

⁸ Клейнборг Л.М. Рабочий класс и культура. Как складывалась рабочая интеллигенция. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925. Том 1 (1905-16 г.). С. 57.

⁹ См.: Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003. С. 107.

¹⁰ См.: Дементьев Е.М. Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет. М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. С. 59.

¹¹ См.: Юдина Т.В. Отечественный рабочий на концессии в 1920-е годы: социокультурный портрет// Личность. Культура. Общество. 2006. Том XIII. Вып. 1. С. 306.

¹² См.: Коробков Ю.Д. Указ.соч. С. 106.

¹³ См.: Пушкарева И.М. Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России в ракурсе дискурсивных методов исследований // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. С. 291-307.

¹⁴ См.: Гвоздев. С. Записки фабричного инспектора из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг. Изд-е второе. М.Л. Гос. Изд-во, 1925. С. 180.

¹⁵ См.: Коробков. Ю.Д. Указ. Соч. С. 135.

¹⁶ См.: Там же. С. 156.

¹⁷ См.: Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10 С. 106.

¹⁸ См.: Коробков Ю.Д. Указ. Соч. С. 102.

¹⁹ Объектом исследований являлись: в 1999 г. – рабочие двух московских промышленных предприятий (акционированного и нового частного- N=480), в 2002 г. – рабочие одного нового частного промышленного предприятия (N=270), в 2007 г. – рабочие и инженеры подмосковного промышленного предприятия (N=355 и N=145), в 2008 г. рабочие промышленного предприятия г. Очер Пермской обл. (N=149).

²⁰ См.: Темницкий А.Л., Максимова О.Н. Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия // Социологические исследования. 2008. №11 С. 13-24.

²¹ На основе суммирования баллов по ответам на вопросы (см. табл.1) были построены шкальные индексы «ассертивности», «нонконформизма в отношении к труду», делового партнерства» с их последующим ранжированием на три уровня, в которых максимально возможное значение -15, минимальное – 3.

²² Использовался шаговый метод отбора предикторов (статистика Уилкса) по основным блокам вопросов анкеты. На основе полученных удовлетворительных результатов классификации были составлены перечни наиболее информативных дискриминантных переменных. Определение качества значений переменных, их большей либо меньшей степени выраженности проводилось на основе сравнения групповых средних между двумя крайними типологическими категориями респондентов, указавших и не указавших на значимость тестируемых признаков моделей (отбирались переменные с уровнем значимости $\leq 0,05$).

Эволюция протестных выступлений рабочих периода первой российской революции как смена моделей поведения в условиях социально-политического кризиса

Первая российская революция оказалась чрезвычайно богата на проявления различных форм экономической и политической борьбы. Разнообразие форм протеста и взрыв революционной активности сделал изучение форм борьбы рабочих одной из актуальных и интереснейших проблем изучения как для современников событий, так и для историков. Однако в центре внимания исследователей долгое время находились стачечные выступления рабочих, в изучении которого существовал ряд методологических проблем и противоречий. Рассматривались преимущественно стачки рабочих фабрично-заводской промышленности¹. В послереволюционный период исследователи, применяя помесечный учёт выступлений, допускали их двойной подсчёт. Недифференцированно подходили к изучению стачек и волнений. Всё это вело к значительному преувеличению суммарных показателей стачечных конфликтов за годы революции.² Лишь с 50-х гг. XX века начался сбор материалов и подсчёт выступлений железнодорожников, рабочих горно-металлургической, казённой, мелкой промышленности, сферы услуг и даже безработных. Расширение социальной структуры участников движения побудило исследователей обратить более пристальное внимание на нестачечные формы выступлений.³ Прилагались значительные усилия к разработке проблемы в региональном аспекте.⁴

На базе проведённых исследований во второй половине 80-х гг. минувшего столетия была разработана единая методика составления хроники рабочего движения, которая предполагала учёт стачек, волнений, демонстраций, митингов, собраний и сходок, вооружённых восстаний, а также рабочих организаций: партийных, профсоюзных, обществ взаимопомощи и советов. Для всестороннего описания указанных форм движения и организаций были предложены формуляры карточек с подробными инструкциями к их заполнению. Дан обзор и классификация архивных источников, содержащих информацию для составления «Хроники»⁵ Применение данной методики позволило реализовать масштабный проект по составлению Хроники рабочего движения в России в 1895 – 1904 гг.⁶ Проводилось составление хроники движения по другим периодам, в том числе в годы первой российской революции, однако эта работа далека до завершения.⁷

Составление «Хроники» позволило исследователям оперировать статистическими данными о всём спектре форм протестного движения рабочих, причём каждое выступление может быть подвергнуто детальному

¹ © А.В.Новиков, 2010

микро-анализу, что позволяет видеть не только массовость движения, но его внутренние механизмы. *Противоречивое течение отдельных выступлений и преобладание на разных этапах революции тех или иных форм рабочего активизма отражало вовлечение в революционную борьбу широких масс рабочих, прежде сторонящихся активных форм протеста. Участники выступлений были носителями разных ценностей, жизненного опыта, что проявлялось в непоследовательности, а порой непредсказуемости действий рабочих.* Особенно ярко это проявлялось в массовых продолжительных стачках, сочетавших в своём течении крайнюю революционность и политизацию с архаическими чертами, бунтарством, монархическими настроениями.

Весьма показательна в этом плане стачка на предприятиях Красильщиковых в с. Родниках Юрьеvecкого уезда Костромской губернии с 1 по 11 июля 1905 года (6059 участников). Руководил стачкой ткач П.А. Моругин, работавший до 1903 г. в Иваново-Вознесенске и поддерживавший связь с бастующими иваново-вознесенскими рабочими. По его инициативе рабочие на сходке 1 июля избрали около 200 депутатов. В числе требований, принятых на следующий день, названы: восьмичасовой рабочий день, свобода слова, союзов, собраний, равноправие рабочих и приказчиков, выплата наградных всем рабочим, своевременная доставка рабочим газет. Все это, казалось бы, говорит о политическом характере стачки.⁸

В то же время обнаружались черты архаической стачки. В начале выступления рабочие на коленях принесли Моругину клятву исполнять все его требования. 2 июля, сорвав переговоры с владельцем, Моругин потребовал от депутатов дать подписку, в случае его увольнения платить ему ежемесячно по 30 руб., что те и исполнили. В ходе стачки подверглись избиениям подмастерье Бобков, ряд рабочих и выборный депутат Петров, за то, что его усилия по ведению переговоров с владельцем оказались удачными. За 4 дня с 1 по 5 июля прошло 7 собраний рабочих, затем они разошлись по деревням.⁹

Требования бастовавших служат яркой иллюстрацией крестьянского сознания рабочих. С политическими требованиями соседствуют такие, как выборы старост. Отмена наказаний за прогул более 3-х дней, ежегодный двухнедельный неоплачиваемый отпуск для отлучки на сельхозработы. Не случайно и стачка длилась около двух недель и совпала по времени с сенокосом.

Собравшись на фабрику 11 июля, рабочие послали к Н.М. Красильщикову новых депутатов во главе с А.Т. Решовым. Был составлен адрес с просьбой возобновить работы. Отслужен молебен о здравии Государя. Никаких новых уступок, кроме объявленных еще утром 4 июля, для изменения позиции рабочих не потребовалось. По просьбе рабочих 2 роты солдат, прибывшие в с. Родники 5 июля, были оставлены до полного успокоения.¹⁰ Моругин на предприятии больше не появился.

Так причудливо и рельефно переплелись в родниковской стачке замешанные из Иваново-Вознесенска новые формы движения и патриархальное, полукрестьянское сознание местных рабочих с их верой в Государя и в заступничество фабриканта. Они неоднократно повторялись и в других выступлениях.

Нередки случаи, когда по окончании стачек рабочие служили благодарственные молебны. Так завершились стачки более 4000 рабочих-текстильщиков Товарищества Собинской мануфактуры Владимирского уезда 22 марта и 11–17 апреля 1906 г.¹¹ Более 1700 рабочих Товарищества Горкинской мануфактуры механическо-ткацкая фабрики Полиевкта Тихоновича Шорыгина в Ковровском уезде Владимирской губернии, бастовавших с 10 апреля по 29 мая 1906 г. также возобновили работы после молебна. Молебнами встречали рабочие царские манифесты и открытие работы Государственной думы в Ярославле. Угличе, Рыбинске, в г. Макарьево и на фабрике братьев Ф. и А. Разорёновых в Костромской губернии, в г. Киржач Владимирской губернии.¹² Эти примеры могут быть продолжены. Молебны всё ещё оставались для части рабочих символом стабильности и благоустроенности, завершая вспыхнувшие конфликты и знаменуя переход к привычной трудовой жизни, надежды на разрешение их нужд.

Различия позиций рабочих, участвовавших в протестных выступлениях сказывались также в том, что помимо рабочих активистов, в стачках участвовала пассивная масса и, вынуждено, противники стачек, ввиду распространявшегося в ходе забастовок «снятия с работ». Только в Костромской губернии в 1905 году из 119 прошедших забастовок «снятие» производилось в 37 случаях. В основном этот приём применялся на крупных предприятиях и в ходе коллективных и общегородских забастовок.¹³ Причём сначала подобные акции нередко встречали сопротивление рабочих, не желавших бастовать. Так, в начале общегородской июльской стачки в г. Костроме на Новой Костромской льняной мануфактуре «водораздел» четко проходил по возрастам. Фабричной молодёжи, инициировавшей стачку, противостояли пожилые кадровые рабочие. Первая попытка остановить фабрику 1 июля не удалась. Забастовавших подростков встретили женщины-трепальщицы в месте с 70-летним рабочим Петром Куликовым, пригрозившим мальчишкам ножом. К нему присоединились другие рабочие.¹⁴ 2 июля попытки остановить фабрику возобновились. По воспоминаниям участника забастовки рабочего механического цеха И.Е. Щетинкина, которому к моменту забастовки исполнилось 19 лет, молодёжь, останавливавшую станки, литейщики встретили железными толкушками, так что приходилось выскакивать в окна. Рабочий Ф. Ивановский в 1925 г вспоминал, что «организованная директором фабрики Кудрявцевым чёрная сотня с ножами бросилась на молодёжь, останавливавшую машины». Рабочий-агитатор Гачин вспоминал, что его отец «бросился на меня с ножом и хотел зарезать»¹⁵ При попытке забастовавших прядильщиков снять с работ

отделение «гекли», «взаимные ссоры рабочих развились до драки», 5 человек было изувечено. Тем не менее, забастовка набрала силу, и уже 4 июля бастующие кашинские рабочие (Кашинской Новая Костромская льняная мануфактура называлась по имени директора) направились «снимать» соседние предприятия. Стачка переросла в общегородскую.¹⁶

Подобным образом начиналась коллективная стачка 21 фабрики (16987 бастующих) Вичугского промышленного района Кинешемского уезда Костромской губернии 21 мая – 3 июня 1905 г. Забастовавшие рабочие трёх фабрик Морокиных из с. Новой Гольчихи 24 мая явились на крупнейшую в районе фабрику А.И. Коновалова в село Бонячки. Дважды попытки «снять» фабрику заканчивались отступлением бастующих ввиду сопротивления местных рабочих, зато после остановки работ, коноваловские рабочие присоединились к морокинским и направились «снимать с работ» фабрики в село Тезино.¹⁷

Примечательно, что уже в ходе декабрьской политической общегородской стачки в Костроме, служащие торговых и промышленных заведений на митинге 9 декабря сами просили рабочих прийти и «снять их с работы».¹⁸

Во время коллективных стачек рабочие добивались остановки всех предприятий, снимая не желавших бастовать, требуя от властей не допускать пуска отдельных фабрик. В этих действиях отражалась склонность рабочих к круговой поруке, уходящая своими корнями в общинную крестьянскую психологию. «Снятие» с работ, первоначально требовало немало мужества и упорства рабочих активистов, но затем быстро распространялось как модель коллективного действия и захватывало всё новые слои рабочих и городских служащих.

Стремление рабочих к коллективному действию иногда подкреплялось взаимными клятвами «стоять на своём» и поддерживать уволенных. Уже упоминалась клятва рабочих фабрики Красильщиковых Моругину. Подобную клятву приняли бастующие рабочие Горкинской мануфактуры П.Т. Шорыгина.¹⁹ В ходе революции распространялись требования рабочих не преследовать депутатов, не увольнять за стачку, восстановить уволенных на работе. Нами были обсчитаны требования рабочих Владимирской, Костромской, Ярославской губерний, предъявленные в 1905 году в ходе 418 стачек и 113 волнений. Всего в этих 531 выступлении было предъявлено 3858 требований. По трём указанным пунктам было предъявлено 141 требование (3,6 % всех требований) в ходе 139 выступлений (26,2 % выступлений с известными требованиями). Таким образом, коллективное действие предполагало обеспечение коллективной безопасности участников выступления как путём взаимных клятв и обязательств, так и предъявлением соответствующих требований фабрикантам и властям.

Сохранявшиеся связи рабочих с деревней отразились на динамике стачечных выступлений и поведении бастующих рабочих. Весной и летом

действовал весьма рациональный мотив продолжительных забастовок – уход рабочих на полевые работы. Статистика стачечных выступлений во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях в 1905-1907 гг. показывает, что, отличительной чертой являлась значительная активизация движения в мае – июле (см. таблицу № 1).

Таблица № 1. Стачечное движение во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях в 1905–1907 гг.²⁰

Год, месяц	Владимирская		Костромская		Ярославская		По региону	
	стачек	бастующих	стачек	бастующих	стачек	бастующих	стачек	бастующих
Янв	11	8962 (9)	-	-	-	-	11	8962 (9)
Февр	10	26795 (10)	6	2711 (6)	5	5362 (5)	21	34868 (21)
Март	1	342 (1)	-	-	2	268 (2)	3	610 (3)
Апр	10	6285 (7)	2	270 (2)	1	70 (1)	13	6625 (10)
Май	88	58952 (80)	25	20684 (23)	2	50 (1)	115	79686(104)
Июнь	7	2833 (6)	8	1320 (6)	2	1000 (1)	17	5153 (13)
Июль	12	4696 (10)	26	17332 (25)	1	нет данн.	39	22028 (35)
Авг	30	18931 (20)	4	1187 (3)	-	-	34	20118 (23)
Сент	20	9528 (13)	1	18 (1)	1	7 (1)	22	9553 (15)
Окт	142	92527(108)	8	2073 (6)	30	21179 (26)	180	115779(142)
Нояб	42	23312 (28)	29	7159 (15)	62	23828 (51)	133	54299 (94)
Дек	11	8395 (9)	10	8987 (5)	25	5985 (18)	46	23367 (32)
1905	384	261558(301)	119	61741 (94)	131	57749(106)	634	381048(501)
Янв	7	4320 (7)	4	550 (3)	3	300 (1)	14	5170 (11)
Февр	10	1068 (8)	3	н.д.	1	н.д.	14	1068 (8)
Март	7	9055 (7)	4	1400 (1)	-	-	11	10455 (8)
Апр	21	20882 (18)	22	24103 (21)	3	3030 (2)	46	48015 (41)
Май	31	21816 (26)	30	30873 (30)	32	6393 (25)	93	59082 (81)
Июнь	20	11873 (17)	12	9932 (11)	4	1000 (1)	36	22805 (29)
Июль	18	15672 (15)	11	3936 (9)	4	3357 (3)	33	22965 (27)
Авг	10	5994 (9)	7	2592 (6)	3	97 (2)	20	8683 (17)
Сент	9	4902 (6)	4	3287 (4)	2	3300 (2)	15	11489 (12)
Окт	9	5215 (8)	1	300 (1)	4	900 (3)	14	5415 (12)
Нояб	1	604 (1)	5	2265 (5)	1	600 (1)	7	8869 (7)
Дек	8	6886 (4)	3	734 (3)	4	179 (4)	15	7799 (11)
1906	151	108287(126)	106	79972 (94)	61	24556 (44)	318	212815(264)
Янв	41	24565 (37)	3	н.д.	2	1100 (2)	46	25665 (39)
Февр	65	63708 (64)	60	75750 (58)	3	2700 (2)	128	142158(121)
Март	27	25704 (22)	6	4925 (4)	-	-	33	30629 (26)
Апр	4	998 (2)	1	140 (1)	1	40 (1)	6	1178 (4)
Май	15	5087 (5)	13	1745 (12)	9	13967 (7)	37	20799 (24)
Июнь	9	16177 (8)	6	5430 (6)	-	-	15	21607 (14)
Июль	11	1185 (10)	8	11658 (8)	-	-	19	12843 (18)
1907	172	137424(145)	97	99648 (89)	15	17807 (12)	284	254879(246)

В скобках указано число стачек с известным количеством стачечников. По месяцам фиксируются только вновь возникшие забастовки в целях однократного учёта стачки и забастовавших рабочих. Ввиду продолжительности летних общегородских и коллективных забастовок (иваново-вознесенской, костромской, шуйской и др.), переходивших

из месяца в месяц, число бастовавших в летние месяцы в действительности было больше

Данный факт становится понятным при изучении отчётов фабричных инспекторов и донесений полицейских служб о ходе забастовок. В них систематически подчёркивалось, что на время стачки бастующие рабочие расходились по ближайшим деревням на сельскохозяйственные работы. Характеризуя положение рабочих Середского промышленного района Костромской губернии, корреспондент газеты «Костромской листок» указывал, что «из всего числа рабочих только 20 % не крестьянствуют, а остальные, работая на фабрике, ведут крестьянское хозяйство». Даже в губернском центре ситуация мало отличалась от сельских фабрик. Старший фабричный инспектор Костромской губернии в отчёте 20 июля 1905 г. отмечал, что успеху и продолжительности летней общегородской стачки в Костроме «содействовало то, что масса рабочих живёт по деревням и приходит в город разрозненными небольшими группами». Бастующие с 27 мая рабочие фабрики наследников М.И. Красильщикова в селе Родниках Костромской губернии «утром 28 мая предъявили требования, им было отказано и они разошлись по домам». Рабочие фабрики Анны Красильщиковой в том же селе Родниках, забастовав 1 июля, «разошлись по своим деревням». Рабочие фабрики Никанора Дербенёва в Иваново-Вознесенске, забастовав 10 мая, в числе прочего потребовали: «рабочие из крестьян должны увольняться на месяц летом на полевые работы с правом возвращения на ту же должность». Ковровский уездный исправник, сообщая о стачке на фабрике Кучина в сельце Колобово, доносил, что «рабочие ныне все разошлись по своим деревням на сельские работы».²¹ Не случайно весенние и летние стачки отличались упорством и длительным течением. Достаточно вспомнить Иваново-вознесенскую общегородскую стачку и сопутствовавшие ей общегородские забастовки в г. Шуе, Костроме, в Вичугском промышленном районе Кинешемского уезда.

Подобная картина повторилась весной – летом 1906 и 1907 гг. На уже упомянутой фабрике П.Т. Шорыгина в Ковровском уезде Владимирской губернии в ходе полуторамесячной стачки 10 апреля – 29 мая 1906 г. «рабочие – все местные жители, занялись полевыми работами». 27 мая бастующие рабочие Меленковской льняной мануфактура послали Государственной думе телеграмму с требованием наделения землёй. А рабочие Болотского стеклянно-бутылочного завода в Судогодском уезде Владимирской губернии требовали «Дать луга без вычета и косить разрешить для себя. Пастуха нанимать».²² Данные примеры связи стачек с сельскохозяйственными заботами рабочих можно продолжать. Остановимся лишь на последнем факте. События первой российской революции завершила неудавшаяся областная политическая стачка текстильщиков Центрального промышленного района. Она имела лишь эпизодические проявления. В частности, забастовали костромские предприятия. Однако мотивация забас-

товки была не столько политическая, сколько хозяйственная: «Большинство фабричных рабочих, будучи крестьянами окрестных деревень, воспользовавшись забастовкой, разошлись по домам для производства полевых работ и не возвращались в город до окончания таковых – с 3 до 28 июля».²³

Анализ статистики стачечных выступлений за 1905-1907 гг. позволяет сделать ещё несколько важных наблюдений. В исследуемом регионе наблюдалась заметная асинхронность в сравнении с общероссийским движением.

Рабочие выступления в 1905 г. проходили в три этапа. Первый этап с начала января до пасхальных праздников в середине апреля, когда основная масса предприятий закрывалась на одну-две недели. Второй – конец апреля–сентябрь и третий – октябрь–декабрь 1905 г.²⁴ Рубежом служат моменты минимальной активности рабочих в регионе. Качественные изменения движения приходились не на границы этапов, а на кульминационные моменты в рамках каждого из них. На первом этапе – это реакция на события 9 января. На втором этапе кульминационным пунктом, вызвавшим качественные сдвиги – упорство и раскол движения, стала Иваново-Вознесенская общегородская стачка. В рамках третьего этапа движение приобрело качественно новые черты после издания Манифеста 17 октября.

Максимумы движения рабочих региона не совпадали с его подъемами в стране. По России наибольшей стачечной активностью была в январе, мае–июне, октябре и декабре. В регионе это – февраль, май–июль, октябрь–ноябрь.

Иллюстрируя масштабы рабочего движения в стране, принято сравнивать численность бастовавших за отдельные месяцы 1905 г. и предшествующее десятилетие.²⁵ Во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях в 1895–1904 гг. прошло 227 стачек с почти 119 тысячами участников.²⁶ Сравнение показывает, что в январе, октябре и декабре размах стачечной борьбы за один месяц по России превышал ее масштабы за 10 дореволюционных лет. В Верхневолжье к дореволюционному показателю количество забастовщиков приблизилось только однажды, в октябре. В январе произошло 11 стачек с числом участников около 9000 чел., то есть подъем январского движения в регионе был в одиннадцать раз слабее, чем в целом по стране. Уровень стачечного движения по этапам в 1905 году по отношению к дореволюционному десятилетию составил по России 1:1,9:1,5:2,9; по Верхневолжью – 1:0,38:1,2:1,6. За единицу принят уровень движения в 1895-1904 гг. Эти несложные расчеты показывают асинхронность активности рабочих в стране и в регионе. Пассивность местных рабочих на первом этапе сменилась резким ростом движения в течение 1905 года. На этапе высшего подъема революции активность рабочих Верхнего Поволжья возросла к началу года более чем в 4 раза, по стране всего – в 1,5 раза. Таким образом, движение в регионе шло по нарастающей, более рав-

номерно, чем по России, вовлекая в свою орбиту новые предприятия и профессиональные группы.

В январе-начале апреля 1906 г. движение резко пошло на спад и в дальнейшем периоды спада и подъема борьбы чередовались. Подъем апреля-июля 1906 г. превысил уровень борьбы апреля-сентября 1905 г. В среднем в месяц в весенне-летний период 1905 г. в забастовочную борьбу в регионе включалось 28,5 тыс. человек, а в аналогичный период 1906 г. свыше 40 тыс. человек. Значительную роль при этом сыграли первомайские выступления пролетариата. Следующий подъем пришелся на январь-март 1907 г. Число бастовавших в регионе на этом этапе было самым высоким за весь период революции – 198452 чел., превысив показатели высшего подъема революции (октябрь-декабрь 1905 г.). Однако, по числу забастовок (207) этот этап уступал не только октябрю-декабрю, но и апрелю-сентябрю 1905 г. Подъем обеспечили главным образом февральские 1907 г. выступления рабочих, когда в регионе бастовало рабочих больше, нежели в любой другой месяц периода первой русской революции. Накал борьбы в феврале 1907 г. приблизился к уровню движения апреля-сентября 1905 г., когда проходила знаменитая Иваново-Вознесенская стачка. Вновь, как и в 1905 году, наблюдалась асинхронность стачечного движения в Верхневолжском регионе и в России в целом. Спад стачечной борьбы в России сопровождался его подъемом в исследуемом регионе.²⁷ Примем уровень стачечного движения в январе-начале апреля 1905 г. за единицу. Полученная динамика стачечного движения по отдельным губерниям, региону и России, представлена в таблице № 2. С общероссийской динамикой активности совпадала только стачечная борьба ярославских рабочих.

Таблица № 2. Динамика стачечного движения по этапам борьбы в 1905-1907 гг.²⁸

периоды	Владимирская губ.	Костромская губ.	Ярославская губ.	Верхнее Поволжье	Россия
Январь – начало апреля 1905 г.	1	1	1	1	1
конец апреля – сентябрь	2,76	13,59	0,20	3,16	0,95
Октябрь – декабрь	3,41	6,11	9,06	4,29	1,58
январь-10 апреля 1906 г.	0,52	0,65	0,05	0,47	0,33
11 апреля – июль 1906 г.	1,8	23,09	2,45	3,29	0,80
август – декабрь 1906 г.	0,65	3,08	1,86	0,96	0,24
Январь – март 1907 г.	3,12	27,06	0,67	4,40	0,18
Апрель – июль 1907 г.	0,64	6,36	2,49	1,25	0,39

Ни в 1906, ни в 1907 гг. уровень стачечной борьбы рабочих Владимирской, Ярославской губерний и региона в целом не смог достичь уровня 1905 года. Во Владимирской губернии в 1906 г. число бастовавших снизилось до 41 %, а в 1907 г. составило 52,5 % от уровня 1905 года. В Ярославской губернии в 1906 году стачечная активность рабочих упала в сравне-

нии с 1905 г. также до 42,5 %, но продолжала падать и в 1907 году – до 30 процентов. Иная картина наблюдалась в Костромской губернии. Численность бастовавших в 1906 г. здесь увеличилась в сравнении с первым годом революции на 29,5 %, а в 1907 г. на 61,4 %. Рост стачечной борьбы Костромских рабочих происходил за счет увеличения активности рабочих сельских предприятий: Вичугского промышленного района Кинешемского уезда, Юрьевоцкого уезда, выступавших более активно, чем в 1905 году, а также Середского промышленного района Нерехтского уезда, вступивших в борьбу только в 1906 году. Это отразилось в изменении территориальной локализации стачек в 1906-1907 гг.

Обычно более позднее включение рабочих региона в движение объясняется, отраслевым составом рабочих. Высокая доля текстильной промышленности, малоквалифицированного труда, высокий процент женского и детского труда, тесные связи текстильщиков с деревней рассматриваются как факторы, обусловившие относительную консервативность рабочих региона. На наш взгляд, это не вполне объясняет выявленные временные расхождения динамики общероссийского и регионального движения.

Низкие показатели стачечных выступлений в регионе в январе 1905 года показывают, что в отличие от столиц и крупных городов, события 9 января здесь не стали стимулом к движению. Учитывая свидетельства современников, что даже в начале общегородских стачек в Иваново-Вознесенске в мае, а в Костроме в июле 1905 г. рабочие не воспринимали политическую пропаганду,²⁹ а также то, что выступления января-апреля развивались исключительно ради экономических целей, первый всплеск стачечных выступлений в регионе в феврале 1905 г. можно объяснить полученными известиями об успехах прошедших в крупных промышленных центрах забастовок и уступках предпринимателей. Рабочие, по примеру развернувшегося в стране движения, воспринимают новый алгоритм решения своих проблем – массовую забастовку. Именно информация о широте и успехах забастовочной борьбы стала тем фактором, который вовлек рабочих региона в борьбу.

После поражения коллективных и общегородских стачек лета 1905 г. (Иваново-вознесенской, костромской), сопровождавшихся значительными материальными лишениями и завершившихся крайне незначительными уступками, обнаруживается новообразование в сознании рабочих – разочарование в стачке как форме борьбы.

Затяжная борьба, пренебрежение владельцев в условиях голодного существования вели к агрессии, нашедшей выражение в погромном движении бастующих. Погромное движение становится одной из характеристик борьбы рабочих Иваново-Вознесенска с начала июня до конца 1905 года. Начало погромному движению положили события 3 июня, когда после нападения казаков на рабочую сходку на р.Талке в городе начались беспорядки. Были разбиты стекла в доме городского Головы Дербенева,

прерваны телеграфные провода, подожжены деревянные корпуса на ткацкой фабрике А.М. Гандурина. Ущерб от пожара составил 12000 рублей.³⁰ После отъезда из города фабрикантов ситуация обострилась. 24-25 июля была разгромлена и разграблена 71 торговая лавка. Убытки составили приблизительно 90-100 тыс. рублей. Причем объектом грабежа становились не столько винные, сколько мучные и бакалейные лавки, ущерб в которых составлял не несколько десятков или сотен, а тысячи рублей. Разгромлен склад муки, сожжены дачи фабрикантов.³¹ В погромном движении сочеталось несколько мотивов: чисто уголовный, месть фабрикантам, озлобленность, а также добывание средств к существованию.

Виновниками тяжелого положения рабочих видели теперь не только фабричную администрацию и владельцев предприятий, но и вчерашних руководителей движения. Рабочие Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, фабрики З. Кокушкина и К. Маракушева, в июле 1905 г., еще в ходе общегородской стачки, начали гонения на депутатов. В августе эта тенденция распространилась на Товарищество Куваевской ситценабивной мануфактуры, фабрики наследников Н.Ф. Зубкова, Ивана Гарелина с сыновьями, Я.Н. Фокина и Н. Дербенева. Формировались настроения, нашедшие выражение в октябре – декабре 1905 г. в монархическом и погромном движении.³² Даже спустя год после Иваново-Вознесенской общегородской стачки, рабочие негативно относились к призывам забастовать, «ссылаясь на неудачу прошлого года».³³

В таких условиях в Иваново-Вознесенске возникает новая форма движения, получивший в источниках название обструкций или частичных забастовок. К их числу относили частичную или полную остановку предприятия на короткий промежуток времени (в течение нескольких часов), либо множественные остановки работ в различных цехах и участках работы в течение дня. Такие обструкции мы квалифицировали как стачки. Обструкции могли принимать форму волнений, когда рабочие того или иного производственного подразделения шумно выражали свои требования, включая кратковременную остановку работ для предъявления требований. Помимо указанных черт характерными особенностями обструкций являлось предъявление какого-либо одного, реже двух требований, возвращение к работам, не дожидаясь его удовлетворения и частая повторяемость выступлений для отстаивания раз выдвинутого требования. За июль-сентябрь 1905 года в Иваново-Вознесенске произошло 60 выступлений подобного типа на 15 предприятиях, на которых работало 24325 рабочих. Таким образом обструкциями были обхвачены наиболее крупные городские предприятия, на которых работало свыше 82 % фабрично-заводских рабочих. Число участников обструкций удалось установить в 25 случаях – 19377 чел. 34 обструкции нами квалифицированы как стачки, 26 – как волнения.

В 1906-1907 гг. подобные частичные забастовки стали повсеместны. Они «лихорадили» производство, выводя участников из-под репрессий, а не бастовавшие рабочие получали возможность предъявлять требования оплаты простоев. Приведём описание типичной «обструкции» на Бумаготкацкой фабрике С.М. Швецова Суздальского уезда Владимирской губернии в мае – июне 1906 г. Требования рабочих были предъявлены 23 мая. 24-го получен отказ. 25 мая обе смены ткачей работали с перерывами, вместо 18-ти часов проработали не более 9. 27 мая фабрика работала с перерывами. Последующие дни рабочие являлись на работы неаккуратно, начиная и прекращая их по своему усмотрению. 29 мая рабочие привезли к крыльцу конторы тачку и грозили вывезти бухгалтера Полетаева. После этого бухгалтер с фабрики выехал. Ткачи, подмастерья и слесаря установили работу: с 4.00 до 8.00, с 13.00 до 16.00, с 20.00 до 22.00, остальное время не работали. Сновалая, шпульницы, уборная, контора работу не прерывали. 30 мая ткачи не работали в 8.00-14.00 и 16.00-20.00; 31 мая не работали: 6.00-9.00, 11.00-14.00, 16.00-20.00. Ввиду безуспешности переговоров, с 3 июня фабрике была закрыта и рабочим предложен расчёт. Но пустить её вновь удалось только 13 июня.³⁴ Локаут и закрытие предприятий в 1906 г. стали основным методом выхода из частичных забастовок.

Наиболее тесно были связаны со стачечными выступлениями волнения. Данная форма движения часто предшествовала стачке, поэтому не всегда фиксировалась фабричной инспекцией и полицией. Скучные сведения имеются о количестве участников волнений. В 1905 г. во Владимирской губернии прошло 87 волнений. В 30 из них участвовало 31999 человек. В Костромской губернии из 27 волнений число участников установлено в 8 случаях и составило 4150 человек. В Ярославской губернии зафиксировано 14 волнений. В 3-х из них участвовало 1285 человек. Волнения «будоражили» предприятия и готовили рабочих к совместному выступлению. Волнения имели двойственную функциональную природу. Рабочие прибегали к ним, чтобы решить назревшие проблемы, не доводя конфликт до открытого противостояния с предпринимателем. С другой стороны, волнения в 24 случаях (18,75 % общего их числа) предшествовали стачкам и служили мобилизации сил рабочих. Соотношение стачек и волнений менялось в сторону уменьшения доли последних в течение 1905 года. Последовательно на разных этапах движения число стачек превышало количество волнений в 1,7; 3,7; 8,5 раза.

Итак, волнения в рабочем движении в 1905 году занимали или служебное место, как форма подготовки рабочих к стачечному выступлению или сопутствующая стачкам на соседних предприятиях, или самостоятельную роль, как способ урегулировать противоречия рабочих и предпринимателей, избегая обострения конфликта.

Политизации выступлений рабочих и их организации в значительной мере способствовали митинги и собрания. Эти формы движения в целом

играли самостоятельную роль. Исследователи отмечали их функциональное значение. Митинг выполнял экспрессивную функцию (выражение мнения), информационную, дискуссионную, функцию принятия решений. Демонстрации свойственны функции мобилизации, самовыражения участников и информационная.³⁵ На наш взгляд, данный перечень следует дополнить функцией организации сил участников выступления для последующих согласованных действий и функцией демонстрации сил, как перед лицом противной стороны, а также для привлечения новых сторонников, «убеждения» колеблющихся. Некоторые митинги и демонстрации содержали в себе такую разновидность рабочего выступления, как «диалог» с фабричной организацией или властями.³⁶ Диалог имел место во всех тех случаях, когда масса рабочих, недовольных чем-либо, подступала к конторе и предъявляла администрации первые, еще нечетко сформулированные, требования. Наиболее ярким примером «диалога» рабочих с властями было собрание 23 июня 6000 бастовавших Иваново-Вознесенских рабочих перед домом губернатора с требованием вызова фабрикантов в Иваново-Вознесенск и возобновления переговоров.³⁷ Именно многофункциональность этих форм выступлений придавала им самостоятельность и в то же время делала неотъемлемой частью организации стачечной, профсоюзной, партийной, других видов общественной работы.

В 1905 году в Верхнем Поволжье удалось зарегистрировать 671 митингов, демонстраций, собраний и сходок. В 516 из них (76,9 %) принимали участие рабочие. В течение года 264 выступления – 39,3 % общего их количества сопровождали стачки рабочих. 191 выступление (28,5 %) проходили при активном участии представителей различных партий. 44 собрания – 6,5 % – решали вопросы организации профессиональных союзов. Последние данные неполные. Не удалось выявить деятельность по организации профсоюзов во Владимирской губернии. Шире, по-видимому, были представлены представители политических партий на митингах и собраниях. Однако тщательная конспирация такого участия, особенно со стороны эсеров, не позволяют сделать окончательный вывод о их роли в демонстрационно-митинговом движении. Нами выявлена следующая картина партийного участия в этих выступлениях. Наибольшим влиянием пользовались социал-демократы. Их участие зафиксировано в 130 выступлениях. Деятельность эсеров отмечена лишь на 34-х митингах, собраниях и демонстрациях. Вероятно роль тех и других была несколько выше. С октября 1905 г. активно в работу включились кадеты. За 3 месяца они приняли участие в 27 выступлениях. Их деятельность не была конспиративной, фиксировалась в делопроизводстве местных органов власти и подробно освещалась в местной периодической печати,³⁸ сохранилась переписка и делопроизводство организаций партии кадетов.³⁹

Характер демонстрационно-митингового движения менялся от этапа к этапу.

В январе-начале апреля 27 из 28 собраний и сходок проходили с участием рабочих. На этом этапе шла подготовительная работа партийных организаций, поэтому 50 % акций представляли собой подпольные собрания и сходки партийных организаций и организованных рабочих. 10 собраний – 35,7 % их числа, сопровождали стачечные выступления.

На втором этапе доля «партийных» собраний и митингов снизилась до 25,9 %. Всплеск стачечной борьбы сопровождался более чем пятикратным увеличением рабочих демонстраций, митингов, собраний. Почти 52 % этих выступлений сопровождали стачки. Наиболее высокой была на этом этапе доля стихийных неорганизованных или вышедших из-под контроля руководителей выступлений. 29 выступлений прошли без участия рабочих, хотя и были реакцией на их борьбу. Это собрания фабрикантов, домохозяек города Иваново-Вознесенска и так далее. Доля рабочих выступлений снизилась с 96,4 % на первом этапе до 84,9 % на втором.

После провозглашения в октябре 1905 года демократических свобод, в митинговое движение включились все слои общества. Поэтому доля рабочих на данном этапе снизилась до 72,96 %. Довольно низким оставался процент влияния партийных агитаторов на мощное митинговое движение. Этому влиянию было подвержено 134 выступления – 28,1 % от общего количества. Не даром современники характеризовали митинговое движение октября–декабря 1905 года, как «митинговую стихию». На этом этапе выступления носили не узко-сословный или классовый характер, становятся более демократичны по составу. В то время, как 129 выступлений прошли без участия рабочих (27 % общего их числа), другие группы населения участвовали в 266 выступлениях (55,8 %). Митинги и собрания различных групп населения откликались на рабочие забастовки, погромное движение, манифесты и карательные мероприятия властей. Лишь 168 митингов и демонстраций (35,2 % их общего количества) сопровождали забастовки рабочих.⁴⁰ Каждый шестой митинг в октябре–декабре 1905 г. носил патристический или черносотенный характер. Митинги, демонстрации, собрания наиболее ярко иллюстрируют тот факт, что за различными формами рабочего движения в период первой русской революции могло скрываться как революционное, так и консервативное содержание.

Важную роль митинги и собрания приобрели в 1906-1907 гг. в ходе избирательных кампаний. Их изучение ещё далеко от завершения, но можно утверждать, что митингово-избирательный процесс стал той новой моделью, которая была предложена обществу для выхода из революционного состояния.

Итак, устойчивые модели поведения, укоренённые в рабочей среде: ежегодный уход на определённое время на полевые работы, традиции круговой поруки и коллективной ответственности рабочих друг перед другом, скрепляемые клятвами и проистекавшие из крестьянского менталитета, дополнялись в период революции важными новообразованиями. Уход на

сельхозработы удобно стало связывать с продолжительной забастовкой. «Снятие» с работ снимало ответственность за нарушение производственного режима. Рабочие не только приспособивали к революционной ситуации привычные модели поведения, но и искали новые модели эффективного разрешения своих нужд. Такой поиск отразился в динамике и смене форм протестного движения в ходе революции. Первоначальные известия об успехах массовых стачек подтолкнули рабочих региона в 1905 году на крупные коллективные выступления. Их затяжной характер, ответные действия властей, лишения и незначительные уступки привели к разочарованию в этой форме борьбы и уже после поражения Иваново-вознесенской общегородской стачки, рабочие переходят к «обструкциям» - частичным стачкам, которые систематически нарушают нормальный ритм работ, но ввиду кратковременного участия в них не наносят бастующих серьёзного материального ущерба, дают основания не бастовавшим требовать платы за простой и уходить от ответственности за стачки. Переход предпринимателей в 1906 г. к локаутам и закрытию предприятий постепенно свёл на нет эффективность обструкций. В поиске новых форм заявления о своих нуждах и под влиянием политической деятельности агитаторов, в октябре – декабре 1905 г. поднимается «митинговая стихия». В это же время значительная часть рабочих, разочаровавшаяся в стачечной борьбе и недовольная дестабилизацией привычной жизни, вливается в погромное движение, ставшее противовесом революционной борьбе. Наконец, с 1906 г., благодаря организации выборов в Государственную думу и избирательной активности либералов, населению, в том числе рабочим предлагается новая – избирательная модель поведения, также серьёзно погасившая революционный протест. Низкая эффективность основных форм движения, разочарование в них, неожиданная сила и активность консервативно-монархических сил, сочетание властями репрессий с избирательными кампаниями привели к усталости, апатии и выходу рабочих из революционной борьбы к середине 1907 г.

Однако такая апатия охватывала не всех. Участники движения впоследствии неоднократно вспоминали ту атмосферу, которая сформировалась в ходе революции в фабричных районах и посёлках. Учительница А.Е. Михайлова вспоминала, что в рабочем квартале любимой детской игрой была игра в революционеров. Дети «выпрашивали у родителей красной материи и, надев её на палки, устраивали детские манифестации, влезали на кадки и произносили речи, которые неизменно кончались – «дорой дармоедов»». «Революционные песни переняли даже ребятишки, – писал в воспоминаниях Ф. Ивановский, – После забастовки по вечерам рабочий квартал оглашался то там то сям далеко разносящимися по вечернему воздуху звуками «Марсельезы» и «Варшавянки». Полиция махнула рукой».⁴¹ Революционный романтизм, зародившийся в 1905-1907 гг. среди детей и молодёжи дал свои всходы в 1917 г.

¹ Янжул И.И. Забастовки и стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб., 1906; Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895-1904 гг. / Сост. В.Е. Варзар. СПб., 1905. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. / Сост. В.Е. Варзар. СПб., 1908; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906-1908 гг. / Сост. В.Е. Варзар. СПб., 1910;

² Пронин. Стачечное движение во Владимирской губернии в 1900-1907 гг. // О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах. Владимир, 1925. Вып. 2. С. 5-176; Златоустовский Б.В. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе 1905-1916 г. Иваново-Вознесенск, 1928; Дюбюк Е.Ф. Рабочее движение в Костромской части Иваново-Вознесенской губернии в 1905 г. // 1905 г. в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925. Блинова Е., Заржицкая С., Марков В., Чистов С. Из истории революционного движения во Владимирской губернии 1905-1907 гг. Владимир, 1955. - использованы материалы Пронина; Богачев П.М. Рабочее движение в Костроме в 1905-1907 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 49. С. 86-110; Дружинин П.Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905-1907 гг. Ярославль, 1955; Он же Стачечная борьба Ярославских рабочих в 1905 г. // Рабочий класс и Советы... С. 95-106; Кресина Л.М. Рабочее движение во Владимирской губернии в конце XIX - начале XX в. Владимир, 1959.

³ Альмарик А.С. К вопросу о численности и географическом размещении стачечников в Европейской России в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 142-185; Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Розина О.В. Положение и борьба безработных рабочих Петербурга и Москвы в годы первой российской революции. Диссерт. канд. ист. наук. М., 1985.

⁴ Белов М.Н. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895-1899 гг. // Ученые записки Горьковского пед. института. 1965. Вып. 50. Сб. 8; Он же. Из истории борьбы пролетариата Центральной России в 1895-1897 гг. // Из истории рабочего класса СССР. Иваново, 1964; Он же. Рабочее движение в Центральной России в 1898-1900 гг. // Ученые записки Ярославского пед. института. 1966. Т. 58; Он же Борьба пролетариата Центральной России в 1901-1904 гг. // Ученые записки Ярославского и Костромского пед. институтов. 1968. - Т. 62; Он же. О борьбе пролетариата Центральной России накануне первой русской революции. // Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения. Сб. научн. трудов. Ярославль, 1976. Вып. 145. С. 43-56; Наянова Г.Н. Борьба пролетариата Верхнего Поволжья на втором этапе первой русской революции 1906-1907 гг. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Диссерт. канд. ист. наук. М., 1980; Гуничев В.А., Мейерович М.Г. О численности стачечников в Ярославской губернии в 1905 году. // Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905-1907 гг. Ярославль, 1982. С. 49-59; Хроника стачечной борьбы в Ярославской губернии в 1905-1907 гг. (по материалам печати). // Печать и рабочее движение в Центральном промышленном районе в период империализма. Ярославль, 1988. С. 126-136; Мейерович М.Г. Документы Государственного архива Ярославской области как источник по стачечному движению в губернии в 1895-1904 гг. // К столетию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1990. С. 45-51; Касаров Г.Г. Статистика стачек в Центральном промышленном районе в годы первой мировой войны (июль 1914 - февраль 1917 гг.). // Пролетариат ЦПР в 1907-феврале 1907 гг. Иваново, 1984. С. 153-161.

⁵ См.: Организационные и методические принципы подготовки хроник рабочего и социал-демократического движения в России (1895 - февраль 1917 гг.). / Отв. ред. В.И. Бовыкин. М., 1990; Додонов Б.Ф., Кирьянов Ю.И. Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России (1895-февраль 1917 гг.): Методическое пособие для составителей «Хроник рабочего и социал-демократического движения» М., 1990.

⁶ Рабочее движение в России. 1895 - февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992; Вып. II. 1896 год. М., СПб., 1993; Вып. III. 1897 год. М.-СПб., 1995; Вып. IV. 1898 год. М., СПб., 1997; Вып. V. 1899 год. М., 1998; Вып. VI. 1900 год. М., 1999; Вып. VII. 1901 год. СПб., 2000; Вып. VIII. 1902 год. В 2-х т. М., 2002; Вып. IX. 1903 год. В 4-х т. М., 2005; Вып. X. 1904 год. В 3-х т. М., 2006.

⁷ Стачки в России в 1914 - феврале 1917 гг. Хроника. / Сост. Г.Г. Касаров. М., 1989. Вып. 1; Хроника рабочего движения в России. Апрель - декабрь 1912 г. / Сост. В.П. Желтова. В 2-х ч. М., 1991, 1995; Мейерович М.Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 - феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995; Касимов А.С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 - февраль 1917 г.). Пенза, 1993; Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1895 - 1904 гг. Челябинск, 1993; Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1905 - 1907 годах. Хроника. Челябинск, 1995; Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в июне 1907 - октябре 1917 гг. Хроника. М., 1987; Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 - феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003; Вып. 2. 1906 - 3 июня 1907 г. Кострома, 2005.

⁸ Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003. С. 61.

- ⁹ Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003. С. 62.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2653. Л. 11, 27об.
- ¹² Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003. С. 84, 86; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1678. Л. 82-82об.; Д. 2038. Л. 1-2, 4; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 165-165об., 228-229 и др.
- ¹³ Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003. С. 49-54, 56, 57, 63, 65-67, 69, 76, 79, 84, 85, 107-109.
- ¹⁴ Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895 - 1905 гг. Кострома, 2003. С. 65.
- ¹⁵ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 383. Оп. 1. Д. 47, Л. 17; Д. 56. Л. 21, 73об.;
- ¹⁶ Новиков А.В.. Рабочее движение в Костромской губернии... Вып. 1. 1895-1905 гг. Кострома, 2003. С. 65.
- ¹⁷ Там же. С. 49-50, 52-58.
- ¹⁸ Там же. С. 108; Костромской листок. 1905. 14 декабря. № 125.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1678. Л. 1, 5-6об.
- ²⁰ Новиков А.В. Рабочее движение в 1905 году: причины, формы, содержание. (По материалам Владимирской, Костромской, Ярославской губерний). Диссерт. к. и. н. Кострома, 1997. Приложение 1. Таблицы 23, 31.
- ²¹ Костромской листок. 1905. 3 июня. № 60; Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 312, 318; Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 349. Оп. 1. Д. 532. Л. 77, 82об.; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1463. Л. 69об.; Д. 1473. Л. 6.
- ²² ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1678. Л. 8-9; Д. 1686. Л. 13об.; Ф. 266. Оп. 1 Д. 2613 Л. 5об.
- ²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. I отд. 1908 г. Д. 132. Л. 176-176об.
- ²⁴ Периодизация дана на основе полученных статистических показателей. Таблицу № 1.
- ²⁵ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Полн. собр. соч. Т.30. С. 132; Кириллов В.С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905-1907). М., 1976. С. 51, 111, 219.
- ²⁶ Пушкарева И.М. Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 114, 116, 120.
- ²⁷ Наянова Г.Н. Борьба пролетариата Верхнего Поволжья... С. 143-144.
- ²⁸ Динамика стачечного движения по России вычислена по данным Кириллова В.С. См.: Кириллов В.С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905-1907). М., 1976. С. 90, 110, 241, 292, 343. Так как В.С. Кириллов не разделял апрельское движение на до- и послепасхальное, общероссийские данные за апрель включены в весенне-летний период движения в 1905 и 1906 гг.
- ²⁹ Новиков А.В. Особенности восприятия провинциальными рабочими революционной агитации в 1905 году (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний). // Провинция как социокультурный феномен. Сборник научных трудов участников VIII Международной конференции 18-27 мая 2000 года. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2000. Т.1. С. 76-84
- ³⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1463. Л. 193-194, 205, 207-208; ГАИО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 240. Л. 30-31об.
- ³¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 59-60об.; Ф. 1354. Оп. 3. Д. 1420; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.-3-е делопроизв., 1907 г. Д. 1. Ч. 17. л. А. Л. 19, 26; ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2353. Л. 110-112; ГАИО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 240. Л. 42-46об.
- ³² См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 80-81; ГАИО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 238. Л. 34-34об, 36-37, 41.
- ³³ ГАРФ. ДП-ОО. Ф. 102, 1906г, II отд. Д. 4. ч. 30. Л. 116, 155.
- ³⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1689. Л. 3-3об., 5-5об., 9-10, 17-18, 21-21об.; Д. 1891. Л. 140; Ф. 266. Оп. 1. Д. 2595. Л. 14-14об., 16-17об., 33, 35; Д. 2655. Л. 12об., 15.
- ³⁵ Мадор Ю.П. Стачка в буржуазном обществе: историко-социологический очерк. М., 1984. С. 181-185.
- ³⁶ См.: Мадор Ю.П. Указанное соч. С. 173-179.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизв. 1907 г. Д. 1. ч. 17. л. А. Л. 26; РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 59об-60.
- ³⁸ См.: Костромской листок, Вестник Рыбинской Биржи, Северный край.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 81, 117, 177, 181.
- ⁴⁰ Новиков А.В. Рабочее движение в 1905 году: причины, формы, содержание. (По материалам Владимирской, Костромской, Ярославской губерний). Диссерт. к. и. н. – Кострома, 1997. Приложение 2. Хроника рабочего движения в Верхневолжском регионе в 1905 году.
- ⁴¹ ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 29об., 75.

РАЗДЕЛ II. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, ВЛАСТЬ И РАБОЧИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОН- НОЙ РОССИИ МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И АССЕРТИВНО- СТЬЮ.

Н.М. Александров

Отход как форма обеспечения рабочей силой промышленности России в конце XIX – начале XX в. (по материалам губерний Верхнего Поволжья)

В пореформенный период происходило быстрое развитие промышленности России. Новым фабрикам и заводам, как и расширявшим свое производство предприятиям, требовалась рабочая сила. Основным поставщиком ее в тот период могла быть только российская деревня. Ясно, что за короткое время массового переселения населения из деревни в город произойти не могло. Города в тот период просто не могли бы вместить всех желающих. Кроме того, крестьяне и после отмены крепостного права были связаны с деревней и не могли покинуть ее без разрешения общины. Все это способствовало развитию такого явления, как фабрично-заводской отход крестьян.

В данной работе рассматриваются некоторые вопросы, связанные с крестьянским отходом как одной из форм обеспечения трудовыми ресурсами пореформенной российской промышленности на примере трех губерний Центрально-промышленного района: Владимирской, Костромской и Ярославской.

Отмена крепостного права нанесла сильный удар земледелию Верхнего Поволжья, которое поддерживалось долгое время за счет принудительного прикрепления крестьян к земле. Последовавшее за реформой 1861 г. быстрое развитие промышленности, средств коммуникации и торговли подорвало земледелие в этом регионе за счет усиливавшейся конкуренции сельскохозяйственной продукции из более плодородных регионов, что делало сельское хозяйство нечерноземной зоны мало эффективным. Все это способствовало широкому развитию среди сельского населения неземледельческих промыслов. В конце XIX – начале XX вв. около 9/10 крестьянских дворов во всех губерниях Верхнего Поволжья сочетали занятие сельским хозяйством с различными промыслами. В промыслах было занято около 1/3 всего населения региона. Это свидетельствует о том, что занятие промыслами для крестьян Верхнего Поволжья было почти таким же естественным, как и земледелие.

¹ © Н.М.Александров, 2010

Промысловая деятельность включала в себя работу и в местах постоянного проживания крестьян, и на стороне. В связи с этим промыслы принято делить на местные и отхожие. К местным промыслам, как правило, относилось все кустарное производство. Надо сказать, что такое деление промысловой деятельности крестьян, как и любая классификация, довольно условно. Это отмечали еще исследователи промыслов в XIX в.¹

Во второй половине XIX – начале XX вв. сельские промыслы переживают упадок, а отходничество, наоборот, получает еще большее распространение. Если в начале пореформенного периода крестьяне, занимавшиеся отхожим промыслом, составляли от 4 – 5% среди всего сельского населения Костромской и Владимирской губерний, до 9% – в Ярославской, то в начале XX столетия в отход уходило более 20% населения Владимирской и Ярославской губерний и каждый пятый житель Костромской². Высокие темпы развития отхожих промыслов во Владимирской и Костромской губерниях позволили в конце XIX века первой обойти Ярославскую губернию по удельному весу отходников на душу сельского населения, а второй значительно сократить разрыв по этому показателю. Следует отметить, что Ярославская губерния по размерам отхода в начале пореформенного периода в Центрально-промышленном районе уступала лишь Московской губернии. К концу века впереди ее были уже три губернии – Московская, Калужская и Владимирская. Перераспределение губерний Центрально-промышленного района по такому показателю, как распространенность отхода, на наш взгляд, во многом было связано с неодинаковым развитием фабрично-заводской промышленности в разных местностях и с возможностями предприятий принять рабочие руки из деревни.

Владимирская губерния во второй половине XIX в. по уровню промышленного развития занимала третье место в России после Петербургской и Московской. Здесь находился центр текстильной промышленности страны – Иваново-Вознесенск – русский Манчестер.

В конце XIX в. «главными поставщиками рабочей силы» на фабрики этого города были Шуйский, Суздальский, Ковровский уезды Владимирской губернии; Нерехтский и Кинешемский – Костромской. На предприятиях работали также крестьяне из Смоленской, Рязанской, Вологодской и других губерний³.

Быстро развивавшаяся промышленность Владимирской губернии в значительно большей степени нуждалась в рабочих руках, чем промышленность соседей: Костромской и особенно Ярославской губерний.

На разницу в уровне развития промышленного производства губерний указывают данные о численности фабрично-заводских рабочих, приведенные в табл. 1.

Таблица 1. Численность фабрично-заводских рабочих в губерниях Верхнего Поволжья в начале XX в. *

Губернии	Количество фабрично-заводских рабочих		Всего
	При заводах**	На стороне***	
Владимирская	176 768	8 566	185 334
Костромская	80 959	1 160	82 119
Ярославская	33 524	778	34 302

*Источник: Архипова Л. М. Мелкая крестьянская промышленность центрально-нечерноземного района России в начале XX века. М., 1995. С. 139.

**Графа «При заводах» содержит данные о численности рабочих, выполнявших работы на территории предприятия.

***Графа «На стороне» содержит данные о численности рабочих, выполнявших фабричные заказы вне стен предприятия. Данная категория рабочих была наиболее распространена во Владимирской губернии, где больше всего было развито текстильное производство.

Из данных таблицы видно, что в начале XX в. численность фабрично-заводских рабочих во Владимирской губернии более чем в два раза превышала численность рабочих в Костромской губернии и более чем в пять раз – в Ярославской.

В связи с тем, что сельская кустарная промышленность, не выдерживая конкуренции с фабрикой, быстро сокращалась, часть местных промышленников вынуждена была обращаться к отходу. Происходила эволюция кустарных селений. Некоторые из них становились центрами отхода на ближайшие фабрики. Это было особенно характерно для Владимирской губернии с ее развитой текстильной промышленностью⁴. Данное явление во многом объясняет высокие темпы развития отхода среди владимирских крестьян.

К концу XIX в. многие из сельских промыслов, традиционно развитых во Владимирской губернии, сокращались или вовсе прекращали свое существование. Корреспонденты губернского земства постоянно указывали на понижение заработка в местных промыслах, следствием чего было сокращение числа лиц, занятых ими. Случаи подъема кустарной промышленности были крайне редки и обуславливались по преимуществу временным ослаблением спроса на рабочие руки на фабрики и заводы, связанным с застоем в той или иной отрасли фабричной промышленности.

Так, в 1898 г. корреспонденты Владимирского губернского земства сообщали: «В последние 5 лет замечается с каждым годом сильнее уход от местных заработков на фабрики, благодаря трудности и малой задельной плате от местных промыслов»⁵. Похожую картину вытеснения сельских

кустарных промыслов фабрикой рисовали и земские корреспонденты из фабричных уездов Костромской губернии. Так, в начале XX в. из Нерехтского уезда сообщалось, что в Яковлевской волости «раньше было ручное ткачество салфеточного полотна, теперь оно упало потому, что увеличивается фабричный труд». В Горковской волости соседнего Кинешемского уезда, по словам автора сообщения, точно также «с каждым годом уменьшается производство салфеток; отбивают местные фабрики, выделяющиеся в настоящее время вчетверо больше салфеток, чем кустари»⁶. В местностях, находившихся рядом с фабрикой, последняя не только вытесняла с рынка сельских кустарей, вырабатывающих аналогичную продукцию, но и подавляла другие виды местных промыслов. Так, из указанных фабричных уездов Костромской губернии сообщалось, что в тех местностях, где народ, по удачному выражению одного из корреспондентов, «прилучен к фабрикам», крестьяне бросают ремесла и промыслы и уходят на фабрику. В доказательство этого приводились следующие сообщения: численность «плотников и сапожников убывает, а фабричных все прибывает» (Оделевская волость Нерехтский уезд). Из этой же волости сообщали о подорожании труда плотников по причине того, что «молодой народ не идет в плотники, а все на фабрику». В Зименовской волости Кинешемского уезда «плотничество упало и заменяется преимущественно фабричным промыслом, наблюдается усиленный отход молодых людей на фабрики». В этой же волости из-за отхода на фабрики уменьшился отход в волгари⁷.

Следствием сильно развитого среди сельского населения фабричного отхода было то, что большинство промышленных рабочих региона составляли вчерашние крестьяне. Так, на рубеже XIX и XX столетий на трех крупных предприятиях Покровского уезда Владимирской губернии, где трудилось в общей сложности 5,5 тысяч человек, 94,1% по своей сословной принадлежности были крестьяне⁸. Даже на предприятиях больших городов крестьяне составляли абсолютное большинство. Обследование 1908 г. рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры, расположенной в губернском центре, показало, что 83,0% из них относились к крестьянам, 16,6% – к мещанам и 0,4 % составляли представители других сословий⁹. В России значительное число фабричных предприятий (в первую очередь текстильных) было сосредоточено в сельской местности. В связи с чем В.И. Ленин, анализируя причины этого явления, точно подметил, что если «мужика не пускают на фабрику, – фабрика идет к мужику»¹⁰. В Верхнем Поволжье особенно широко была распространена организация фабрик на селе во Владимирской и Костромской губерниях. Так, в 90-е гг. XIX в. 86% фабрик и 84% рабочих текстильных предприятий Костромской губернии находилось вне городов, в сельской местности. Большинство рабочих на этих предприятиях было жителями близлежащих сел и деревень¹¹.

Подобная картина наблюдалась и во Владимирской губернии, где 85% фабрик находились в селах¹². В пореформенный период во многих се-

лах Владимирской и значительной части Костромской губернии были все условия для быстрого развития производства: средства коммуникации, дешевая и обученная рабочая сила, подготовленная домашней промышленностью. Например, в так называемом «фабричном» районе Костромской губернии, в который входили Юрьевецкий, Кинешемский, Нерехтский и Костромской уезды, фабрики строились недалеко от реки Волги, от железных дорог, соединяющих Кострому с Ярославлем и Москвой, Кинешму с Ивановом и Шуей. По Волге и железным дорогам владельцы предприятий получали сырье и топливо и отправляли готовую продукцию. Юго-западные уезды Костромской губернии и до открытия фабрик были центром текстильной промышленности края, поэтому проблема кадров при открытии новых предприятий не представляла особой сложности.

В Ярославской губернии фабричное производство на селе было развито значительно слабее, чем во Владимирской и Костромской губерниях. В основном оно было сосредоточено в местах, расположенных рядом с губернским городом.

Следует отметить, что во всех трех губерниях региона на селе имелись крупные промышленные центры. В то же время по количеству центров фабрично-заводской промышленности и по численности занятых в них рабочих губернии сильно отличались между собой. По этим показателям Владимирская губерния намного превосходила соседей. Причем в ней, в отличие от Костромской и Ярославской губерний, промышленные центры на селе располагались почти на всей территории губернии, а не были сконцентрированы в отдельной ее части.

Источником рабочей силы на промышленных предприятиях, работавших в сельской местности, очень часто были крестьяне ближайших деревень. Это подтверждается многими фактами. Интересен результат организованного в 1900-1901 гг. Владимирским губернским земством изучения состава работавших на трех крупных предприятий Покровского уезда.

На обследованных двух фабриках и заводе было занято 5,5 тыс. человек. Одним из вопросов, интересовавших исследователей, являлся вопрос об источниках комплектования предприятий рабочей силой. В результате земские специалисты пришли к следующему выводу: «Живая рабочая сила стягивается на фабрику почти исключительно из деревень. Фабрика окружена рядом концентрических, постепенно, по мере отдаления, разрежающихся кругов с деревнями, откуда идут крестьяне на фабрику. Первый круг, самый плотный, 7 в. в радиусе дает четверть рабочих; второй от 7 – 15 в. от фабрики поставляет другую четверть; третий от 15 – 25 или 35 в. дает еще 1/3 и только шестая часть рабочих набирается из деревень дальше 25 – 35 в. от фабрики. Но и здесь большинство выходят из соседних все-таки уездов. Дальние губернии дают всего на всего 3 ½ % всех рабочих. Это – почти исключительно непрофессионально-фабричные

рабочие: чернорабочие, столяры, плотники, слесаря и т.п. Так постепенно рдеют по мере удаления от фабрики ряды рабочих»¹³.

О том, что на предприятиях, расположенных в сельской местности, работали в основном крестьяне из близлежащих деревень, свидетельствуют и данные по Костромской губернии. В документах, отражающих рабочее движение 90-х годов XIX века, неоднократно указывается, что во время стачек на текстильных фабриках в Наволоках, Бонячках, Тезине и других, расположенных в Кинешемском уезде, большинство рабочих – выходцев из ближайших деревень – расходилось по домам. Такое же явление наблюдается и во время праздников: фабричные казармы пустели в связи с уходом рабочих домой в деревню. Подобная картина была и на других предприятиях. На фабрике Рогачева в Нерехтском уезде из 988 рабочих, как сообщал в 1901 году фабричный инспектор, «до 500 человек живут в ближайших деревнях, на праздники все расходятся домой, так как из очень отдаленных мест нет».

На фабрике Горбуновых, по сведениям из того же источника, около 90% рабочих были выходцами из соседних деревень¹⁴. В связи с относительно близким расположением предприятий от мест постоянного проживания крестьян, значительное количество последних ежедневно проделывало путь от дома до фабрики и обратно. Проживание фабричных рабочих у себя в деревне было распространенным явлением в «фабричных» уездах на юго-западе Костромской губернии: многие рабочие вынуждены были ежедневно после окончания смены на фабрике совершать «прогулку 2-5 верст до дому»¹⁵. Так, в 1901 году на фабрике С. Сидорова в селе Яковлевском Нерехтского уезда из 1901 рабочего около 400 человек проживали в селе, а «остальные, пользуясь ближайшим расстоянием от фабрики, ходят домой»¹⁶.

На выбор крестьянами вида отхожего промысла оказывало влияние не только то, насколько удалено от дома предстоящее место работы, но и такие факторы, как величина заработка и традиционность тех или иных видов деятельности. Причем последний фактор часто был определяющим. Вот что по этому поводу писал Д.Н. Жбанков, изучавший в конце XIX в. отхожие промыслы в Костромской губернии: «Отхожие заработки, подобно главному занятию крестьян – земледелию, отличаются также строгим консервативным характером в большинстве местностей: в какую форму отлился отход из известного места, в той он и продолжается ... Таким образом, – заключал исследователь, – во многих местностях крестьяне уходят на сторону для заработков, тогда как заработок можно достать и около себя, в своем или соседнем уезде, и за этим заработком являются по заведенному обычаю промышленники из других более отдаленных уездов и губерний»¹⁷.

По-видимому, в традиционности и консервативности крестьянства (которые были присущи ему в разных жизненных сферах) нужно искать

объяснение и поведению отходников. Так, быстро развивавшееся текстильное производство Ярославля обеспечивалось рабочей силой в значительной степени не за счет местных крестьян, а за счет выходцев из тех районов Владимирской и Костромской губернии, где крестьяне традиционно занимались выработкой тканей. Так, в Юрьевском уезде Владимирской губернии домашнее ткачество хлопчатобумажных тканей долгое время было одним из основных неземледельческих промыслов. С развитием фабричного производства кустари, занимавшиеся производством тканей, должны были осваивать специальности, не связанные с ткацким производством, или находить себе работу на текстильных фабриках, часто расположенных вдалеке от родных мест. В связи с этим в конце XIX – начале XX вв. и наблюдался усиленный приток юрьевских крестьян в Ярославль для работы на ЯБМ.

В 1884 г. в селе Песочном Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии начала работать фарфоро-фаянсовая фабрика, которая вскоре выросла в крупное предприятие. Через полтора десятка лет после открытия на нем работало свыше 600 человек. В начале XX в. половина рабочих на этом предприятии была из Гжельской волости Московской губернии¹⁸. В данном случае для местных крестьян этот вид производства был незнаком, и они не особенно стремились устроиться работать на фабрику. В то же время гжельские крестьяне, занимавшиеся кустарным производством керамической посуды в течение многих поколений, нашли вдали от дома объект приложения своих навыков и умений.

Исходя из изложенного выше, следует, что быстрому промышленному развитию России в пореформенный период способствовала такая форма обеспечения предприятий трудовыми ресурсами, как крестьянский отход. Расположение значительной части фабрик и заводов в сельской местности, где имелись излишки рабочих рук, не только делало более легким решение проблемы обеспечения промышленных предприятий рабочей силой, но и создавало условия для более плавного перехода крестьянина из одного социального слоя в другой. В то же время достаточно тесная связь части промышленных рабочих с деревней, ее проблемами, образом жизни замедляла процесс формирования промышленного пролетариата как класса.

¹ См.: Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности России. СПб., 1883. Вып. IX. С. 191.

² Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 122-123.

³ Образование. 1906. № 3. Отдел II. С. 26.

⁴ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX-XX столетий. М., 2004. С. 184.

⁵ Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии. Владимир-на-Клязьме, 1903. С. 28.

⁶ Статистический ежегодник Костромской губернии. 1911 год. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы. Часть I. Текст. Кострома, 1913. С. 77.

⁷ Там же.

⁸ Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 152–167.

⁹ Матвеева Э. В. К вопросу о связи рабочих-текстильщиков Костромской губернии с землей в 90-е годы XIX в. // Промышленность и пролетариат губерний Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов. Ярославль, 1976. Вып. 44. С. 91–92.

¹⁰ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 524.

¹¹ Матвеева Э. В. Указ. соч. С. 89.

¹² Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1990. С. 6.

¹³ Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. № 5. С. 159.

¹⁴ Матвеева Э.В. Указ. соч. С. 95.

¹⁵ Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866-83 гг. Кострома, 1887. С. 24.

¹⁶ Матвеева Э.В. Указ. соч. - С. 95.

¹⁷ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. Вып. 8. - С. 7–8.

¹⁸ См.: Мейерович М.Г. О происхождении промышленных рабочих Ярославской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. История. 1969. № 6. С. 28.

С.Р. Глазунов

Роль фабричной инспекции в разрешении острых социально-трудовых конфликтов в России в конце XIX – начале XX в.

Бурное развитие капиталистической промышленности, развернувшееся в России в пореформенный период, сопровождалось усиливавшимися нужды и лишения многочисленных рабочих острыми и затяжными кризисами перепроизводства. Часто случалось так, что даже незначительное отягощение положения рабочих переполняло чашу их терпения, и рабочие «шли» на стачку. Специальных гражданско-правовых законов, непосредственно предусматривающих разрешение трудовых конфликтов, в России не было, и забастовки для рабочих являлись единственным доступным для них средством защиты своих коллективных интересов. Вырастая до крупных размеров, они неизбежно привлекали к себе внимание законодателя и становились мотивом его политики. Стачки, ставшие в условиях самодержавной России объективной реальностью процесса индустриализации, являлись неправовым способом разрешения острых социально-трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями. Властями был выработан отраженный в инструкциях и циркулярах правительства алгоритм действий во время стачки, в ряду которых особая роль принадлежала фабричной инспекции. Фабричные инспектора по своим должностным обязанностям должны были не только осуществлять надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка, но принимать меры к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими.

¹ © С.Р.Глазунов

Вопросы, касавшиеся проблемы роли и участия фабричной инспекции в разрешении острых социально-трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями поднимались уже современниками. Участковый фабричный инспектор с солидной практикой А.В. Клепиков свидетельствовал, что не раз встречал людей, которые думали, что фабричные инспектора существуют только на случай забастовок, что вся их деятельность сводилась к тому, чтобы прекращать забастовки¹. Так ли это? Спектр оценок действий фабричных инспекторов в вышеназванных условиях достаточно широк: от «записок» жандармского полковника, затем генерала Н.И. Воронова, работ фабричных инспекторов, В.П. Литвинова-Фалинского, А.А. Микулина, в том числе самого А.К. Клепикова, писавшего под псевдонимом С. Гвоздева, до марксистских публицистов – В.И. Ленина и М.Г. Лунца.

Фабричные инспектора, связывая самую трудную и ответственную роль фабричной инспекции с ее деятельностью во время серьезных недоразумений и забастовок², указывали на двойственное положение фабричной инспекции³, в котором она оказалась с первых шагов своей деятельности. С одной стороны, она должна была стремиться отстаивать интересы рабочих на основе строгого соблюдения фабрично-трудовых законов, и такая деятельность в известной мере способствовала как искоренению существующих прежде прямых злоупотреблений, так и некоторому улучшению условий труда и быта рабочих. С другой стороны, инспекция была обязана наблюдать за сохранением порядка на фабриках. Забастовка же, составляя по закону до 1905 г. уголовное преступление, являлась нарушением этого порядка.

Даже представители МВД, которые постоянно вели межведомственную борьбу с инспекцией, подчинявшейся Министерству финансов, признавали, что фабричные инспектора становились важными фигурантами при возникновении забастовок – особенно накануне и в самом начале. Генерал Н.И. Воронов в своих записках указывает на 18 случаев в течение 15 лет в бытность своего руководства Владимирским губернским жандармским управлением, когда рабочие прекращали работу, но благодаря энергии и старанию фабричной инспекции удавалось очень скоро вразумить и убедить их в неосновательности своих претензий, и они принимались за работу⁴.

Публицисты марксистского направления В.И. Ленин и М.Г. Лунц в целом критиковали деятельность фабричной инспекции, определяя ее полномочия полицейскими задачами бюрократического самовластия. М.Г. Лунц считал, что фабричные инспектора во время стачек выступают в роли «опекуна» или, вернее, «пресекателя и предупредителя»⁵ столь опасных правительству рабочих волнений. В.И. Ленин, следуя своей хлесткой публицистической манере, охарактеризовал фабричных инспекторов «полицейскими урядниками» и «полицейскими служителями»⁶, и эти названия

затем стали часто использоваться советскими исследователями при оценке деятельности этого государственного института в целом.

Советская историческая литература активно использовала в своих работах статистические обследования промышленности, проводимые фабричной инспекцией, но в вопросах, относящихся к ее посреднической деятельности между рабочими и предпринимателями, она твердо стояла на классовом подходе. В немногочисленных трудах, которая оставила советская историография⁷, в конечном итоге все сводилось к критике деятельности фабричной инспекции, как еще одного полицейского учреждения. Упускалась живое и деятельное участие фабричных инспекторов в предупреждении и разрешении трудовых конфликтов во время стачек, в мирном урегулировании отношений рабочих и предпринимателей.

Сегодня интерес исследователей к проблеме, связанной с ролью фабричных инспекторов в фабричной жизни дореволюционной России, возрастает. В книге А.Ю. Володина «История фабричной инспекции в России, 1882-1914 гг.», вышедшей в Москве в 2009 г., наряду с другими вопросами поставлена проблема, связанная с определением роли и места посредничества фабричной инспекции во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей. Автор сконцентрировал свое внимание на «жалобном движении» среди рабочих как особой формы выражения протеста рабочих в дореволюционной России⁸. Остается нерешенной, и требуют дальнейшего рассмотрения проблема посреднической роли фабричных инспекторов в разрешении острых социально-трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями во время стачек. Решению этой задачи и посвящена данная статья.

Очевидно, что поставленная задача может быть реализована на микроуровне, по материалам архивов органов местной власти, участвовавших в ликвидации стачек и наказании забастовщиков. В качестве объекта исследования была выбрана стачка рабочих на Гусевской фабрике Ю.С. Нечаева-Мальцова, продолжавшаяся с 23 февраля по 5 февраля 1898 г. в фабричном поселке Гусь-Хрустальном Меленковского уезда Владимирской губернии. Промышленное предприятие, принадлежавшее известному фабриканту и меценату⁹ Нечаеву-Мальцову, представляло собой крупный текстильный комбинат, на котором были сосредоточены прядильное, ткацкое, крутильное, отбельное и другие дополнительные производства и было занято более 4 тыс. рабочих. Отметим также, что эта забастовка была одна из крупнейших по количеству участников и продолжительности и привлекла к себе пристальное внимание всех местных и центральных властей, которые командировали на ее ликвидацию своих представителей. Выбор этого объекта обусловлен также хорошим состоянием источниковой базы. В государственном архиве Владимирской области (далее ГАВО) хорошо и достаточно полно сохранились делопроизводственные материалы ряда государственных институтов губернского уровня —

Старшего фабричного инспектора Владимирской губернии (ф. 266), Владимирского окружного суда (ф.108), Владимирского губернского жандармского управления (ф.704), Канцелярии губернатора (ф.14) и др.

Делопроизводство фабричной инспекции, представляющее собой наиболее информативный и достаточно объективный вид документов с элементами предварительного анализа описываемых событий, раскрывает стратегию и тактику властей в отношении острых социально-трудовых конфликтов, переходящих в стачки. Особенно интересны доклады фабричных инспекторов. Подчас это – небольшие «повести» с яркими картинками личностного восприятия происходившего и глубоким аналитическим компонентом, направленным на выявление причин конфликтов и стачек.

Комплекс используемых документов позволяет проследить действия фабричных инспекторов, проанализировать их позицию поведения во время забастовки на Гусевской фабрике и определить роль фабричной инспекции в этих событиях.

В острые моменты взаимоотношений рабочих и фабрикантов, какими являлись стачки, российское правительство особую ответственность за происходящее возлагала на фабричную инспекцию. Закон 3 июня 1886 г., являвшийся, по отзыву современников, «19-м февраля» для рабочих¹⁰, предоставлял фабричной инспекции широкие полномочия по урегулированию взаимоотношений между рабочими и предпринимателями. «Правилами о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»¹¹, являвшимися составной частью этого закона, согласно ст. 7 на фабричных инспекторов была возложена обязанность «по принятию мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими, путем расследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон». С этого времени фабричная инспекция начинает играть важную роль в предупреждении и урегулировании социально-трудовых конфликтов, в том числе стачек, а фабричный инспектор становится одной из центральных фигур этих событий.

Недовольство рабочих на фабриках Ю.С. Нечаева-Мальцова возникло, как и повсюду, со вступлением в действие с 1 января 1898 г. закона о сокращении рабочего времени от 2 июня 1897 года. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии В.Ф. Свирский по опыту других фабрик, переходивших в связи с изданием этого закона на сокращенный рабочий день, предвидел возможность появления недовольства среди рабочих и предупреждал об этом управляющего Гусевской конторой Ф.А. Андреева в письме от 10 декабря 1897 г.¹²

Для предотвращения выступлений рабочих фабричный инспектор советовал управляющему перейти, по примеру большинства владельцев крупных фабрик Владимирской губернии, с 24-х на 18-ти часовую работу и сделать небольшую надбавку к заработной плате, возмещавшую сокра-

щение рабочего времени. Но Андреев, по его же словам, вследствие задержки поставки машин из Англии и многочисленных заказов был поставлен условиями производства в необходимость работать не менее 21 часа в сутки. Он говорил, что советовался с главноуправляющим «Акционерного общества Мальцовских заводов» С.И. Щегляевым о введении 18-ти часовой работы, но получил отказ с угрозой увольнения в свой адрес. Свирский не стал настаивать на своем предложении и разрешил Андрееву на основании ходатайства от имени рабочих, предусмотренного инструкцией о распространении закона 2 июня 1897 г., отступить от общих норм этого положения и установить рабочий день, применив работу в 3 смены по 7 часов двумя комплектами. Новый режим производства выбивал рабочих из привычной трудовой колеи.

В конце 1897 г. и в начале 1898 г. на многих фабриках Владимирской губернии при переходе с 1 января 1898 г. с 24 на 18 час. рабочий день прежние расценки были повышены на 25 и даже на 30% – в зависимости от количества сокращаемого рабочего времени. Под впечатлением слухов гусевские рабочие обратились к управляющему с просьбой повысить и у них расценки на выполняемые работы. Разрешение этого вопроса было отложено до приезда из Москвы главноуправляющего Щегляева, обещавшего «все это дело рассмотреть до Пасхи»¹³.

Отказавшись ждать, первыми 10 февраля прекратили работу 50 трепальщиков, особенно страдавших от низких расценок. Волнения пошли по другим цехам, в том числе они захватили и относительно высоко оплачиваемых мюльщиков, а также присучальщиков. После того, как управляющий обещал повысить расценки, стачка трепальщиков прекратилась¹⁴.

По горячим следам этих событий управляющий срочно послал старшему фабричному инспектору письмо, в котором его известил, чторядильщики и трепальщики недовольны заработками, и просил приехать «для выяснения претензий вышеозначенных рабочих»¹⁵. В письме от 12 февраля 1898 г. В.Ф. Свирский рекомендовал фабричному управлению Гусевской фабрики действовать очень осторожно. Он писал: «Если рабочие спокойны и просят только искомой прибавки, то ее можно сделать; если же брожение среди рабочих примет угрожающий характер, уступки со стороны конторы будут несвоевременны и могут внушить рабочим пагубную уверенность в том, что лишь угрозой забастовки и другими незаконными действиями они могут достигнуть улучшения своего положения»¹⁶, т.е. фабричный инспектор совершенно определенно проявил себя отнюдь не защитником интересов рабочих. Было условлено, что одновременно с главноуправляющим С.И. Щегляевым на фабрику прибудет участковый фабричный инспектор Л.А. Сахарнов, чтобы содействовать мирному соглашению рабочих с предпринимателями и засвидетельствовать новые тарифы на оплату труда. В случае возникновения осложнений Сахарнову было поручено вызвать Свирского телеграммой.

Фабричные инспектора согласно своим должностным инструкциям были обязаны препятствовать появлению забастовок, а при их возникновении находится на месте событий. Ст. 14 «Наказа чинам фабричной инспекции», утвержденного министром финансов 11 июня 1894 г.¹⁷, предписывала: «Для предупреждения и содействия прекращению серьезных забастовок в работе, волнений и беспорядков рабочих старший фабричный инспектор обязан незамедлительно являться в место нарушения порядка для совместных с участковым инспектором действий к изысканию на месте причин означенных явлений и к миролюбивому соглашению сторон и оставлять означенное место не прежде, как по восстановлении правильного течения промышленных дел»¹⁸.

Действия фабричной инспекции в самом начале забастовки на Гусевской фабрике подробно изложены в материалах свидетельских показаний¹⁹ и донесении о забастовке²⁰ фабричного инспектора Сахарнова. Обстоятельства сложились так, что участковый инспектор Сахарнов сам стал свидетелем начала забастовки. Утром 21 февраля инспектор узнал, что С.И. Щегляев находит «заработную плату рабочих недостаточной» и «если возможность будет, то он прибавит»²¹. Эти слова главноуправляющего он передал рабочим, которые на следующий день были подтверждены самим Щегляевым. С 1 февраля 1898 г. повышалась заработная плата прядильщикам на 8-15%, но конкретно вопросами урегулирования заработка ткачей и рабочих других специальностей должна была заняться фабричная администрация под руководством управляющего Андреева и директора-англичанина В.Я. Эджа. После разговора с главным управляющим рабочие, по словам Щегляева, «разошлись едва, не расцеловавшись»²². В тот же день в 15 ч. 50 мин. он телеграфировал В.Ф. Свирскому: «Все улажено к обоюдному удовольствию. Дело было раздуто»²³.

В понедельник 23 февраля, когда началась стачка, работы на фабрике производились как обычно, но вскоре между рабочими стал распространяться слух, что обещания, данные накануне, не будут выполнены, т.к. объявлений о новых расценках не было вывешено в цехах. Рабочие большой толпой собрались у дома Щегляева, но управляющий на этот раз с ними разговаривать не стал. Затем рабочие пришли к фабричному инспектору и заявили, что они хотят видеть Щегляева, который «их не принимает». Выступая в качестве посредника, Сахарнов заверил их, что «все, что сказано, будет исполнено»²⁴ и, следуя должностной инструкции, попытался уговорить рабочих вернуться к своим рабочим местам, но безуспешно. Все эти проволочки, связанные с утверждением расценок и вывешиванием объявлений, переполнили чашу терпения рабочих. «Около 6 вечера работа уже бросалась, – писал Сахарнов, – рабочие выходили из фабрики»²⁵.

На этот раз уговоры участкового фабричного инспектора, занявшего примирительную позицию, не повлияли на рабочих. Пытаясь достигнуть миролюбивого соглашения между заинтересованными сторонами и не до-

пустить возгорания серьезного конфликта на фабрике, делая все от него зависящее, Сахарнов не смог воспрепятствовать началу забастовки. В донесении начальству, составленном на следующий день после событий, слышатся оправдательные нотки его участия в происшедшем, хотя никакой вины или оплошности в действиях инспектора, который строго следовал должностной инструкции, фактически не было.

Поводом к стачке стало невыполнение обещаний фабричной администрацией, данных ею накануне рабочим, а точнее – отсутствие объявлений о новых тарифах на оплату труда. В.Ф. Свирский в отчете о стачке совершенно справедливо обвинял фабричное управление в том, что оно «спровоцировало» начало забастовки. Контора во главе с директором «не потрудились, хотя для этого было достаточно времени, изготовить хотя бы в тот же день требуемые таблицы и объявления, которые могли быть немедленно засвидетельствованы фабричной инспекцией и выставлены к началу работ». Ожидаемые объявления с новыми расценками появились только к утру 24 февраля, когда забастовка уже началась²⁶.

Если до начала стачки можно видеть понимание фабричной инспекции требований рабочих и ее желание стать арбитром между ними и администрацией фабрики, то совсем иной становится ее позиция в разгар стачки, которая сводится к поискам поддержки в силовых структурах. Это нельзя сбрасывать со счетов при реконструкции развития забастовки на основе сравнительного анализа донесений различных представителей власти «наверх» в министерства в сочетании с использованием материалов судебного следствия и документов судопроизводства. На втором этапе забастовки, когда она стала фактом, фабричная инспекция согласно указаниям из Петербурга заняла жесткую неуступчивую позицию по отношению к обоим фигурантам стачки, и, прежде всего, к рабочим.

Секретный циркуляр МФ от 8 апреля 1897 г. за № 9677²⁷ предписывал чинам фабричной инспекции «при возникновении стачки или забастовки принять все меры к убеждению рабочих немедленно возобновить прерванные работы, разъяснив им всю строгость наказания, которым они подлежат за незаконные действия. Инспектор должен был объявить рабочим, что заявления их не могут быть приняты и рассмотрены до тех пор, пока они не приступят к обычным занятиям и не прекратят беспорядка, непредусмотренного законом. В документе Министерства финансов была очерчена четкая линия поведения фабричных инспекторов при возникновении стачек, которая была направлена на скорейшую ликвидацию вспыхнувшего недовольства среди рабочих.

К вечеру 23 февраля тарифы на оплату труда были выработаны, и рабочие просили директора фабрики подписать новые расценки, но Сахарнов заявил, что до того момента, как они встанут к своим станкам, он не может утвердить эти документы²⁸. В условиях начавшейся стачки уступки рабочим в соответствии с секретными предписаниями были невозможны.

24 февраля, когда на фабрику прибыл В.Ф. Свирский, рабочие пожаловались ему на фабричную администрацию и заявили, что пока их требования об увеличении платы не будут удовлетворены, они работать не станут. Действуя по разработанной инструкции строго в соответствии с «Наказом чинам фабричной инспекции» и секретными циркулярами, старший фабричный инспектор, разъяснив рабочим всю тяжесть уголовной ответственности за их противозаконные действия, попытался предпринять все зависящие от него меры по предотвращению забастовки путем примирения сторон, но безрезультатно.

После двукратных продолжительных переговоров с рабочими В.Ф. Свирский послал губернатору секретное донесение²⁹, в котором сообщал, что «23 февраля около 3600 рабочих прекратили работы среди срока найма и требовали повышения платы и изменения условий найма». Это деяние, по оценке старшего фабричного инспектора, подходило под ст. 1358(1) Уложения о наказаниях, и им *«были приняты все меры к выяснению незаконности подобного действия и к возобновлению работы фабрики»* (курсив мой – С.Г.).

В течение нескольких часов Свирский имел объяснение с многочисленными группами рабочих. Не смотря на уговоры и разъяснения фабричного инспектора, «рабочие упорно настаивали на всеобщем повышении платы», без чего начать работу не соглашались. Свирский посчитал, что *«при таких условиях уступки стачечникам имели бы деморализующее действие»* (курсив мой – С.Г.). В случае дальнейшего упорства рабочих он предлагал «приступить к принудительному расчету» и «закрыть для уволенных харчевой магазин». Старший фабричный инспектор также просил губернатора «отправить в Гусь войска». Он полагал, что «в виду смиренного настроения рабочих одной и много – двух рот пехоты было бы вполне достаточно, как для охраны желающих работать, так и на случай возможных осложнений»³⁰.

То, что происходило в среде рабочих в последующие после 24 февраля дни, обстоятельно изложено в донесении Свирского в Департамент торговли и мануфактур от 26 апреля 1898 г.³¹ В примечании ст. 14 «Наказа чинам фабричной инспекции»³² было указано, что старший фабричный инспектор обязан представить в Департамент торговли и мануфактур подробный письменный отчет о «ходе и исходе» забастовок. Эти документы, составляющие, как правило, десятки страниц, дают не только богатый фактический материал, но и служат ценным источником для анализа деятельности фабричной инспекции.

Вечером 27 февраля с батальоном гренадер на фабрику прибыл вице-губернатор князь Н.П. Урусов. Кульминационным моментом в стачке были события 28 февраля, когда число забастовщиков составило более 4 тыс. Это выразилось в противостоянии на поселковой площади огромной толпы рабочих численностью около 3 тыс. чел. с войсками в количестве 400 чел.,

вызванными для подавления забастовки. Рабочие требовали освободить арестованных. Попытка солдат очистить площадь не удалась. Не предпринимая никаких активных действий, трехтысячная толпа стачечников сплошной массой стояла напротив солдат до 7 часов вечера, а затем спокойно разошлась по домам³³.

За годы борьбы со стачками властями был наработан определенный набор действий против забастовщиков, который нашел отражение в ряде конфиденциальных циркуляров Министерства внутренних дел полиции и Министерства финансов фабричной инспекции. Самым одиозным из них стало секретное распоряжение МВД от 12 августа 1897 г. за № 7587³⁴, изданное правительством в условиях нарастания забастовочного движения.

В этом документе Департамент полиции предлагал начальникам губерний объединить усилия всех местных чиновников «для полного согласования деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнений в рабочей среде». При возникновении стачки местные власти совместными усилиями должны были рабочих, отказавшихся продолжать работу по заключенному трудовому договору, рассчитать и выслать на родину, а – упорствующих в забастовке, «удалить по этапу». Всех рабочих, оказавших в какой-либо форме сопротивление распоряжениям администрации, а также замеченных в подстрекательстве других рабочих к сопротивлению или противодействию полиции, предписывалось подвергать аресту. Все дела о стачках и забастовках министр внутренних дел настоятельно рекомендовал расследовать на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданном 14 августа 1881 г.³⁵, предусматривавшего административное наказание помимо суда в виде высылки до 5 лет в отдаленные губернии под особый надзор полиции.

Департамент торговли и мануфактур сообщил о циркуляре от 12 августа 1897 г. старшим инспекторам с грифом «совершенно секретно», и участковым инспекторам этот документ показывался «по секрету». Они должны были действовать, не выходя из пределов этих указаний³⁶. Министерские циркуляры предписывали местным властям применять против забастовщиков меры административного воздействия репрессивного характера «в порядке положения об охране». Полиция действовала против забастовщиков, руководствуясь секретными распоряжениями МВД, фабричная инспекция по приказу финансового ведомства обязана была ей в этом помогать. Таких инструкций не знал ни один из западноевропейских инспекторов.

Местная власть в лице губернской администрации была напугана произошедшими в Гусе 28 февраля 1898 г. волнениями рабочих, и дальнейшие ее действия происходили по сценарию из Петербурга. Дополнительно потребовалась присылка казаков из Москвы, с прибытием которых прошла новая волна арестов. По делу о стачке было начато судебное след-

ствии. Жандармы приступили к расследованию по «Положению об охране». Рабочим, не ставшим на работу в понедельник 2 марта, вице-губернатор объявил принудительный расчет. Забастовщикам была прекращена выдача продуктов в кредит из фабричной лавки. Старший фабричный инспектор составил от имени конторы объявления для рабочих о снабжении их продуктами питания по новым расчетным книжкам, о порядке увольнения и о новом найме с 3 марта желающих работать на прежних условиях. Свирский по этому поводу заявил, что меры эти были полезны в воспитательных целях и «способны внушить рабочим, что объявления, выставляемые от имени администрации, не пишутся попусту»³⁷. В тоже время старший фабричный инспектор пытался облегчить участь рабочих. Отсылка паспортов и заработной платы на родину для всех «дальних» рабочих, живших в достаточном отдалении от Гуся, представляла большое неудобство и была для них, по выражению инспектора, «тяжелой карой». Он лично «упросил» вице-губернатора, чтобы виды на жительство и заработок забастовщикам были вручены полицией здесь же на фабрике. Однако несколько сотен рабочих, главным образом, из ближайших к Гусю волостей вынуждены были идти домой в свои волостные правления за 15-25 верст (от фабрики) и потом возвращаться обратно, чтобы успеть к новому набору.

В последующие дни упорство забастовщиков было сломлено, и возбуждение постепенно спало. 4 марта на работу вышло 230 чел., 5 марта – 2000 чел., 6 марта Гусевская фабрика работала при полном комплекте рабочих³⁸.

Сопоставляя отчет старшего фабричного инспектора о стачке с материалами следствия, можно заключить, что до начала забастовки фабричная инспекция, представляемая Сахарновым, склонялась и не редко на сторону рабочих. Свирский же, представлявший ее лицо во время забастовки, занял совершенно определенную позицию – сторону администрации фабрики, квалифицировав требования рабочих о прибавках как незаконные «домогательства», а стачку назвал «незаконным образом действий». Естественно, что переговоры его с рабочими были безуспешными. Свирский счел «логическим последствием» начавшееся увольнение рабочих, закрытие отпуска продуктов из фабричной лавки и выселение из квартир «наиболее упорных» забастовщиков. Мало того, фабричный инспектор первым высказался за прибытие войск для охраны фабричного имущества.

Поведение и действия фабричных инспекторов во время забастовки на гусевских фабриках Ю.С. Нечаева-Мальцова было типичным для многих других подобных случаев по всей России. Главная позиция, которой должны были неукоснительно следовать фабричные инспектора во время забастовки, состояло в том, чтобы не на йоту не уступать забастовщикам в их требованиях, даже в том случае, когда на это были согласны сами фабриканты. Из «мирового судьи», чья роль отводилась фабричному инспек-

тору до начала стачки, он превращался в «полицейского урядника», стоявшего на страже государственного порядка и спокойствия. В ходе стачки фабричные инспектора, как бы они в душе не симпатизировали рабочим, встали на защиту администрации Гусевской фабрики, руководствуясь полицейско-охранительным характером антизабастовочного законодательства, сохранявшимся вплоть до 1905 года. В целом же это отражало через поведение фабричной инспекции слабую чувствительность бюрократического аппарата к модернизации российского общества, осуществлявшейся в направлении необходимости социальных реформ, которые бы вплотную коснулись положения в России человека труда.

¹ Клепиков А.К. (Гвоздев С.) Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг.). М., 1911. С. 204.

² Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 335.

³ Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906. Киев, 1906. С. 142.

⁴ Воронов Н.И. Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 45.

⁵ Луни, М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: Сб. ст. М., 1909. С. 85.

⁶ Ленин В.И. Новый фабричный закон // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 294.

⁷ Шельмагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2 пол. XIX в.). М., 1947; *Он же*. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900-1917. М., 1952; *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1885-1904). Львов, 1964; *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972.

⁸ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России, 1882-1914 гг. М., 2009. С. 134-143.

⁹ На деньги Юрия Степановича Нечаева-Мальцова была приобретена коллекция и возведено здание для Музея изящных искусств в Москве, построен Георгиевский собор в Гусь-Хрустальном, для росписи которого был приглашен В.М. Васнецов, и многое другое.

¹⁰ Обнинский П.Н. Новый закон об организации фабричного надзора // Юридический вестник. 1887. Кн. 1. С. 115.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. VI. – СПб., 1888 (далее – ПСЗ-III. Т. VI). № 3769.

¹² ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 69.

¹³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531. Л. 345-351.

¹⁴ Рабочее движение в России 1895-февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV. 1898 г. СПб., 1997. С. 77; ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. 815. Л. 1.

¹⁵ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 1-3.

¹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁷ Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции (далее – СБУПР по ФИ). Вып. I. СПб., 1898. С. 28-54.

¹⁸ Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). СПб., 1899. С. 271-272.

¹⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94-96.

²⁰ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 40-41.

²¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94.

²² Там же. Л. 23.

²³ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 34.

²⁴ Там же.. Л. 41.

²⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94.

²⁶ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 56.

²⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2258. Л. 37.

²⁸ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 42.

³⁰ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 42.

³¹ Копия донесения старшего фабричного инспектора Владимирской губернии в Департамент торговли и мануфактур, хранящаяся в ГАВО, была опубликована в сборнике документов по рабочему движению. См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. 1895-1900. Часть вторая. 1898-1900. М. 1963. С. 122-132.

³² Устав о промышленности. СПб., 1899. С. 272; СБУПР по ФИ. Вып. I. С. 34.

³³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1133. Л. 59-60

³⁴ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2258. Л. 38-39; ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 1-2.

³⁵ ПСЗ-III. Т. I. № 350.

³⁶ Клепиков А.К. (Гвоздев С.) Записки фабричного инспектора. М., 1911. С. 207.

³⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 59.

³⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1133. Л. 62.

Н.Г. Карнишина

Страховое законодательство в России в конце XIX – начале XX вв.

Развитие российского страхового дела с 1895 г. по 1916 г. можно определить как этап, который обычно связывают с началом формирования национального страхового рынка, появлением частных акционерных компаний, развитием частной монополии на страховом рынке.

За предыдущие 1876-1885 гг. было создано 32 общества взаимного страхования, что создавало конкуренцию на данном рынке услуг. В 1874 г. съезд представителей акционерных страховых обществ установил общий тариф премий, обязательный для всех заключивших конвенцию, принятую этим съездом. Для обоснования тарифов было решено с 1874 г. вести общую статистику. Тарифное соглашение вошло в силу в 1875 г. и получило название Страхового синдиката – первого монополистического объединения в России.

Для придания устойчивости страховым операциям в этот же период были организованы общества взаимного страхования. В 1863 г. учреждено два таких общества – в Туле и Полтаве; в 1864 г. – пять (Харьков, Череповец, Ревель, Рига, Пермь); в 1865 г. – также пять. В 1880 – 1890 –е гг. проходили съезды представителей обществ взаимного страхования (I съезд в 1883 г. в, VII съезд – в 1912 г.)¹. Для исполнения поручений съезда было создано особое бюро и печатный орган «Вестник взаимного от огня страхования». В 1909 г. был создан «Российский Союз Обществ взаимного от огня страхования», который объединил 83 страховых общества на основе договора, обязывающего страховые компании оказывать взаимопомощь при пожарных убытках, превышающих годичный сбор премий. К 1917 г. Союз, имеющий свой устав, объединял 124 общества взаимного страхования. Союз страховщиков осуществлял страхование недвижимости и движимости, коллективное страхование от

¹ © Н.Г.Карнишина, 2010

несчастных случаев лиц, служащих и работающих на фабриках и заводах по отраслям: мануфактурной промышленности (Московская губерния), горных и горнозаводских предприятий Юга России, Киевское общество взаимного страхования свеклосахарных и рафинадных заводов, Минское Землевладельческое общество взаимного страхования.

В 1894 г. в России был установлен государственный страховой надзор за деятельностью страховых компаний. Функции органа государственного страхового надзора выполняло Министерство внутренних дел. Также была установлена публичная отчетность страховых компаний.

В 1885 г. был снят запрет на деятельность в России иностранных страховых обществ и в Петербурге открылось центральное агентство страхового общества «Нью-Йорк» (США). В 1889 г. Министерством внутренних дел России была разрешена деятельность страховых обществ «Урбен» (Франция) и «Эквитебл» (США) для осуществления личного страхования населения. Активно развивались также операции перестрахования рисков на международном рынке. Иностранные страховые общества подчинялись общей системе государственного надзора со стороны Министерства внутренних дел. Для открытия страховых операций в России они были обязаны предварительно внести в государственное казначейство денежный залог 500 тыс руб. золотом и резервировать на счетах государственного банка 30% поступлений страховых платежей.

Конец XIX столетия, когда в основном сложилась сеть российских акционерных компаний, был отмечен известной унификацией их деятельности. Большинство «огневых» обществ добавило к своим операциям страхование жизни, транспорта, ценностей, перевозимых по почте; а общества, занимавшиеся чисто транспортным страхованием, ввели у себя огневое страхование.

Московские компании в это время уверенно занимали место в первой десятке крупнейших. География московских страховых компаний была достаточно широка и простиралась далеко за пределы Московской губернии. Их отделения и агентства были рассеяны не только по центральным регионам страны, но успешно работали в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, Сибири. Промышленные и финансовые связи московских «текстильных королей» с отдаленными районами, где приобреталось сырье либо сбывалась продукция, облегчали им, как представителям страховых компаний, установление необходимых контактов и для страховой деятельности.

Примерно к 1910 г. «Якорь», Московское и Северное общества восстановили утраченный за кризисные годы запасной капитал и прежние резервы премий. В списке держателей их полисов встречаются фамилии Голицыных, Родзянко, Хитрово, Лобановых-Росовских. Из объектов недвижимости, застрахованных Московским обществом, заслужи-

вают быть упомянутыми усадьба А. Блока в Шахматово, здание ресторана «Прага» на Арбатской площади, усадьба А. Рейнбота.

Устав 1895 г. предоставлял вкладчикам право вносить условные вклады или вклады с особым назначением, которые устанавливали формы распоряжения капиталом либо процентными бумагами при наступлении определенных обстоятельств. Преобладающее число условных вкладов вносилось на погребение и до совершеннолетия. На 1 января 1901 г. единоличные клиенты произвели условных вкладов на сумму 54,2 млн. руб. по 242 200 книжкам, что составляло 7,3 % общего числа книжек и 8,1 % общей суммы вкладов². Развитие этой деятельности связано с неудачным опытом деятельности похоронных касс, которые часто распадались и приносили своим участникам убытки.

Неудачными оказались и попытки организовать общества взаимного страхования жизни. В начале XX в. в России было учреждено только одно подобное общество в г. Харькове. Застрахованная сумма на случай смерти и «на дожитие» в русских обществах доходила до 2500 руб., а в иностранных обществах, действовавших в России, превышала 5000 руб. К началу XX в. наблюдалась устойчивая тенденция у части населения России в мелком страховании по обеспечению старости или на случай смерти.

В 1901 и 1905 гг. были приняты законодательные акты, значительно расширявшие самостоятельность Управления государственными заведениями народного сбережения. В 1906 г. был открыт Совет по делам страхования доходов и капиталов.

В 1903 г. Министерство финансов представило законопроект «Об учреждении государственного страхования жизни через посредство государственных сберегательных касс». В стране действовали на тот момент 7 русских и 3 иностранные компании, в том числе «Россия», «Жизнь», «Первое российское страховое общество», «Саламандра», «Помощь», французская компания «Урбэн», американская «Нью-Йорк» и др.

Особенно остро в начале XX в. стоял вопрос о страховании малообеспеченных слоев населения. С.Ю. Витте в проекте «Об учреждении государственного страхования жизни через посредство государственных сберегательных касс», обосновывая необходимость государственного страхования жизни, писал: «Государство не может оставаться безучастным зрителем того явления, что известная часть населения остается без всяких средств к жизни, ибо такой элемент представляет несомненную опасность общественному спокойствию и установленным отношениям»³

2 июня 1903 г. был принят закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности», по которому ответственность за пособие работникам

возлагались на владельцев промышленных предприятий. Вне действия этого закона оставалась значительная часть рабочих мелких предприятий и кустарных мастерских, т.к. обеспечение потерпевших вследствие несчастных случаев еще тесно зависело от финансового положения производственной фирмы.

В тоже время в материалах Комиссии при совете по горнопромышленным делам по поводу проекта закона о врачебной помощи рабочим от 1905 г. содержатся следующие сведения: «В Бакинском районе за последние годы расход владельцев горных промыслов и заводов на врачебную помощь рабочим составляет в среднем 15-16 рублей на одного рабочего в год, а на юге России соответствующий расход равен: на каменноугольных копях – около 8 рублей, а на заводах – около 12 рублей. Ежегодный расход владельцев горнопромышленных предприятий на медицинскую часть для различных местностей империи выражается приблизительно в следующих цифрах:

Царство Польское – 400000 руб.

Кавказ – 475000 руб.

Юг России – 1100000 руб.

Урал – 600000 руб.

Итого 2575000 руб.

Если принять во внимание, что число рабочих на горных заводах и промыслах империи равно около 640 000, а также и то обстоятельство, что в заведениях фабрично-заводской промышленности ежегодно расходуется на врачебную помощь рабочим около 4000000 руб. при общем количестве фабрично-заводских рабочих Империи около 2500000 человек, то ясно видно, что владельцы горнопромышленных предприятий несут более чем вдвое больший расход на постановку медицинской части, чем владельцы заведений фабрично-заводской промышленности»⁴

В законе от 30 мая 1905 г. определялось: «Свободные суммы страховой операции вносятся в Государственный банк на особый счет и помещаются в государственные процентные бумаги, в закладные листы учреждений земельного кредита, а также в облигации городских кредитных обществ и городских займов»⁵. Закон открывал при сберегательных кассах страховые операции. Принимая данный закон, правительство тем самым способствовало организации системы социального обеспечения в государственных и частных учреждениях путем совокупного страхования их служащих и рабочих. Сберкассы приступили к страховым операциям с февраля 1906 г. Операции по страхованию для сберегательных касс ограничивались следующими видами: страхование небольших вкладов на случай внезапной смерти и «на дожитие» на сумму до 5 тыс. руб.; страхование пенсий размером до 600 руб. в год. Всего страхованием к 1.01.1916 г. занимались более 7,5 тыс. касс почти из 10 тыс. Однако, процесс развития этого вида услуг шел достаточно медленно и до первой мировой войны не при-

обрел широкого распространения⁶. Тем не менее, по размерам прироста страхования сберегательные учреждения занимали одно из ведущих мест среди страховых обществ России.

В 1914 г. был принят новый закон о страховании, в который были внесены дополнения в виде страхования от потери трудоспособности, повышения предельного размера страхуемых капиталов и пенсий, введения досрочной выплаты пенсий в случае потери трудоспособности. По мнению правительства, проблема страхования трудовых слоев населения оставалась преимущественно задачей сберегательных касс. В этих целях страна была разделена на 12 страховых районов во главе с инспекторами сберегательных касс, в обязанности которых входило руководство агентурой.

В целом, к началу XX вв. в России сложилась система страхования, которая включала в себя государственное страхование, российские и иностранные акционерные страховые общества, городские взаимные и земские страховые общества. Система страхования регулировалась государством. В качестве страховщиков выступали российские и иностранные страховые организации, предоставляющие достаточно широкий спектр услуг.

¹ История финансового законодательства России / Отв. ред. И.В. Рукавишников. М., 2003. С. 148.

² Об учреждении государственного страхования жизни через посредство государственных сберегательных касс // РГИА.Ф.581.Оп.1.Д.888.Л.1.

³ РГИА.Ф.581.Оп.1.Д.888.Л.22.

⁴ НИОР РГБ.Ф. 260.К. VIII. №5. Л. 1

⁵ ПСЗ-З.Т. XXV. Отд. 1. №26259.

⁶ Очерк развития и деятельности Государственных сберегательных касс. Спб, 1912. С.47; Морозан В.В. Операционная деятельность сберегательных касс России и социальный состав их вкладчиков (1895-1916 гг.) // Деньги и кредит. 2001. № 9. С.67.

А.В. Лебедев

Социальная политика руководства Северной железной дороги в конце XIX – начале XX вв.

На рубеже XIX – XX вв. на железнодорожном транспорте России произошли коренные изменения в структуре социокультурной составляющей, в которой обозначились основные этапы изменения общественных отношений. На данном хронологическом отрезке активизировался процесс складывания новых моделей поведения железнодорожников, наметились кардинальные изменения в их сознании, выразившиеся в формировании новой культурной среды и составившие глубинное содержание социокультурной модернизации, без обращения к анализу которой, невозможно понять истинный смысл истории отечественных железных дорог.

¹ © А.В. Лебедев, 2010

Одновременно с увеличением численности железнодорожников, возникали и новые социальные проблемы, которые не могли быть решены методами и моделями урегулирования социальных процессов, выработанными на предыдущем этапе развития железного транспорта. В 1890 г. на железных дорогах России работало 248,3 тыс. человек, в 1900 г. – 554,4 тыс., в 1913 г. – 815 тыс., в 1917 г. – 1001,5 тыс. человек¹.

Динамично росла численность обслуживающего персонала Северной железной дороги: в 1895 г. на ней трудилось 7045 рабочих, в 1900 г. – 11510, в 1913 г. – 28780, в 1915 г. – 38889 человек. Изменились масштабы, исторический контекст и самосознание прослойки российского общества, включавшей в себя рабочих и служащих отечественных железных дорог. В совокупности это послужило мощным толчком к модернизации слабой и разрозненной социальной инфраструктуры, зародившейся на заре становления железнодорожного транспорта России.

Ситуация с реформированием сферы социального обслуживания на железных дорогах России усугублялась крайне нестабильной финансовой обстановкой внутри страны. Экономический кризис 1900–1903 гг. заметно снизил реальные доходы и качество жизни железнодорожников. Расходы работников Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги (такое название вплоть до 1907 г. носила Северная железная дорога) увеличились в два раза². Соответственно этому ухудшился уровень их жизни.

В 1904 г. по показателю стабильности кадрового состава рассматриваемая магистраль занимала в России четвёртое место с конца. Процент увольняемости на Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге составил 35 %, в то время как в целом по стране этот показатель не превышал 20 %³. При этом следует учитывать, что более половины из этого числа выбывали по причине смерти и потере трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве. Данное обстоятельство более рельефно подчёркивает слабую разработанность механизмов охраны труда на железных дорогах России и необходимость пенсионного обеспечения работников железнодорожного ведомства, которая к тому времени уже стала настоятельной потребностью, предъявляемой временем.

27 января 1894 г. министром путей сообщения был утверждён новый устав пенсионной кассы для служащих Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Помимо накопления пенсионного капитала и выплат пенсий, деятельность пенсионной кассы распространялась на страхование своих членов от несчастного случая и потери трудоспособности. Это нововведение расширило число членов пенсионной кассы на 55 %. Их совокупный доход составил 289 тыс. рублей, а поступления в пенсионный фонд увеличились на 17,3 тыс. рублей.

На 1 января 1895 г. общее количество членов пенсионной кассы на Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге составило 3414 человек: 763 (22 %) из них имели срок службы менее 1 года, 1105 (32 %) –

1 год, 931 (27 %) – от 2 до 10 лет, 507 (15 %) – от 11 до 20 лет, 108 (4 %) – более 20 лет. К этому времени 376 членов пенсионной кассы уже получали различные пенсии и пособия: 97 человек (1/4) вышли на пенсию по выслуге лет, 2 потеряв трудоспособность. Остальные являлись вдовами (97) и детьми (180) погибших и увечных участников пенсионной кассы⁴. Таким образом, становится очевидным незначительный стаж участников пенсионной кассы, который подчёркивает слабую эффективность пенсионной политики и плохую разработанность механизмов её обеспечения.

Однако следует особо подчеркнуть, что уже в конце XIX в. обозначился значительный потенциал развития пенсионной политики. Это стало возможным благодаря тому, что вступление в пенсионную кассу было сделано более доступным и отвечающим интересам обычных железнодорожников, а не ограниченной части «руководящей элиты». В 1895 г. 48,5 % рабочих и служащих Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги являлись членами её пенсионной кассы. Если учесть что социальная политика распространялась главным образом только на категорию постоянных работников железнодорожного транспорта, которых на Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге в рассматриваемом году насчитывалось 62,7 %, то приводимые цифры со всей наглядностью показывают реальное положение вещей в данном направлении.

Коренные сдвиги в сфере пенсионного обеспечения стали возможны после революционных событий 1905–1907 гг., когда железнодорожники ясно дали понять, что они не будут довольствоваться половинчатыми мерами в пенсионной политике. Руководство железнодорожного ведомства было вынуждено пойти на дальнейшие уступки. Разработка постоянного железнодорожного пенсионного законодательства началась в 1908 г. на основании положений, принятых в 1906 г., особой межведомственной комиссией, созданной при министерстве путей сообщения. Первоначальный проект новой пенсионной системы в 1910 г. был предложен на обсуждение Совета министров и принят 28 июня 1912 г. после окончательной доработки⁵.

Согласно принятым постановлениям основная тяжесть в формировании накопительной части пенсии ложилась на самих работников железнодорожного ведомства. Доля участия государства в пенсионном обеспечении его граждан составляла всего лишь 4,5 % (одна из самых низких в мире). Однако для России, в которой пенсионная система лишь делала первые шаги, это было очень прогрессивным шагом.

Во время Первой мировой войны правительство России оказалось перед необходимостью сглаживания недостатков в пенсионной системе государства, поскольку сложности военного времени усугубили напряжённую ситуацию с пенсионным обеспечением. Приказом министра путей сообщения от 4 октября 1916 г. с 1 января 1917 г. государственные денежные взносы в пенсионный фонд железнодорожников увеличились в 2 раза⁶.

Помимо этого учреждались пособия по безработице для тех кто потерял трудоспособность в результате несчастного случая. Однако принятые меры внедрялись несвоевременно они не могли кардинально повлиять на ситуацию сложившуюся в пенсионной сфере и снять социальную напряжённость.

На рубеже XIX–XX вв. кардинальные перемены коснулись и системы начального образования на железнодорожном транспорте. Первоначально приоритет при приёме на железную дорогу отдавался тем, кто уже имел образование, а профессиональные навыки накладывались на имеющуюся общеобразовательную базу. Однако со временем начала складываться система образовательных учреждений железнодорожного ведомства, которая имела своей основной целью подготовку квалифицированных кадров из среды самих железнодорожников.

В 1893 г. впервые возник вопрос о необходимости открытия школ на Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. В мае 1896 г. была открыта добровольная подписка на устройство первой школы на станции Няндомы, которая уже через два года после своего начала дала 7107 руб. 74 коп.⁷. Заинтересованность простых рабочих в сборе средств на строительство первых школ была обусловлена тем, что создаваемые учебные заведения изначально были ориентированы на «предоставление детям служащих возможности получать первоначальное образование»⁸.

Всего до начала первой русской революции на Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге было открыто 5 школ для детей железнодорожников. Все они вследствие нехватки мест и большого количества желающих учиться были переполнены и не могли вместить всех стремящихся получить образование.

Под напором революционной борьбы и требований рабочих сделать начальное образование одинаково доступным для детей всех железнодорожников руководство железнодорожного ведомства идёт на решительное переустройство системы начального образования. На железных дорогах России происходит унификация системы управления образовательной частью и её деятельности, за основу которой была взята организация работы земских учреждений. Все железнодорожные училища, расположенные на казённых железных дорогах переходят в ведение министерства народного просвещения. Это позволяет значительно увеличить финансирование системы образования.

13 января 1906 г. министром путей сообщения были изданы правила, на основании которых руководство учебными учреждениями на казённых железных дорогах возлагалось на особый Комитет образовательных учреждений при управлении каждой дороги и на Местные школьные попечительства⁹.

29 января 1907 г. начальником Северной железной дороги В.Н. Волковым был издан приказ о выборе служащими членов этого коми-

тета. Данный приказ заканчивался следующими словами: «Имея в виду, что министерством путей сообщения ассигновано в 1906 г. 70000 руб., обеспечившие в настоящее время расширение образовательных учреждений на дороге, и что вновь учреждаемому комитету выпадает на долю сложная, ответственная, но благородная работа по поднятию уровня грамотности и знания среди подрастающего поколения. Я глубоко убеждён, что служащие вверенной мне дороги отнесутся к предстоящим выборам с серьёзною осмотрительностью и вниманием, чтобы в состав комитета попали лица, действительно достойные общественного доверия, интересующиеся школьным делом и могущие оказать делу серьёзные услуги»¹⁰.

На полученные от правительства дотации на Северной железной дороге за 1906–1907 гг. было открыто 11 новых школ, а общее число учащихся достигло 1807 человек (в 1905 г. в них обучалось всего 789 детей)¹¹. Однако в системе организации учебной частью продолжали оставаться серьёзные недостатки. Подводя промежуточный итог развитию системы образования, Комитет образовательных учреждений в 1908 г. вынес следующую резолюцию: «Нельзя признать, чтобы школьное дело на Северных железных дорогах было поставлено в уровень тех требований, которые предлагает жизнь, не говоря уже о том, что... ещё до 3000 детей школьного возраста не имеют возможности, за отсутствием вблизи школ, получать даже первоначальное образование, а многие из существующих школ... уже не в состоянии удовлетворить всех желающих поступить и... многим приходится отказывать»¹².

В подобных условиях появлялись первые смелые попытки введения всеобщего начального образования в полосе отчуждения Северной железной дороги. Однако они были категорично отклонены руководством железнодорожного ведомства. Взамен этого, им была предложена следующая альтернатива. Приказом начальника дороги от 11 августа 1908 г. была установлена новая прогрессивная ставка оплаты за обучение в подчинённых ему начальных училищах¹³.

За один год обучения первого ребёнка в одноклассном училище или в первом классе двухклассного училища со служащего взимался 1% от его годового содержания, за второго ребёнка – 0,5%, третьего – 0,25%, все остальные дети имели право на бесплатное обучение¹⁴. Если родители желали чтобы их дети продолжили получать образование во втором классе, то им уже приходилось платить в два раза больше, с сохранением существующей процентной градацией и правом на бесплатное обучение четвёртого и последующих детей¹⁵. Эти льготы распространялись и на родственников служащих, живущих у них и находящихся на их содержании¹⁶.

В 1913 г. на Северной железной дороге имелось 18 начальных училищ: 3 в Ярославле, 2 в Вологде, по одному в Москве, Александрове, Иванове, Кинешме, Нерехте, Няндоме, Исакогорке, Буге, Шарье, Череповце, Бабаеве и Званке¹⁷. В них обучалось 2355 учеников (515 в одноклассных,

1840 в двухклассных)¹⁸. Помимо этого в системе образовательных учреждений функционировали 3 общества вспомоществования нуждающимся учащимся и 8 общежитий, рассчитанных на 147 мест.

Таким образом, в начале XX в. на Северной железной дороге была создана разветвлённая сеть учебных заведений, однако она не могла в полном объёме удовлетворять постоянно растущим потребностям. Решать эту проблему пришлось в условиях военного времени. В 1915 г., вторично был поставлен вопрос о введении всеобщего, бесплатного обучения в полосе отчуждения Северной железной дороги, но война не позволила воплотить данное предложение в жизнь¹⁹.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, руководство Северной железной дороги было вынуждено пойти на открытие параллельных отделений, путём расширения существующих школ нанимая для этого помещения, которые были мало приспособлены к учебной деятельности. Принятые меры позволили увеличить общее число учащихся, по сравнению с предыдущим учебным годом, так на 1 января 1916 г. количество школьников выросло на 359 человек (15 %) и составило 2863 человека. Однако в противовес этому резко ухудшились условия обучения и качество образовательного процесса. При этом более 5000 детей школьного возраста, проживающие в полосе отчуждения железной дороги, не имели возможности получать даже начальное образование.

Сильным толчком к дальнейшему развитию системы здравоохранения на Московско-Ярославской железной дороге послужило сооружение Архангельской линии. Наряду с бараками для жилья, церквями, магазинами и лавками для продажи продуктов правлением Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги были организованы и 17 приёмных покоев рассчитанных на 150–200 мест, в которых первоначально работало 9 врачей, 21 фельдшер и 13 студентов медиков. Все медицинские заведения проектировались как временные. Однако после окончания строительных работ они продолжили своё существование. Руководство Северной железной дороги, опасаясь новых выступлений рабочих, не смогло отказаться от подобного нововведения.

«Устройство этих, так сказать, культурных центров, имеющих пока лишь временный характер, произвело уже теперь на столько оживляющее влияние на всю ближайшую окрестность, – отметил А.Д. Полёнов, – что общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги решило обратить их в постоянные учреждения, функционирующие и по окончании постройки дороги»²⁰.

В начале XX в. значительно возросли расходы на медицинское обслуживание. Ежегодные вливания в сферу здравоохранения достигли отметки в 50–70 тыс. руб.²¹. Однако вплоть до 1909 г. медицинская служба Северной железной дороги не располагала «достаточными средствами для оказания медицинской помощи пострадавшим при крушениях».

Весомым минусом сферы медицинского обслуживания продолжал оставаться недостаток медицинского персонала. Нехватка персонала ощущалась по всем специальностям. В связи с этим неоднократно приходилось обращаться за помощью к врачам других ведомств, которые в качестве вознаграждения за твой нелёгкий труд получали от железнодорожного ведомства только бесплатные годовые проездные билеты. На временной основе на Северной железной дороге работали специалисты следующего профиля: окулист, зубной врач, психолог, невропатолог, хирург, гинеколог, педиатр, венеролог и кожник.

Для оказания неотложной медицинской помощи в распоряжении Северной железной дороги в начале XX в. имелось 7 больниц (на ст. Сергиев Посад, Вологда, Шарья, Няндомы, Тихвин, Иваново, Исакогорка), 20 фельдшерских пунктов и 21 приёмный покой²². Их содержание находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. Многим больницам и приёмным pokojам требовался капитальный ремонт.

О темпах развития здравоохранения на рассматриваемой железной дороге ярко свидетельствует рост финансирования медицинских учреждений. В 1910 г. бюджет врачебной службы Северной железной дороги составил 358926 руб. 31 коп., в 1913 г. – 436910 руб., в 1915 г. – 573239 руб. 35 коп., а в 1917 г. – 1101931 руб. 81 коп. Начался ремонт уже имеющихся учреждений медицинского обслуживания и строительство новых.

В период с 1909 по 1913 гг. общее количество больничных коек удалось довести до 246, их всё же катастрофически не хватало. На 1 место в больнице приходилось 612 служащих и рабочих Северной железной дороги, а имеющиеся ресурсы использовались крайне неравномерно. В подобных условиях медицинские учреждения не могли в полном объёме справиться с общим ростом заболеваемости. В 1911 г. на Северной железной дороге было зарегистрировано 173610 случаев требующих оказания медицинской помощи, в 1912 г. – 184442, в 1913 г. – 205884²³. В результате значительную часть больных помещали в медицинские учреждения других ведомств.

Продолжала сохраняться и «крайне нежелательная и весьма вредная для дела неустойчивость медицинского персонала вследствие недостаточного вознаграждения за труд, особенно дающего о себе знать в виду особых условий, в которых приходилось работать означенному персоналу. Ввиду этих условий, а равно и невозможности персоналу врачебной части... периодически освежать свои... познания путём научных командировок, врачебная служба испытывала большие затруднения»²⁴.

Таким образом, темпы развития железнодорожной медицины сильно отставали от требований предъявляемых временем. Несмотря на успехи своего развития, железнодорожная медицина не всегда могла в полной мере обеспечить потребности работников. Катастрофически не хватало боль-

ничных коек, продолжала сохраняться нестабильность медицинского персонала и недостаток финансирования.

На основании материалов изложенных в данной статье можно выделить основные этапы и направления развития социальной политики на Северной железной дороге. Особенность формирования социальных институтов на рассматриваемой магистрали заключалась в том, что они появились в период, когда железной дорогой управляли представители частного капитала, а окончательно оформились после её перехода в ведение государства. С самого начала социальная сфера развивалась по разным направлениям, охватывающим здравоохранение, образование и пенсионное обеспечение и варьировалась с течением времени. Первоначально социальная политика полностью основывалась на благотворительности. Подобное положение имело место вплоть до первой российской революции. После огосударствления Северной железной дороги характер социальной деятельности изменился. Она приняла более упорядоченный и системный вид. За основу её работы были взяты методы и принципы, выработанные в области социальной политики земскими учреждениями. Значительно увеличилось финансирование социальной сферы, появились устойчивые источники финансирования, но денежных средств, выделяемых на содержание учреждений социального профиля, по-прежнему было недостаточно.

¹ См.: История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 1: 1837 – 1917 гг. – СПб., 1997. – С. 304.

² См.: Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф.287. Оп.1. Д.1. Л. 1–239; Д. 2. Л. 1–250 и др.

³ См.: Энциклопедия железнодорожных знаний. – 1904. – № 2. – С. 58.

⁴ См.: Отчёт пенсионной кассы для служащих Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги за 1893-1894 годы. – М., 1896. – С. 87.

⁵ См.: Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 154. Оп.1. Д. 26. Л. 21.

⁶ См.: ГАЯО. Ф. 1539. Оп.1. Д. 38. Л. 56.

⁷ См.: Отчёт по эксплуатации Северных железных дорог за 1914 г. – М., 1915. – С. 19.

⁸ ЦИАМ. Ф. 287. Оп. 4. Д. 10. Л. 2

⁹ См.: ГАЯО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

¹⁰ См.: Отчёт по эксплуатации Северных железных дорог за 1914 г. – М., 1915. – С. 19.

¹¹ См.: Там же.

¹² ЦИАМ. Ф. 287. Оп.4. Д.10. Л.2–3.

¹³ См.: ГАЯО. Ф. 154. Оп.1. Д.17. Л. 44.

¹⁴ См.: ГАЯО. Ф.154. Оп.1. Д.18. Л.245.

¹⁵ См.: Сборник приказов и циркуляров начальника Северных железных дорог за 1909 г. – М., 1910. – С. 464.

¹⁶ См.: ГАЯО. Ф.908. Оп.1. Д.1. Л.105.

¹⁷ См.: ГАЯО. Ф.154. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

¹⁸ См.: ГАЯО. Ф. 1539. Оп.1. Д.47. Л.207.

¹⁹ См.: ГАЯО. Ф. 1539. Оп.1. Д.47. Л. 208.

²⁰ Поленов А.Д. XX отдел Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. Крайний Север – частный павильон Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. – М., 1896. – С. 56.

²¹ См.: Гудкова О.В. Строительство Северной железной дороги и её роль в развитии северного региона. (1858-1917 гг.). – Вологда, 2002. – С. 78.

²² См.: ГАЯО. Ф.154. Оп.1. Д.55. Л.10.

²³ См.: ГАЯО. Ф.154. Оп.1. Д.53. Л.22.

²⁴ Отчёт по эксплуатации Северных железных дорог за 1909 г. – М. 1910. – С. 32.

Массовые рабочие организации Верхнего Поволжья на страницах периодической печати 1905 – 1907 гг.

В годы первой российской революции 1905 – 1907 гг. в общественно-политическую жизнь включились действительно широкие слои населения, и были впервые созданы разного рода массовые организации, некоторые из которых действуют и в наши дни. Новыми формами протестного движения рабочих и их борьбы за свои права стали Депутатские собрания, Союзы рабочих депутатов, стачечные комитеты и другие организации. Одновременно в годы революции произошло заметное расширение политического спектра отечественной периодической печати¹. Это делает её ценным историческим источником для изучения рассматриваемого периода. В разные времена пресса не только информирует, но и формирует общественное мнение, зачастую активно проводит свою политическую линию. Острота современной ситуации, кризис в экономике и духовной сфере жизни общества, возникновение новых общественных организаций и политических движений делают актуальным обращение к данным проблемам.

Территориальные рамки исследования включили верхневолжские губернии – Владимирскую, Костромскую, Ярославскую. Данный регион исторически сложился на севере Центрального промышленного района России (ЦПР). В его городских и сельских центрах сосредотачивалось крупное промышленное производство. В 1905 г. только под надзором фабричной инспекции в трех губерниях находилось около 250 тыс. рабочих², и большую часть из них составляли текстильщики. Не случайно нелегальные и легальные периодические издания левого направления в 1905 – 1907 гг. уделяли пристальное внимание Верхне-Волжскому региону.

К исследованию было привлечено 146 столичных (Санкт-Петербург, Москва) и зарубежных периодических изданий левых партий: 77 социал-демократических и 30 профсоюзных изданий, 39 газет и журналов неонароднических партий и трудовиков (всего 2671 номер). Целью было выявление региональных материалов о деятельности непартийных рабочих организаций в годы революции.

Было установлено, что на страницах центральной периодики левого направления были отмечены Депутатские собрания в Иваново-Вознесенске и Костроме, действовавшие летом 1905 г., Костромской Совет рабочих депутатов и Собрание рабочих депутатов в Ярославле (ноябрь 1905 г.), а также «хлебная комиссия» Кинешмы (февраль 1907 г.).

¹ © В.М.Марасанова

В нелегальной печати РСДРП освещалась деятельность Депутатского собрания в Иваново-Вознесенске (май-июль 1905 г.), получившая подробную разработку в исторической литературе советского периода и весьма редко привлекающая внимание современных авторов³. Работа Ю.А. Якобсона в определенной степени подвела итоги изучения материалов печати в этом направлении⁴. Первое известие, сообщавшее об избрании Депутатского собрания, появилось в «Пролетарии» 13 июня 1905 г., в дальнейшем газета неоднократно печатала корреспонденции из Иваново-Вознесенска⁵. МК РСДРП направил в Иваново-Вознесенск своих агитаторов и «летучую» типографию, поэтому всегда располагал своевременной и полной информацией о протестном движении ивановских рабочих. Последнее сообщение социал-демократической печати относилось к заседанию Депутатского собрания 5 июля. Оно появилось в «Пролетарии» только 1 сентября 1905 г. О последних днях стачки социал-демократические газеты уже не писали.

В Костроме первое Депутатское собрание (108 членов) было создано в период 24-дневной общегородской стачки в июле 1905 года⁶. Особенно важны публикации в «Пролетарии», которые давно введены в научный оборот и опубликованы в различных сборниках⁷. Корреспонденты «Пролетария» (Н.Д. Мордкович и др.) сообщали редакции о стачках, общих собраниях и массовках.

В легальной социал-демократической газете «Новая жизнь» 27 ноября 1905 г. была помещена единственная корреспонденция из Костромы о первом заседании общегородского Совета, проходившем 20 ноября. Эта информация не дублируется другими источниками, в том числе «Известиями Совета рабочих депутатов города Костромы»⁸. Именно эта организация в Верхнем Поволжье была впервые названа Советом. В него вошли 135 рабочих, и 5 из них были избраны в исполнительную комиссию. Разработанные комиссией проекты Устава Совета и стачечной кассы были опубликованы 22 ноября в «Известиях Совета».

В Ярославле в период 52-дневной стачки на Ярославской Большой мануфактуре (ЯБМ), проходившей с 15 ноября 1905 г. по 7 января 1906 г., было избрано «Собрание рабочих депутатов». Оно распространило свое влияние на весь фабричный район, в котором проживало около 20 тыс. человек. Из них на фабрике Карзинкиных работали более 9 тыс. человек. Е.М. Ярославский писал в «Новую жизнь» из Ярославля, что это Собрание находилось под влиянием местного комитета РСДРП⁹.

Еще одной влиятельной рабочей организацией стала «хлебная комиссия» Кинешмы, действовавшая в феврале 1907 года. Об этих событиях рассказывали подробная корреспонденция в большевистской газете «Пролетарий», выходившей в Выборге, а также статья М. Новоселова «Новое бедствие» в московском журнале «Профессионал» от 11 апреля 1907 года. Данные публикации дают достаточно полное представление о деятельно-

сти комиссии с 14 до 20 февраля: о выборах (по 5 делегатов с каждой фабрики) и о борьбе за снижение цен на муку. Даже приехавший в Кинешму 19 февраля костромской губернатор А.П. Веретенников был вынужден признать комиссию и вести с ней переговоры. По сообщениям прессы, председателем комиссии из 25 человек был «социал-демократ Павел», и ему подчинялись даже уездный исправник и его помощник. Данные об этой организации отсутствуют в других источниках.

Весьма значительный объем информации был выявлен на страницах печати о первых профессиональных союзах Верхнего Поволжья. Их возникновение началось в октябре 1905 г., а активизация пришлась на период отступления первой российской революции после официального разрешения деятельности союзов в марте 1906 года¹⁰. Легализация содействовала расширению сети профсоюзных периодических изданий, в которых отложились разнообразные, в большинстве случаев не дублировавшиеся другими источниками, сведения о начальном этапе профсоюзного движения в России.

Проведенное исследование периодической печати позволило выявить 67 публикаций о профессиональных союзах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, в том числе 48 публикаций в профсоюзных изданиях и 19 – в социал-демократических. Характер публикаций в двух типах периодики был различным. Профсоюзные издания более подробно показывали работу союзов в провинции, помещали представленные делегатами отчеты. Партийные органы обычно лишь кратко упоминали о создании или существовании профсоюзов в корреспонденциях, связанных с рабочим движением и социал-демократической работой на местах.

17 из 67 учтенных публикаций рассматривали профсоюзное движение текстильщиков, металлистов, портных по ЦПР в целом. Остальные 50 сообщений были связаны с деятельностью этих и других союзов в конкретных городах. Больше всего материалов выявлено по Владимирской губернии – 33; по Костромской – 12, по Ярославской – 5. Такое распределение публикаций соответствовало наличию и численности профсоюзов в губерниях. За годы революции. По данным И.С. Розенталя, во Владимирской губернии было создано 36, в Костромской – 25, а в Ярославской – 12 союзов (всего по трем губерниям – 73)¹¹.

В дополнение к данным И.С. Розенталя в московских большевистских газетах «Борьба» и «Вперед» за декабрь 1905 г. удалось выявить сведения о том, что в Ярославле действовали союзы столяров, кондитеров, часовщиков, а в Костроме – союз рабочих по обработке металлов¹². Таким образом, по материалам печати в дополнение к известным ранее были учтены еще 4 профессиональных союза рабочих региона.

Изучение периодической печати позволило найти данные о 10 союзах служащих: приказчиков – 4 союза во Владимире, Костроме, Рыбинске, Ярославле; земских служащих – 2 союза во Владимире и Костроме; слу-

жащих гостиниц и ресторанов – 2 союза в Костроме и Ярославле; служащих ЯБМ («служащие хотели сначала примкнуть к союзу рабочих, но теперь решили организоваться отдельно»); фармацевтов – в Костроме¹³. Отметим, что по сообщению собственного корреспондента петербургской газеты «Светоч» от 24 мая 1906 г. (№ 11), на организационном собрании фармацевтов была вынесена резолюция о политическом положении: «Россия превратилась в страну виселиц и расстрелов. Власть должна перейти в руки народа. Мы требуем Учредительного собрания, гарантий всех прав, контроля над чиновниками. Мы верим, что народ добивается для всех – воли, для крестьян – земли, для рабочих – 8-часового рабочего дня».

Наиболее подробной была информация периодической печати о профессиональных союзах текстильщиков (14 публикаций), металлистов (10), портных (16) и приказчиков (8). На страницах печати было отмечено 19 профсоюзов текстильщиков Верхнего Поволжья (известна численность 10 из них – 19979 человек), по 6 союзов металлистов и портных и 5 союзов приказчиков. Все данные о профессиональных союзах региона за 1905 г. дала большевистская печать, и это были краткие сведения об их создании. Поскольку большинство данных приходилось на период отступления революции, понятными являются частные сообщения прессы об отказах в регистрации Уставов союзов и трудностях в их работе¹⁴.

Все союзы текстильщиков Верхнего Поволжья были представлены на I областной конференции профсоюзов рабочих по обработке волокнистых веществ Центрального района России, проходившей в феврале 1907 г. в Москве. 10 из 16 делегатов конференции с решающим голосом приехали из городов и фабричных сел верхневолжских губерний – Иваново-Вознесенска, Костромы, Кинешмы, Орехово-Зуева, Кохмы, Тейкова, Середы, Родников. Конференция заслушала доклады о положении рабочих отрасли и отчеты о состоянии профессиональных союзов на местах. Делегаты приняли платформу экономической борьбы и резолюции, тексты которых полностью опубликовала социал-демократическая печать¹⁵. Профсоюзные издания, кроме этого, поместили и материалы о положении рабочих и работе профессиональных союзов, подготовленные делегатами¹⁶.

Начало организационному объединению металлистов ЦПР положила конференция союзов рабочих по металлу, также состоявшаяся в феврале 1907 г. в Москве. От Верхнего Поволжья её работе участвовали делегаты Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Киржача и Келлерово. Конференция обсудила борьбу с локаутами, правительственные законопроекты по рабочему вопросу и отношение к потребительским обществам. 26 из 29 делегатов конференции составляли члены РСДРП, в том числе 11 меньшевиков, 5 большевиков и 10 «внефракционных социал-демократов». Вследствие преобладания меньшевиков в итоговой резолюции конференции отмечалось, что профсоюзы представляют собой «внепартийные рабочие организации,

не связанные ни с какой партией. В профессиональных союзах не место полемике между партиями и фракциями»¹⁷.

Укреплению Московского союза портных содействовала I конференция рабочих по изготовлению одежды в апреле 1907 г. Заслушав доклады с мест, в том числе делегатов из Иваново-Вознесенска, Костромы, Орехово-Зуева, Владимира и Ярославля, конференция решила, что образовывать во всех городах самостоятельные союзы преждевременно. Согласно решению конференции союзы портных в ЦПР должны были по-прежнему действовать как отделения Московского¹⁸. Областные союзы обслуживали весь Московский район, оказывали при необходимости юридическую и медицинскую помощь рабочим, издавали и распространяли литературу, связывали союзы и готовили их к совместным выступлениям.

По оценке иваново-вознесенских корреспондентов, профсоюзной работе мешал «низкий культурный уровень и громадное количество женщин. К зиме наплыв из деревень, много безработных»¹⁹; «в союзе ситцепечатников, задавшемся целью облегчить тяжесть безработицы, зарегистрировалось желающих получать пособие 300 человек. Помочь всем нельзя, прием пожертвований запрещен, полицмейстер пригрозил председателю арестом за якобы недозволенные сборы»²⁰. На общем собрании 25 февраля 1907 г. в Костроме для привлечения женщин в профессиональный союз портных решили уменьшить для работниц наполовину вступительные и членские взносы (до 25 и 15 коп.)²¹.

В то же время по материалам печати видны и очевидные успехи местных профессиональных союзов. 4 апреля 1907 г. журнал «Профессионал» (№ 1) поместил корреспонденцию из Иваново-Вознесенска, где сообщалось следующее: «Управляющий Гарелинской фабрикой обратился к секретарю союза с вопросом: выработал ли союз свои расценки на все сорта ткани и пряжи. За две недели перед Пасхой должны быть вывешены новые расценки, и он сумел бы заранее просить хозяина об изменениях, желательных союзу. Союз ситцепечатников недавно выиграл стачку на Бурялинской фабрике из-за того, что заведующий отделением пригласил работницу идти с ним в баню». В том же номере было отмечено, что рабочие фабрики Михина в Костроме обратились в союз по обработке волокнистых веществ с просьбой о посредничестве в конфликте с администрацией. Союз признал, что начинать стачку преждевременно, и рабочие «оставили на союз» дальнейшее ведение переговоров, т.е. в условиях спада протестного движения в 1907 г. профсоюзы могли легальным образом содействовать улучшению положения рабочих и защите их прав.

Можно признать, что материалы периодической печати о профсоюзном движении были весьма разнообразны по содержанию, раскрывали успехи и трудности профсоюзной работы. Без их изучения нельзя получить достаточно полное представление о деятельности профессиональных союзов в годы революции.

На страницах центральной печати упоминались и другие рабочие организации верхневолжского региона. В частности, в сентябре 1906 г. на заводах Нечаева-Мальцева в Гусе Хрустальном по требованию рабочих был создан «Совет выборных». Вскоре он прекратил деятельность из-за неприятия его постановлений администрацией, но в ноябре 1906 г. был воссоздан. «Совет» действовал без Устава и правил и занимался такими вопросами как условия труда, фабричная лавка, библиотека²². Отсутствие других сведений об этой организации не позволило точно определить ей тип (профессиональный союз или что-то иное).

3 публикации сообщали о потребительских обществах, созданных на предприятиях Костромы, Орехово-Зуева, Кохмы и Гуся Хрустального²³. Наиболее подробно в печати был описан кооператив на заводе Т-ва Кольчугина на ст. Келлерово Владимирской губернии, возникший в начале 1907 г. и к весне уже насчитывавший 1 тыс. членов и 20 тыс. руб. оборотных средств²⁴.

В 6 публикациях освещалось создание и деятельность смешанных комиссий, создававшихся из представителей гласных городских дум, владельцев магазинов и торгово-промышленных служащих (приказчиков). Комиссии занимались вопросами урегулирования труда приказчиков в соответствии с законом от 15 ноября 1906 года. Сообщения прессы показывали трудности, с которыми приказчики сталкивались при формировании и в процессе работы смешанных комиссий²⁵.

Итак, центральная периодическая печать левого направления осветила деятельность различных рабочих организаций Верхнего Поволжья в 1905 – 1907 гг. В частности, использование прессы для изучения истории профсоюзного движения в регионе позволило полнее учесть существовавшие организации. Всего в печати удалось выявить сведения о 47 профсоюзах рабочих и служащих региона. Естественно, центральная периодическая печать не могла отразить всего многообразия форм и направлений деятельности рабочих организаций на местах, но её материалы существенно дополняют имеющиеся в других источниках сведения и, следовательно, являются важной составной частью источниковой базы изучения взаимоотношений властей, рабочих и предпринимателей в период первой российской революции.

¹ Валле-де-Барр Е.А. «Свобода» русской печати (После 17 октября 1905 г.). Самара, 1906; Минцлов С.Р. 14 месяцев «свободы печати». 17 октября 1905-1 января 1907 гг. Заметки библиографа // Былое. 1907. № 3(15). С. 123-134; Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912; Баевский Д. История рабочей печати в России: Пособие по истории РКП 1878-1907 г.г. М., 1923; Легальная социал-демократическая литература в России за 1906-1914 гг. (Библиография). М., 1924; Большевицкая печать в дооктябрьский период. М., 1959; Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702-1917 гг. Краткий очерк. М., 1971; Андронов С.А. Большевицкая печать в трех революциях. М., 1978; Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой российской революции. Л., 1981; Печать и рабочее движение в ЦПР в период империализма. Ярославль, 1988; Иерусалимский Ю.Ю. Революционная пресса ЦПР в период первой российской революции 1905-1907 гг. Ярославль, 1996; Бердова О.В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX-начала XX вв. Кострома, 2002; Иерусалимский Ю.Ю., Невиницын

Р.А. Становление либеральной печати Верхнего Поволжья и Севера России в конце XIX-начале XX в. (на материалах «Северного края»). Ярославль, 2008; и др.

² Варзар В.Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах в 1905 г. СПб., 1908. С. 103; Обзор Ярославской губернии за 1905 год. Ярославль, 1906. С. 4-6; и др.

³ Экземплярский П.М., Данилов А.Ф. Хроника рабочего движения в Иваново-Вознесенске // 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 303-328; Осинкин А.А. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов в 1905 г. // Вопросы истории КПСС. 1965. № 4. С.66-73; Шипулина А.В., Якобсон Ю.А. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 38-55; Первый Совет рабочих депутатов. 1905 год: Время, события, люди. М., 1985; Земства, Советы, муниципалитеты: исторический опыт и современность. Иваново, 2005; и др.

⁴ Якобсон Ю.А. В зеркале прессы. Нелегальная и легальная печать России о всеобщей стачке иваново-вознесенских рабочих летом 1905 г. Иваново, 1989.

⁵ Пролетарий. 1905. 20 июня. № 6; 3, 20 июля. № 9, 10; 9 авг. № 13; 1 сент. № 17.

⁶ Пролетарий. 1905. 27 июля. № 11; 16 авг. № 14; 1 сент. № 17; 11 окт. № 22.

⁷ Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии. Кострома, 1955. С. 103-104, 112-119; Заре навстречу: Костромской Совет в 1905 г. Ярославль, 1977. С. 28, 50-57; и др.

⁸ Известия Совета рабочих депутатов города Костромы. № 2-4 // Советская печать и литература о Советах. 1905 год. М. – Л., 1925. С. 151-158.

⁹ Новая жизнь. 1905. 30 нояб. № 25. Подробнее он осветил деятельность Собрания в воспоминаниях. См.: Ярославский Е.М. Странички воспоминаний (1905 год) // Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле. Ярославль, 1922. С. 31-49.

¹⁰ Розенталь И.С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской России // История СССР. 1984. № 1. С. 55-71; Саргсян Г.В. Школа классовой революционной борьбы: Профсоюзы российского пролетариата в революции 1905-1907 гг. М., 1985; и др.

¹¹ Профессиональные союзы рабочих России. 1905-февраль 1917 г.: Перечень организаций / Сост. И.С. Розенталь. М., 1985. Т. 1. С. 64-73, 138-143; Т. 2. С. 340-342.

¹² Вперед (Книжный рынок). 1905. 2 дек. № 1; Борьба. 1905. 6 дек. № 8.

¹³ Новая жизнь. 1905. 17, 27 нояб. № 15, 23; Вперед (Книжный рынок). 1905. 2 дек. № 1; Светоч. 1906. 24 мая. № 11; Вперед. 1906. 6 июня. № 10; Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; Профессиональный союз. 1906. 1 апр. № 14-15.

¹⁴ Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; 14 нояб. № 7; 1 дек. № 9; Листок союза рабочих портных, портних и скорняков. 1906. 2 дек. № 9; Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 23 марта. № 3.

¹⁵ Дело жизни. 1907. 14 февр. № 4; Наше эхо. 1907. 31 марта. № 6.

¹⁶ Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 28 февр. № 2; Профессиональный вестник. 1907. 10 марта. № 4-5.

¹⁷ Дело жизни. 1907. 14 февр. № 4.

¹⁸ Портной. 1907. 12 мая. № 2.

¹⁹ Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4.

²⁰ Рабочий союз. 1906. 14. нояб. № 7.

²¹ Листок союза рабочих портных, портних и скорняков. 1907. 10 марта. № 3-4.

²² Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; 9 дек. № 10.

²³ Рабочий союз. 1906. 9 дек. № 10; Дело жизни. 1907. 14 апр. № 15; Рабочий по металлу. 1907. 28 апр. № 13.

²⁴ Рабочий союз. 1906. 9 дек. № 10.

²⁵ Дело жизни. 1907. 4 апр. № 6; Жизнь приказчика. 1907. 6, 13, 20 янв. № 5-7; 10 февр. № 9; 10 марта. № 13.

Проблемы легализации профессиональных рабочих организаций в России начала XX века: власти, предприниматели и рабочие

Совсем недавно, в 2005 году, мы отмечали 100-летие российских профсоюзов – одновременно с вековым юбилеем первой русской революции 1905-1907 гг. Совпадение этих двух юбилеев вполне справедливо и закономерно. Массовое возникновение профсоюзов в России, их окончательное оформление, сначала явочным путём, а с марта

1906г. уже на вполне законных основаниях (согласно Временным правилам 1906 г.) было обязано прежде всего самим рабочим, начавшим революцию, в ходе которой и произошло окончательное становление, легализация профессиональных организаций людей труда.

Но российские профсоюзы и до 1905 года имели свою немалую предысторию, а сами рабочие и вообще трудящиеся огромной страны накопили к тому времени определённый организационный и вполне позитивный опыт, который не следует забывать и обязательно учитывать. Об этом предельно кратко, в тезисной форме.

В такой аграрной, крестьянской стране, какой была дореволюционная (до 1905 года)

Россия, даже на рубеже XIX – XX вв., фабрично-заводские рабочие в подавляющем большинстве имели деревенскую, крестьянскую генеалогию, сохраняли тесные связи, родственные и формально-юридические (приписаны были к своим сельским обществам), с деревней, в меньшей степени – с мелким производством, ремеслом. Но, приходя на заработки в город, в промышленные центры, включаясь в крупное машинное производство, вчерашние крестьяне и ремесленники приносили с собой богатый опыт сельской, общинной организации, цехового ремесла с их вековыми традициями коллективной, в разных формах, взаимопомощи. В городе, на промышленных предприятиях это проявлялось в земляческих структурах, выдвижении наиболее авторитетных рабочих для переговоров с администрацией, создании на фабриках и заводах разного рода организаций и касс взаимопомощи.

В настоящее время в нашем Санкт-Петербургском Институте истории РАН успешно разрабатываются проблемы рабочей самоорганизации и самоидентификации, с использованием опыта крестьянской общины и цеховой ремесленной организации. Этим много и плодотворно занимается Н.В. Михайлов. Подготовила содержательную кандидатскую диссертацию о легальных рабочих организациях взаимопомощи Петербурга на рубеже XIX-XX вв., включая крупнейшую в России начала 1900-х годов – руково-

¹ © С.И.Потолов, 2010

димое священником Г.А. Гапоном «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», волей судеб оказавшегося в эпицентре революционного взрыва в январе 1905 года, аспирантка И.М. Карусева.

С отменой в 1861 г. крепостного права в России была решена судьба и большого отряда рабочих казённых горных заводов Урала, которых государство ещё в XVIII веке наделило землёй, что служило серьёзным подспорьем при их феодальной зависимости и низких заработках. Положением 8 марта 1861 г. уральские мастерские после освобождения от крепостной зависимости и закрепления за ними их земельных участков, были объединены в особые горнозаводские товарищества, в значительной мере копирующие общинную организацию, с различными кассами взаимопомощи при каждом из заводов и рудников. Эти кассы выполняли целый комплекс услуг: они выплачивали пенсии, выдавали разного рода ссуды, в том числе на похороны своих членов, оплачивали время их болезней, а сами Товарищества иногда даже регулировали конфликты между рабочими и заводоуправлениями. Средства касс составляли 2-3 %-ные вычеты из жалованья рабочих, членов касс, а также выплаты заводоуправлений, главным образом из штрафных капиталов.

Опыт уральских заводов широко использовался на казённых предприятиях по всей России, на железных дорогах, также большей частью в пореформенные десятилетия-казённых. А в конце XIX века разного рода кассы взаимопомощи, больничные кассы создавались и в быстро развивавшейся горной и горнозаводской промышленности Юга России, но уже в основном – на частных заводах, шахтах и рудниках.

Но и до 1861 г. кассы взаимопомощи в России существовали на западных национальных окраинах: в Царстве Польском, еврейских районах Западной Украины и Белоруссии, в Остзейском крае (в Прибалтике). Здесь кассы и общества взаимопомощи функционировали едва ли не с XVI века и заимствовали опыт организаций ремесленников и подмастерьев Западной Европы в эпоху цехового строя. Это и еврейские «хевры», которые начинались как объединения хозяев и рабочих, а впоследствии, по мере усиления классового антагонизма, превратились в сугубо рабочие организации взаимопомощи, на базе которых к концу XIX века сложился «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), вошедший затем в состав РСДРП.

А в Польше и Прибалтике, особенно на предприятиях горнозаводской промышленности, ещё с начала XIX века действовали десятки касс и обществ взаимопомощи, выдававших пособия своим членам при болезнях, безработице, похоронах и т.п., заимствуя в своей деятельности опыт западноевропейских стран, а в Польше, руководствуясь нормами гражданского кодекса (май 1808 г.) Наполеона I.¹

В меньшей степени чем на западных национальных окраинах и Урале, кассы взаимопомощи фабрично-заводских рабочих до 1905 г. были

распространены в Европейской России, главным образом в её центральной части (Москва и прилегающие к ней промышленные, преимущественно-текстильные, губернии) и в Северо-Западном регионе (Петербург, Финляндия). По подсчётам Г.Ф. Тигранова в его докладе на всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г. в Нижнем-Новгороде, в середине 1890-х гг. в фабрично-заводской промышленности Европейской России действовали всего 195 разного рода обществ и касс взаимопомощи (пенсионных, ссудосберегательных, больничных), теперь уже в своём большинстве (173 из 195) – на частных предприятиях, а территориально – преимущественно (65 %) в Великом княжестве Финляндском (127 из 195).²

Последнее, очень примечательно. Финляндия, которая вошла в состав Российской империи 200 лет назад – в 1809 г. (после победы России над Швецией), обладала весьма значительной автономией. К началу XX века 100-тысячный финский пролетариат имел свои легально действовавшие профсоюзы, был представлен в парламенте (сейме), создал в 1899 г. собственную легальную Рабочую партию, принявшую социал-демократическую программу. Финляндские профсоюзы (в 1899г. их было 64 с 9466 членами, в том числе 1009-женщины) входили в состав Рабочей партии в качестве ассоциированных членов. Всё это объясняет большое количество активно действовавших рабочих организаций и касс взаимопомощи, всё то, что русским рабочим ещё предстояло завоевать революционным путём.³

И, наконец, определённую организующую роль сыграли рабочие потребительские общества, кооперативы, несмотря на их очевидную зависимость от предпринимателей и властей. Всего, по подсчётам исследовавшего их деятельность К.Е. Балдина, к 1905 г. в Европейской России функционировало 491 такое общество.⁴

Таким образом, до 1905 г. в России сложилась целая сеть вспомогательных рабочих организаций, различного рода обществ и касс взаимопомощи, легально, на основе официально утверждённых уставов, действовавших и в определённой степени выполнявших профсоюзные функции. Однако в условиях самодержавного политического режима в России рабочим приходилось в упорной стачечной и революционной борьбе утверждать свои права на создание полноценных профсоюзов, отстаивающих экономические и отчасти политические интересы своих членов в борьбе с работодателями и властями. При уголовном преследовании до 1905 г. участников рабочего движения и соответственно запрете на стачечные кассы и другие формы пролетарской борьбы,⁵ разумеется, ни о какой свободе деятельности подлинных профессиональных организаций говорить не приходится.

Но антизабастовочная, антирабочая политика царизма на рубеже XIX-XX вв., равно как и поощрявшиеся правительством и местными властями меры казённого попечения о рабочих и предпринимательский па-

тернализм, наконец попытки создать подконтрольные полиции рабочие организации, пресловутая зубатовщина не принесли их творцам желаемого эффекта, и новый подъём рабочего движения в России в начале XX века, всё больше приобретающего политический характер, был очевидным показателем неудачи всего охранительно-попечительного курса, политики репрессий. В обстановке острых разногласий и дискуссий в правительственном лагере, в поисках новых методов решения рабочего вопроса⁶ Министерство финансов во главе с С.Ю. Витте выступает в начале 1902 г. с собственным проектом отмены уголовного преследования участников экономических стачек, их легализации, разрешения рабочим свободно организовывать разного рода кассы, общества взаимопомощи, потребительские и культурно-образовательные организации, беспрепятственно проводить на заводах и фабриках собрания для обсуждения своих нужд, избирать на них выборных представителей для сношений с администрацией на предприятиях и фабричными инспекторами.

Подобные предложения содержались в специальной записке «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи», представленной Особому междуведомственному совещанию по рабочему вопросу министров внутренних дел, финансов, юстиции, земледелия и государственных имуществ, с участием московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, состоявшегося 9 марта 1902 г.

В этом весьма просторном документе (44 страницы, с приложениями, печатного текста) содержался обзор важнейших мероприятий правительства в рабочем вопросе, начиная с 80-х годов XIX века, сопоставлялись русское фабричное законодательство и существовавшая тогда юридическая практика с соответствующими нормами трудового права в Западной Европе. Главным аргументом Записки в пользу отмены карательных статей русского уголовного права, направленных против участников мирных, не сопровождавшихся «насилием» и «беспорядками» (за это наказания сохранялись) экономических забастовок, а также ограничивавших свободу собраний и выборных рабочих организаций, защищающих права своих членов, была их совершенно отчётливо выявившаяся к этому времени нежизненность, неспособность предотвратить широкое развитие рабочего движения в России, а также порождаемое репрессиями властей враждебное отношение рабочих не только к своим хозяевам-промышленникам, но и к правительству и местным властям. «Исключительность положения фабрично-заводских рабочих вследствие особого отношения к ним закона и высших правительственных властей,- подчёркивалось в Записке, – нередко создаёт на практике такие условия, благодаря которым рабочие чувствуют себя обиженными несправедливым, по их убеждению, отношением и иногда даже озлобляются... Характер современного отношения закона и пра-

вительственных властей к забастовкам и к нарушениям договоров о найме на фабриках и заводах составляет одно из самых больных мест промышленной жизни страны и требует возможно быстрого оздоровления, которое следовало бы начать с исправления действующего закона в тех его частях, которые имеют отношение к забастовкам, стачкам и вообще к самовольным расторжениям договоров о найме».

Записка содержала недвусмысленное порицание всей системы полицейских репрессий на основе циркуляров Министерства внутренних дел, а также созданных в обход действовавших законов зубатовских рабочих организаций в Москве, пытавшихся, минуя фабричную инспекцию, посредничать между рабочими и московскими фабрикантами. Собственно зубатовским союзам и были противопоставлены проектируемые Запиской весьма скромные формы рабочих организаций и представительства на фабриках и заводах в лице избираемых старост. В этом также нашло своё отражение давнее соперничество Министерства финансов с Министерством внутренних дел за влияние в «рабочем деле», а кроме того – недовольство промышленников, особенно московских, грубым вмешательством полицейских властей в их взаимоотношения с рабочими на предприятиях. «Досталось», впрочем, и подпольным, социал-демократическим и эсеровским рабочим кружкам, пользовавшимся немалой популярностью, прежде всего у рабочих активистов. «Будь у рабочих своя собственная, допущенная законом, а не прячущаяся по углам организация, едва ли деятельность означенных кружков имела бы какой-нибудь успех».⁷

Как известно, этот документ, именуемый иногда в литературе как Записка С.Ю. Витте о стачках, несмотря на свой сверхсекретный характер, вскоре же после своего появления оказался (как, впрочем, и многие другие аналогичные документы) за границей и там впервые был опубликован П.Б. Струве в 4-6 номерах редактируемого им либерального еженедельника «Освобождение», а затем трижды (в 1902-1903 гг.) перепечатывался и выходил (также за границей) отдельными изданиями.⁸ Явно переоценивая значение публикуемой Записки, считая её выражением государственного смысла, Струве утверждал, что по имеющимся у него сведениям первоначальный её вариант относится ещё к 1898 г. и вышел он из среды фабричной инспекции.⁹

В данном случае можно с достаточной долей уверенности считать источник этих сведений у Струве вполне надежным. Как нам удалось установить, основным автором Записки о стачках был А.С. Астафьев, служивший в 1901-1903 гг. окружным фабричным инспектором Московского округа,¹⁰ и это в значительной мере объясняет её откровенно антизубатовский характер, ибо, как известно, наиболее сильная оппозиция зубатовщине исходила из среды особенно сильно затронутых ею московских промышленников и инспекции Московского фабричного округа.

Примечательно, что именно Астафьев весной 1898 г. направлялся в качестве фабричного ревизора вместе с вице-директором Департамента торговли и мануфактур Н.П. Ланговым в Москву для урегулирования острого конфликта, вызванного откровенным вмешательством московской полиции в функции фабричной инспекции. Московскую полицию возглавлял тогда обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, ближайшим помощником и советчиком которого, как известно, был начальник местного охранного отделения С.В. Зубатов, и именно к этому времени относится самое начало зубатовских экспериментов в области «полицейского социализма», ознаменовавших ещё большее вмешательство полиции в фабричные дела, получивших в этом поддержку не только со стороны самого Трепова, но и всемогущего московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II. Не случайно поэтому, для окончательной ликвидации указанного конфликта потребовался не только дополнительный приезд в Москву товарища министра финансов В.Н. Коковцова, но и созыв в июле 1898 г. специального междуведомственного совещания под председательством обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, прежде чем удалось достигнуть компромиссного решения о разграничении обязанностей в обеспечении «порядка» на фабриках и заводах между полицией и фабричной инспекцией.¹¹

На совещании Победоносцевым, в частности, было отмечено, что он «обратил внимание на некоторые факты из деятельности московской полиции, обнаруженные донесением фабричного ревизора Астафьева и подтверждённые объяснением московского обер-полицмейстера, которые свидетельствуют о том, что полиция в некоторых случаях исполняла функции фабричной инспекции».¹² Не исключена поэтому возможность, что именно в результате московской ревизии Астафьева им были представлены тогда же руководству Министерства финансов какие-то предложения по поводу легализации экономических стачек и рабочих организаций. В тех условиях это был, в сущности, единственный способ избавиться от чрезмерной опеки и вмешательства Министерства внутренних дел и полиции в фабрично-заводские дела. И опять-таки совсем не случайно Записка о стачках, как и ряд других наиболее либеральных проектов в области фабрично-заводского законодательства, родилась в среде фабричных инспекторов-практиков.¹³ Они лучше других знали трудные условия труда и повседневной жизни рабочих на предприятиях и особые неудобства испытывали именно в силу своего двусмысленного положения, когда действующие законоположения и циркуляры МВД превращали их по сути в придаток полицейской машины, в своего рода фабричных урядников.¹⁴

Что же касается самого Витте, он к началу 1900-х годов, если судить по его выступлениям на различных совещаниях и циркулярам Министерства финансов, ещё окончательно не отрешился от прежних своих, имевших славянофильскую подкладку традиционных представлений о патри-

архальности отношений между рабочими и предпринимателями и о подстрекательской роли «социалистов» и «анархистов» как основной причине возникновения наиболее крупных забастовок в стране. Отнюдь не отрицая наличие в России рабочего класса, всякий раз подчёркивая необходимость решения «рабочего вопроса», Витте всегда отдавал предпочтение своевременной разработке и проведению «попечительных» фабричных законов как главному средству предупреждения массовых забастовочных выступлений рабочих, иными словами стоял на перепутье от попечительно-охранительной к буржуазной политике в рабочем вопросе.¹⁵ Это в конечном счёте сказалось и на судьбе предлагавшихся Астафьевым мер.

Его Записка в числе других предложений и проектов по рабочему вопросу фигурировала на вышеупомянутом Особом совещании 9 марта 1902 г., которое приняло компромиссное решение, высказавшись за «необходимость как скорейшего поступательного развития фабричного законодательства, регулирующего условия быта рабочего населения и правительственного за ним надзора, так равно и принятия, в пределах действующего закона, соответственных мер административного характера, направленных к устранению тех из этих условий, которые открывают возможность накопления в массах рабочего населения более или менее основательных поводов для недовольства...». Эти рекомендации были утверждены царём 14 марта 1902 г.¹⁶

Дальнейшая разработка фабричного законодательства была поручена Министерству финансов, для чего при нём была создана специальная комиссия, которую возглавлял сначала товарищ министра финансов В.И. Ковалевский, а после его отставки сменивший его на этом посту князь А.Д. Оболенский. Комиссия эта работала год, с 3 июля 1902 г. по 16 июля 1903 г., однако основной вопрос о легализации экономических стачек даже не обсуждался.

Не лучшей оказалась и судьба законодательства о рабочих организациях. Этот вопрос специально обсуждался на заседаниях Комиссии 6 февраля и 5-6 марта 1903 г. Открывая её работу, председательствующий А.Д. Оболенский обозначил три основных типа организаций, подлежащих обсуждению: «К первой группе должно отнести организации отдельных фабрик в целях охранения порядка и во избежание необходимости при возникновении волнений или неудовольствий рабочих иметь дело с толпой; такие организации были намечены Министерством финансов в форме учреждений особых выборных старост. Далее, по второй группе могут быть отнесены организации рабочих также отдельных фабрик в целях взаимопомощи для улучшения быта, как то: больничные кассы, общества разумных развлечений и т.п. Наконец, третью группу составят профессиональные или классовые организации-союзы рабочих, состав которых стоит вне зависимости от группировки рабочих по отдельным промышленным заведениям; на необходимость ныне же разрешить вопрос о степени до-

пустимости организаций этой третьей группы, указывают некоторые явления в жизни рабочих, имевших место в последнее время в С.-Петербурге и особенно в Москве».¹⁷

С самого начала выявились разногласия между членами Комиссии и руководством Министерства финансов. Если председатель (Оболенский) и новый глава Департамента полиции А.А. Лопухин были готовы рассматривать все три предложенные формы организаций, причём особо отмечалась важность самой сложной, союзной формы – профсоюзов, то С.Ю. Витте поддержал выдвинутые ещё весной 1901 г., после петербургских стачек (Обуховская оборона), руководством МВД и в частности товарищем министра и шефом жандармов П.Д. Святополком-Мирским предложения об избрании рабочих старост для ведения переговоров с фабричной администрацией и городскими властями. На этот раз против института старост активно выступили петербургские промышленники (Записка председателя Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности С.П. Глезмера от 20 марта 1903 г.), обвинив правительство в том, что «фабричные рабочие в этих законопроектах искусственно изолируются в особый класс».¹⁸

В итоге в представленной Витте в Государственный совет подробной объяснительной записке от 14 марта 1903 г. к законопроекту Министерства финансов речь шла только о разрешении собраний рабочих и избрании на них, с согласия администрации предприятий, фабричной инспекции и губернских (городских) властей «старост и о порядке обсуждения рабочими данного промышленного заведения дел, возникающих на почве договора найма или касающихся быта упомянутых рабочих». При этом особо подчёркивалось, что «общий вопрос об организациях рабочих в целях улучшения их быта представляется весьма сложным и требующим крайней осмотрительности, в виду прямой его связи с вопросами охранения порядка и общественного спокойствия».

Отметив, что выработка более сложных законоположений об обществах и кассах взаимопомощи, профсоюзах «едва ли может быть окончена в скором времени»¹⁹, Витте явно лукавил: речь шла совсем о другом – опасениях Министерства финансов, что эти общества, в случае их утверждения, фактически узаконят зубатовские организации.

В конце концов законопроект о фабричных старостах благополучно миновал трёхдневные (2, 7 и 9 мая 1903г.) дебаты в соединённых департаментах Государственного совета, Общее собрание Госсовета 31 мая 1903 г., прежде чем получил окончательное утверждение Николаем II 10 июня 1903 г. как закон «Об учреждении старост в промышленных предприятиях». К чести А.Д. Оболенского, он в числе меньшинства (11 против 47) членов Госсовета голосовал за отклонение законопроекта, считая, что он должен был приниматься в комплексе других мер, касающихся «упорядочения разных сторон быта рабочих, и что проектируемый институт ста-

рост...должен быть поставлен не начальным, а заключительным пунктом правительственного воздействия на организацию рабочего класса».²⁰

В итоге многострадальный закон о фабричных старостах оказался мертворожденным. Из-за многочисленных ограничений и запретов он не был принят ни промышленниками, ни рабочими. Как свидетельствуют донесения губернаторов и фабричных инспекторов, в конце 1903-1904 г., число предприятий по всей России, где были избраны старосты, не превышало нескольких десятков.²¹

Таким же ограниченным оказался и другой, принятый также в июне 1903 г. (2.06), закон «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших нетрудоспособность вследствие несчастных случаев». Царское правительство отказалось от идеи государственного страхования, опять-таки в силу своего нежелания предоставлять рабочим, да и предпринимателям, права создавать свои специализированные, выборные организации, больничные кассы.

Новые фабричные законы начала 1900-х гг. сохраняли прежний, преимущественно попечительно-охранительный характер. А последовавшая вскоре после их принятия отставка, в августе 1903 г., С.Ю. Витте с поста министра финансов вообще прекратила дальнейшую разработку трудового законодательства. С отставкой Витте совпал и полный крах зубатовщины, в результате массового рабочего движения, летом 1903 г. на Юге России, в котором активное участие приняли рядовые члены зубатовских организаций. Сам С.В. Зубатов был не просто снят со всех официальных постов, но и выслан во Владимир под надзор полиции. Почти одновременная опала двух, несомненно, крупнейших фигур российского политического ландшафта была далеко не случайной: оба, кроме всего прочего, оказались причастными к заговору против Плеве, с целью его смещения.

Вскоре, в июле 1904 г, Плеве был убит эсеровскими боевиками. Его преемник П.Д. Святополк-Мирский пытался, в общем без особого успеха, осуществить некоторые либеральные реформы (т.н. «весна» Святополка-Мирского). Представляясь царю при своём назначении 25 августа 1904 г., он в числе вопросов, требующих решения, назвал и рабочий. Как записала в дневнике его жена, когда Святополк-Мирский сказал Николаю II, что «не следует преследовать за сходки рабочих, и т.д., то государь сказал, что, конечно, это так, но, кажется как-то странным. П. возразил, что это только кажется, что в Англии социальное движение совершенно не стесняется, а права собственности несравненно лучше охраняются, чем у нас. Государь тоже согласился».²² Единственно, что успел сделать по рабочему вопросу Святополк-Мирский: утвердить 25 октября 1904 типовые уставы разного рода обществ и касс взаимопомощи, тем самым узаконив в определённой степени их деятельность.

Все эти чиновничьи – бюрократические потуги, обычная предпринимательская индифферентность в рабочем вопросе, равно как и вообще

неспособность царизма осуществить коренные и давно назревшие социально-экономические и политические реформы в конечном счёте логически и вполне закономерно привели к первой русской революции 1905-1907 гг. Особенно показательным, что начало революции положили петербургские рабочие, участники поначалу вполне официальной гапоновской организации. И именно первая русская революция решила казалось бы неразрешимую проблему подлинной легализации рабочего движения и пролетарских организаций: профсоюзов, фабзавкомов на предприятиях, Советов рабочих депутатов, завершив процесс, начатый ещё в пореформенные годы. Впрочем, сама история самоорганизации и самоидентификации рабочего класса и его политических организаций оказалась непростой и нелёгкой и растянулась вплоть до свержения царизма в 1917 году. Но это уже другая тема.

¹Подробнее см.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. Гл. 2, 4; Святловский В.В. Профессиональное движение в России. СПб, 1907. Раздел II.

²Святловский В.В. Указ.соч. С. 51-52.

³Овчинникова А.Я. Революционная Россия и Финляндия. 1905-1907. С.29-30.

⁴Балдин К.Е. Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX-XX века. Иваново, 2006. С.69.

⁵См.: Потолов С.И. Самодержавие и законодательство о стачках на рубеже XIX-XX вв. (Из истории разработки основных норм трудового права // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков. Сборник статей памяти Валентина Семёновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьёва. СПб, 1999. С. 276-284. Материалы этой документальной публикации использованы в тексте настоящего сообщения, См. также: Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. М., 1980. Глава III.

⁶См.: Вовчик А.Ф. Политика царизма и буржуазии по рабочему вопросу в предреволюционный период. (1895-1904). Львов,1964. Гл.II; Лавёрычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972. Гл. 3.

⁷РГИА. Ф.23.Оп. 20. Д. 4. Л. 23,25.

⁸Основным из них было издание редакции «Освобождения» с предисловием П.Б. Струве, которое ещё дважды переиздавалось, в том числе Ю.О.Мартовым. См.: Материалы по рабочему вопросу. Выпуск первый. Русский закон и рабочий. Составленная в отделе промышленности Министерства финансов записка «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи». С предисловием П. Струве. Штуттгарт, 1902. 46 с.

⁹Освобождение. № 8. 2(15) октября 1902 г.

¹⁰В основном архивном деле 1905 г. делопроизводства Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия Отдела промышленности Министерства финансов (влившего с конца 1905 г. во вновь созданное Министерство торговли и промышленности), содержащем всю переписку по интересующему нас вопросу (РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 4), имеются две Записки о стачках: ранняя, более пространная, и её переработанный в 1905 г., несколько сокращённый вариант. Первая (Л. 16-37) помечена как «Записка А.С. Астафьева», вторая (Л. 1-15) – «Проект Варзара 7 февраля 1905». Первоначальная редакция Записки сохранилась и в фонде известного дипломата, публициста и историка официально-охранительного направления С.С. Татищева (1846-1906), который в 1898-1902 гг. служил агентом Министерства финансов в Лондоне и в этом качестве являлся ближайшим сотрудником С.Ю. Витте. В начале 1900-х годов Татищев был занят подготовкой заказанного ему специального «Обзора социально-революционного движения в России (1894-1905 гг.)». Для этой цели различные министерства и ведомства представляли ему свои материалы без каких-либо ограничений. В их числе и был типографский пространный экземпляр Записки о стачках, на первом, титульном листе которой имеются следующие пометы: «Записка 1901 г. составлена окружным фабричным инспектором Московского округа Астафьевым», «составлена до Записки Сипягина» (последняя была представлена Николаю II в декабре 1901 г.-С.П.) // РГИА. Ф. 878 (Татищевы). Оп. 1. Д. 36. Поскольку в печатный экземпляр Записки (изготовленный в типографии Мини-

стерства финансов В.Ф. Киршбаума) в качестве одного из приложений вошли сведения о рабочем движении за весь 1901 г., можно считать, что в полном своём виде этот документ был напечатан и представлен непосредственно к упоминавшемуся мартовскому (1902 г.) междуведомственному совещанию по рабочему вопросу.

¹¹ См.: Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 61-72; Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 77-81.

¹² Журнал совещания 15 июля 1898 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 696. Л. 14.

¹³ До перевода в Петербург на должность фабричного ревизора А.С. Астафьев в течение ряда лет был старшим фабричным инспектором Владимирской губернии.

¹⁴ Подробнее о деятельности фабричной инспекции см. недавно изданную специальную монографию А.Ю. Володина // Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России. 1882-1914 гг. М., 2009.

¹⁵ См.: Потолов С.И. С.Ю. Витте и рабочий вопрос в России на рубеже XIX-XX веков // С.Ю. Витте – выдающийся государственный деятель России. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения С.Ю. Витте. СПб, 1999. С. 91-95; Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906.

¹⁶ Журнал Особого совещания 9 марта 1902 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 696. Л. 17-18.

¹⁷ Журнал заседания Комиссии А.Д. Оболенского 6 февраля 1903 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 50. Л. 90.

¹⁸ ГАРФ. Ф. ДП.ОО. 1898. Д. 4. Ч. 22. Л. 193.

¹⁹ РГИА. Ф. 1153. Оп.1. Д.153. Л. 2-3,7.

²⁰ Там же. Л.49.

²¹ См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 1224.

²² Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. Запись 25 августа 1904 г. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 242.

А.М. Белов

Рабочие и самоопределение политических партий России в 1905 – 1907 гг.

Одним из проявлений революции 1905 – 1907 гг. в России стало зарождение многопартийности. В данной статье автор предпринимает попытку выявить в какой мере борьба рабочих России за свои права повлияла на поиск свой идентичности, политического самоопределения пяти основных партий России: социал – демократов, эсеров, кадетов, октябристов и черносотенцев.

События 9 января 1905 г. в С.-Петербурге непосредственным образом повлияли на основные революционные партии: социал-демократов, эсеров, а также на борьбу внутри РСДРП большевиков и меньшевиков в вопросе дальнейших тактических путей деятельности партии. Фактически первым, предложившим новую тактику совместных действий революционных и оппозиционных партий становится один из основателей и лидеров РСДРП Г.В. Плеханов, находившийся в этот момент на меньшевистских позициях. В статье «Врозь идти, вместе бить!», опубликованной «Искрой» (№87) 10 февраля 1905 г. в ответ на кровавую расправу правительства, Г.В. Плеханов призывал «к вооружённому сопротивлению всех мужественных людей российского государства, всех врагов самодержавия»¹. Выступая против немедленного социалистического переворота, Плеханов

¹ © А.М. Белов, 2010

считал, что победа восстания будет зависеть от поведения войска, а также от «сближения революционеров с обществом». С этой целью он предлагал всем партиям, выступившим против самодержавия «сблизится друг с другом и... между собой». Вооружённое восстание победит как восстание широкой массы или не победит ни когда, ни при каких предварительных условиях². Как указывают исследователи личности Г.В. Плеханова его выступлении сыграло важную роль в организации российского пролетариата на «вооружённую борьбу с самодержавием»³. Выступление Плеханова фактически озвучило идею общего фронта борьбы с самодержавием революционных и оппозиционных политических партий. Эти взгляды оказали воздействие не только на лидеров РСДРП, но и теоретиков других партий. Как известно вскоре в Лондоне, в апреле 1905 г., III съезд РСДРП, представленный большевиками, признал необходимым «организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путём вооружённого восстания», а партийным организациям предлагалось принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, выработке плана восстания и непосредственного руководства им, созданию вооружённых групп из партийных работников⁴. В тоже время состоявшаяся параллельно съезду большевиков конференция меньшевиков в Женеве видела защиту интересов рабочего класса в развитии демократизации и введении «где условия благоприятствовали» выборного начала» в систему местной организации, надеясь удовлетворить стремление к организации «на почве защиты своих политических и профессиональных интересов»⁵. Следовательно, в отличие от большевиков, меньшевики считали важным использовать революционное выступление пролетариата для демократизации партии, фактически отказывались от технической подготовки восстания.

Между тем рабочие России в это время не знали об этих резолюциях, предпочитая практические действия теоретическим рассуждениям. Да и развитие событий обгоняло реакцию на них эмигрантских изданий обеих частей РСДРП. «Искра», «Пролетарий» существуют на Марсе – иронизировали корреспонденты из России, – а перед «ежедневной печатью бледнеют... и заграничный орган и даже листки издаваемые в подпольных типографиях»⁶. Тревожным звонком было и то, что рабочие выступили против раскола РСДРП, не разбиравшиеся в сущности противоречий «большевиков» и «меньшевиков», но чувствовавшие, что партийные разногласия пагубным образом влияют на РСДРП. В этой ситуации определённые политические дивиденды извлекают эсеры.

Убийство социал-революционерами 4 февраля 1905 г. великого князя Сергея Александровича в Москве в глазах рабочих стало свидетельством, что партия на деле переходит к практическим действиям, к вооружённой борьбе. Последствием становится растущая популярность эсеров. По свидетельству эсеровской печати весной 1905 г. московская организация эсеров значительно пополнила свои ряды «рабочими не только не участво-

вавшими в каких-либо организациях, но и вообще мало развитыми...», не имевшими никакого представления о программах партии, но, по словам газеты носившие «в себе образ близкого восстания как факт, не пробуя даже разобраться, как оно осуществится»⁷. К эсерам от социал-демократов переходят и рабочие некоторых крупных организаций (Нижегородской, Ярославской губернии и др.). Это свидетельствовало о преобладании в сознании рабочих важности реальных практических мер, жажды мести. Следовательно, жажда мести за товарищей, погибших 9 января, превалировала в сознании этих рабочих над всеми другими стереотипами поведения. Организация ПСР ещё испытывает воздействие этих рабочих. И только осенью 1905 г. в период высшего подъёма революции, РСДРП, преодолев разобщённость, объединив организации большевиков и меньшевиков путём разнообразной реальной работы по организации рабочих организаций (Стачкомов, советов, боевых дружин и милиции, профсоюзов) удаётся вернуть и фактически возглавить стачечную и революционную борьбу рабочих.

В этой ситуации тактика и место РСДРП, находившаяся на революционных, крайне левых позициях в событиях октября – декабря, хорошо изучена⁸. Меньше изучена революционная деятельность либеральной буржуазии. Факты, между тем, показывают, что революционным настроениям в течение всего 1905 г. были охвачены представители либеральной интеллигенции и частично буржуазии. В советский период о революционной деятельности буржуазии было фактически невозможно говорить. Однако внимательный исследователь все же мог в примечаниях к многотомному сборнику документов прочитать информацию о деятельности стачечного комитета Москвы⁹, фактически, после ареста большевиков в начале октября осуществлявшем руководством движением в этом крупном центре России. Столь радикальные увлечения либеральной интеллигенции, а также изменившаяся после появления манифеста 17 октября обстановка несомненно подвигли руководство либералов к созданию собственной Конституционно – демократической партии. Тем не менее, деятельность Стачечного комитета Москвы продолжалась в ноябре 1905 г., что свидетельствовало о радикальной позиции части либералов и стремление возглавить движение. И только образование в Москве социал-демократами совета рабочих депутатов фактически подрывает деятельность Стачкама. Несомненно, что в противостоянии Стачкама и Совета, мнение за образование совета и выразило стремление революционеров организовать вокруг лозунга вооружённого восстания наиболее радикальные элементы городского населения и возглавить его.

Между тем, в конце 1905 г. сложный период наступил для только что созданной кадетской партии. Это объяснялось тем, что инерцию революционной борьбы, в которую втянулась партия, начиная с Всероссийской Октябрьской политической стачки, было трудно преодолеть, сохранив своих сторонников в центре и провинции. Поэтому, с одной стороны, ру-

ководство кадетов в связи с незавершённостью оформления партии не шло на публичный конфликт с революционерами и соглашалось публиковать некоторые, хотя и радикальные, но мирные призывы к борьбе с правительством («Финансовый манифест»). Однако воззвание Московского совета, принятое 6 декабря 1905 г. с призывом к всеобщей стачке и вооружённому восстанию, кадетская газета «Жизнь», выходящая в Москве, публиковать отказалась. В тоже время, отказав революционерам в публикации радикальных призывов, кадеты Москвы не выступили против политической забастовки. Проводя свои заседания вблизи мест постройки баррикад в Москве, большинство членов ЦК в ответ на предложение умеренного В.А. Маклакова, поддержать октябристов и выступить против забастовки отказались это сделать. Такая позиция мотивировалась тем, «что раз заявив сочувствие забастовке, мы не можем высказаться против неё...менять мнение под влиянием страха»¹⁰. Впрочем эксцессы и террор, который развязали революционеры очень многих отрезвил. В распространённых в декабре 1905 г. лекциях и агитационных материалах кадеты отвергли «вооружённое восстание и террор...против отдельных классов, хотя бы и повинных в угнетении народа. Они также отмежевались от требования РСДРП «установления диктатуры вооружённого пролетариата». В это время формируется и убеждение руководства партии о том, что это требование противоречило бы народной воле, нарушало бы коренной принцип партии идти к поставленной цели мирным правовым путём¹¹. Одновременно на страницах центральных кадетских изданий «Право», «Полярная звезда» причиной вооружённого восстания объявлялось промедление правительства в проведение либеральных реформ – манифеста 17 октября. Здесь же содержалось требование отставки правительства Витте-Дурново, «довёдших страну до таких бедствий»¹². Таким образом, либеральная буржуазия, поддержав всероссийскую политическую стачку, а также, не осудив последующие всеобщие забастовки рабочих и революционеров вплоть до декабря 1905 г., тем не менее, в этих событиях почувствовала угрозу осуществлению своих основополагающих программных положений на демократизацию жизни и развитие страны по правовому пути. Вместе с тем, и в этих условиях словесная критика была направлена против правительства от которого, по-прежнему зависело всё в либеральных преобразованиях страны. Эта политическая ниша партии «склонной к борьбе с правительством (по определению П.А. Столыпина) в дальнейшем будет определять всю деятельность кадетов в 1906 – феврале 1917 гг., не позволив партии обрести легальный статус.

Эсеры приветствовали появление манифеста 17 октября. «Россия становится конституционной страной – это несомненно...» – констатировал в статье «Первая капитуляция» центральный орган ПСР¹³. Размах рабочего и демократического движения в стране со всей остротой поставил вопрос об организационных формах деятельности партии эсеров. Строго

централизованные, законспирированные организации эсеров входили в противоречие с необходимостью вовлечения в движение рабочих, учащих-ся, других демократических слоёв. Это было важно и по той причине, что процессы демократизации, открытое декларирование свобод, в том числе избирательных прав приводило к тому, что в рабочих районах раздавались требования о привлечении рядовых членов к более открытому руководству движением. В целом в период лета – осени 1905 г. шла активная работа низовых рабочих организаций Москвы, Владимирской, Нижегородской, Смоленской, Тульской, Ярославской и целого ряда других губерний России. В ряде местностей Костромской, Тверской губернии образовались совместные с социал-демократами рабочие организации¹⁴. Как отмечали полицейские чины «вследствие недостаточного умственного развития не вполне понятна программа деятельности той или другой революционной партии» многим рабочим фабрик губернского центра. В этой ситуации, по мнению начальника Костромского ГЖУ важную роль играла «нерешительность социал-демократов, в то время как руководители эсеров, проявлявшие «насильственными действиями против органов власти и устройством бурных демонстраций» способны были сплотить часть рабочих под своими знамёнами¹⁵. Названные выше процессы – с одной стороны противоречие между законспирированной организацией и новыми условиями, образовавшимися в стране после 17 октября 1905 г., а также массовым притоком рабочих в организации эсеров привёл к кризису Московской организации эсеров.

Руководство Московского комитета ПСР, состоявшее из интеллигенции не справлялось с быстрым притоком в организацию большого количества рабочих (в ноябре 1905 г. – 1500 чел.)¹⁶. В условиях массового подъёма движения, когда низовые, заводские организации требовали оперативного решения вопросов с поставкой литературы, кадров пропагандистов и т.п., ненормальность в отношениях с комитетом выступила достаточно рельефно. Низовые организации осенью 1905 г. предпринимали попытки разработать новые организационные основы (проект нового устава) Московской организации ПСР, ввести выборность руководящих органов, превратить комитет в орган «исполнения воли всех членов организации, а не центр откуда диктуются приказы вниз¹⁷. Однако устав был отвергнут руководством Московского комитета эсеров. Всё это подвигло оппозицию выйти из организации ПСР, «образовать собственную кассу, добывать деньги и самостоятельно расходовать их, завести свою типографию, выпускать литературу»¹⁸. Следовательно, рабочие недовольные старыми структурами московской организации эсеров в новых условиях провозглашённых свобод покидают Московскую организацию ПСР, образуя собственные структуры «максималистов». Данные процессы в это время наблюдались в партийных организациях Смоленска, Ярославля, Тулы, Рыбинска, Рязани по причине отказа либо неспособности руководства орто-

доксальных эсеров перестроить организации на демократических принципах.

По всей видимости «предела» достигли и представления руководства ПСР в связи с продолжавшимися в стране активным нагнетанием руководством РСДРП и, прежде всего большевиками, непримиримых форм давления на власть – образованием совета рабочих депутатов и вооружёнными восстаниями в разных местностях России. В этой связи необходимо внести уточнения в вопрос об отношении партии эсеров к советам рабочих депутатов периода первой революции. Эсеровские теоретики признавали преобладающее влияние социал-демократов в советах рабочих депутатов. Выделялись при этом негативные, на их взгляд, стороны этой деятельности – фактически отсутствие демократических норм при выборах в советы, различные нормы представительства, (избрание депутата и от 200 и от 20 рабочих), что, как они отмечали, приводило к «искусственному подбору однородных элементов», а также такой «опасный симптом», как попытка объявить совет примыкающий к РСДРП. В бюллетене ЦК ПСР начала 1906 г. признавалось, что советы рабочих депутатов фактически стали орудием проведения тактики вооружённого восстания. От внимательного взгляда партийных теоретиков ЦК не ускользнули факты, когда советы усвоили тактику муссирования «движения, лихорадочного ускорения его темпа». Здесь имелся в виду опыт вооружённой борьбы рабочих в некоторых местностях России и объединяющую, ускоряющую роль советов в этом деле. В этой связи эсеровские теоретики высказывали симпатии к более сдержанной тактике, к «атмосфере свобод», когда шансы к распространению воздействия ПСР значительно расширились и кое в чём превосходили влияние РСДРП. В противовес советам лидеры эсеров выдвигали профессионально-политические союзы, и прежде всего – железнодорожный, – который по их мнению должен готовить «планы будущей грандиозной забастовки»¹⁹. Следовательно достаточно близко соприкоснулись в конце 1905 г. в ходе вооружённых восстаний и деятельность советов рабочих депутатов с радикально настроенными рабочими, руководство эсеров не нашло адекватных им форм работы, чем вызвало раскол и уход максималистов из партии. Вместе с тем, близкое соприкосновение с радикально настроенными революционерами (социал-демократами) позволило разглядеть эсеровским лидерам стремление к революции любыми мерами, готовность жертвовать демократическими принципами, а также той свободой, которая установилась в стране после издания манифеста 17 октября. При этом они также, как и кадеты, отвергли революционную диктатуру, проявив склонность к более сдержанной, демократической атмосфере свобод и, как следствие, возможной деятельности разных партий.

Рабочее протестное движение в течение 1905 г. оказало непосредственное воздействие на образование умеренно-либеральных – октябристов, а так же правых, черносотенных партий – Союз русского народа. Основа-

тель Союза русского народа А.И. Дубровин утверждал, что сама идея монархической партии появилась у него после известных событий 9 января 1905 г. в С.-Петербурге. Позднее вполне очевидным становилась поддержка черносотенцев со стороны министерства внутренних дел, представители которого охарактеризовали время революции 1905 – 1907 гг. «как период расцвета союзнической деятельности, не встречавшей на своём пути особых препятствий ввиду необходимости использования союзов для борьбы с революционным движением. За это время союзы разрастаются и распространяются по всей России»²⁰. Охранительные идеи и усилия черносотенцев, особенно в июле 1905 г., а так же в 1906 – 1907 гг., во многом способствовали стабилизации положения в стране и переводу протестного рабочего движения в более мирное русло. Впрочем, постепенно основные усилия в борьбе лидеров черносотенцев против революции сосредотачивалось на деятельности либеральных партий кадетов и октябристов.

Известно, что Союз 17 Октября образовался вскоре после Всероссийской Октябрьской политической стачке. В этом контексте в начале 1906 г. лидеры октябристов (граф Гейден) напомнили о значении стачечного движения осенью 1905 г., во многом способствовавшего появлению самого манифеста 17 октября. В последующем деятельность лидера октябристов А.И. Гучкова, как известно решительно поддержавшего курс П.А. Столыпина, в том числе репрессивные меры правительства против революционеров, способствовали сначала превращению Союза в фактически в первую в России «партию власти», а в дальнейшем, по мере попыток самодержавия отойти от манифеста 17 октября, в открытого противника Николая II и царского режима. Однако либералы, прейдя к власти в марте 1917 г., самой логикой революционной борьбы, образовавшем массовых рабочих организаций были вынуждены уступить первенство радикальным революционерам, которые смогли оседлать стихию революционной борьбы и направить развитие России по революционному пути.

Таким образом, рабочие России самым непосредственным образом повлияли на становление пяти основных партий. Это влияние просматривается как в явном выборе программных установок всех основных партий от свержения самодержавия, превращения России в конституционную монархию, до охраны незыблемых основ царизма и борьбы с революционным и либеральным движением. Во многом это развитие предопределила и сама власть. Противоречивость манифеста 17 октября, а также той конструкции власти, которая возникла в апреле 1906 г. в результате принятия новой редакции Основных законов Российской империи предопределила её неустойчивый характер, сделав неизбежным в будущем новые революционные потрясения

¹ Плеханов Г.В. Сочинения. М.-Л., 1926. Т.12. С.189.

² Плеханов Г.В. Сочинения. – М.-Л., 1926. Т. 13. С.193 - 196.

-
- ³Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981. С.188.
- ⁴III съезд РСДРП. Сборник документов. М., 1955. С.22
- ⁵Первая общерусская конференция партийных работников - Женева, 1905. С.15 – 18.
- ⁶РГАСПИ. Ф.2.78. Оп.1. Д.166. Л.6.
- ⁷Революционная Россия. 15 мая 1905. С.11.
- ⁸См. последнее фундаментальное исследование. Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С.351 – 392.
- ⁹Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Примечания. М., 1955. Т.1. С.680.
- ¹⁰Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. №5. С.121.
- ¹¹Протоколы ЦК КДП. 1905 – 1911 гг. ... Т.1. С.45, 483 – 484.
- ¹²Высший подъём революции. Ч.1. С.692 – 721. Полярная звезда. 15 декабря 1905. С.8, 72, 76, 86.
- ¹³Революционная Россия. 1 ноября 1905. Отдельный оттиск.
- ¹⁴ГАРФ. Ф.102. ОО. ОП. 233. Д.1200. Ч.8. ЛЛ. 1 – 4. Д.1890. Ч.31. ЛЛ. 1- 2.
- ¹⁵ГАРФ. Ф.102. ОО. ОП. 233. Д.1800. Ч.31. Л.2.
- ¹⁶Леонов М.И. Эсеры в революции 1905 – 1907 гг. Самара, 1992. С.91.
- ¹⁷Павлов Д.Б. Эсеры – максималисты в первой российской революции. М., 1989. С.67.
- ¹⁸ГАРФ. Ф.124. 1909. Д.246. Л.91об.
- ¹⁹ГАРФ. Ф.102. ОО. 1907. Д.9. Т.2. Л.8.
- ²⁰Цит. по: Кирьянов Д.И. Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001. С.16.

В.Ю. Карнишин

Партии промышленников и предпринимателей в 1905 – 1907 гг.

Возникновение политических партий, отражавших интересы представителей российских промышленников и предпринимателей, связано с противоречивыми реалиями социально-экономического и общественно-политического развития позднеимперской России конца XIX – начала XX вв. Ключевые элементы политики ускоренной модернизации последних двух десятилетий XIX века – государственное вмешательство в экономическую жизнь страны и последовательное оздоровление макроэкономической ситуации – определяли вектор правительственной политики Александра III и Николая II¹. Бесспорно и воздействие политики Великих реформ на формирование модели роста отечественной экономики. По мнению В.А. Мау, речь идет о ряде процессов: во-первых, появлении широкого круга предпринимателей и наемных работников – главного условия для начала широкой индустриализации; во-вторых, подкреплении гарантии прав собственности возможностью защиты своих прав в состязательном судебном процессе; в-третьих, введении покровительственного таможенного тарифа, выкупе железных дорог в казну и переходе к их строительству за счет средств государственного бюджета, существенном усилении контроля за деятельностью бирж и частными предприятиями; в четвертых, – относительной слабости частного предпринимательства, отсутствии значительных капитальных ресурсов и действенной системы аккумуляции и международного перелива капитала (через банки и фондовые бир-

¹ © В.Ю. Карнишин, 2010

жи)². Не последнюю роль играла незавершенность формирования «среднего класса».

Представители деловых кругов все острее ощущали необходимость решения проблем, связанных с ликвидацией препятствий в развитии рыночной экономики: приведение в систему законодательных норм, регулирующих взаимоотношения между государством и предпринимателями; отмена ограничений прав некоторых категорий предпринимателей; создание стройной системы представительства интересов с целью влияния на характер решений, принимаемых правительством. С другой стороны, потребности развития рыночной экономики требовали принятия пакета законов, которые смогли бы упорядочить процесс развития производительных сил и позволили бы регулирование социальных аспектов трудовых отношений: установление продолжительности рабочего времени и времени отдыха, охрану труда женщин и несовершеннолетних, компенсации в случае несчастных случаев на производстве³. Как оказалось, предпринимательские круги, как и бюрократия, явно недооценивали необходимость принятия эффективных решений в сфере социальной политики.

Для осмысления особенностей процесса политизации буржуазии поздней имперского периода следует напомнить, что на протяжении второй половины XIX в. отечественными учеными была тщательно исследована регионально-отраслевая типология предпринимательского корпуса. В Петербурге сосредотачивалась основа гигантской машины военно-промышленного корпуса, щедро подпитываемого финансовыми инъекциями банков, в свою очередь находившихся в постоянных контактах с верхами столичной бюрократии. Иной была модель предпринимательской активности, утвердившаяся в Москве. Здесь сложился эффективный вариант рыночной экономики, базировавшийся на отраслях легкой индустрии, ориентированный на расширение внутреннего рынка и втягивание в систему частного предпринимательства крестьянского населения⁴. Московские деловые круги, ориентированные на удовлетворение спроса населения на товары народного потребления не могли не реагировать на очевидные препятствия в развитии экономики, связанные со снижением покупательной способности населения, усилением налогового пресса на крестьянство, узостью внутреннего рынка. Мировосприятие московских предпринимателей имело ряд особенностей. Во-первых, многие из купцов и промышленников стремились противопоставить себя аристократии, получившей привилегии в силу собственного знатного происхождения, подчеркивая, что «выбились в люди», исключительно, благодаря личным усилиям. Во-вторых, оказание помощи предприниматели видели не только в материальной поддержке, но и в удовлетворении благородных, по их мнению, духовных потребностей (отсюда – особая склонность к меценатству)⁵. Ярким представителем делового мира Белокаменной являлся П.П. Рябушинский, занявший видное место в публичной политике начала

XX века. Именно он вступил в бескомпромиссную конкуренцию с иностранными предпринимателями за право распоряжаться национальными ресурсами и обширным российским рынком: взвесив возможные риски, братья Рябушинские направили свои капиталы на полную реорганизацию льноводства в России⁶.

Другим ярким типом предпринимателя из старообрядческой среды стала личность нижегородца Д.В. Сироткина – владельца торгово-промышленного и пароходного товарищества с капиталом в 1,5 млн. руб. Именно на его имя неоднократно высылались из-за границы революционная литература⁷.

В конце XIX закрепилась региональная специализация татарского предпринимательства: в 1892 г. татарам принадлежало 10 торговых домов, денежный капитал которых составлял 838 тыс. руб. Часть деловых кругов из татарской среды испытала мощное воздействие джадидизма – просветительского течения общественной жизни. Речь шла о «заявке на изменение всего уклада жизни татар на капиталистический лад»⁸.

Экономический кризис 1900 – 1903 гг. поражение России в русско-японской войне, начавшаяся революция обусловили усиление политической активности деловых кругов. На протяжении октября 1905 г. – января 1906 г. происходило строительство Прогрессивно-экономической партии во главе с петербуржцами С.С. Хрулевым и М.Н. Триполитовым, получившими поддержку столичного общества заводчиков и фабрикантов. Свое влияние партия не смогла распространить на территорию страны, ограничив активность Петербургом и губернией. Представители купечества «северной Пальмиры», осуществлявшие торговые операции на торговых рынках и через сеть собственных магазинов и лавок, основали Всероссийский торгово-промышленный союз, который возглавил председатель городской управы И.С. Крючков. Хотя ВТПС имел своих сторонников в ряде городов, в том числе и в Костроме, однако реально интенсивная деятельность новой структуры отмечалась в столице.

Крупнейшей партией деловых кругов страны стала Торгово-промышленная партия, основанная московскими предпринимателями – Г.А. Крестовниковым, В.С. Баршевым, братьями В.П. и П.П. Рябушинскими. География деятельности ТПП была достаточно обширной, охватив территории нескольких десятков губерний. В литературе достаточно большое внимание обращено на программные установки и тактику партий деловых кругов России⁹.

Анализ деятельности структур партий промышленников и предпринимателей позволяет прийти к ряду выводов о причинах их стагнации и исчезновении из политической жизни страны.

Политизация общественно-политической жизни России достаточно отразилась на содержании процесса самоидентификации деловых кругов, оказавшихся во многом заложниками растущей радикализации различных

слоёв населения. Роковую роль сыграла проблема неуступчивости и монологизма во взаимоотношениях между группировками отечественного капитала. Наконец, реальность российской модернизации породила новые социальные коллизии, рецепты лечения которых в упрощенной (популистской) форме были предложены радикальными политическими партиями, способными перехватить инициативу у своих оппонентов.

¹ Мау В.А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 43.

² Там же. С. 40.

³ Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В. Очерки права Российской империи (вторая половина XIX – начало XIX в.). М., 2006. С. 376.

⁴ Петров Ю.А. Московские предприниматели в контексте экономической и политической истории России. Вторая половина XIX – начало XX в. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. / Отв. редакторы Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 161.

⁵ Ланской Г.Н. Вышли купцы из народа ... Московские предприниматели и «внешний» мир в начале XX века // Российское предпринимательство. 2003. № 6. С. 69 – 71.

⁶ Мещерякова А. Независимые русские миллионеры как отражение национальной ментальности // Конкуренция и рынок. 2005. № 27.

⁷ Селезнев Ф.А. Становление Д.В. Сироткина как предпринимателя // Нижегородская старина. 2004. №9.

⁸ Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999. С. 23; Тагиров Э.Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. Казань, 2007. С. 289.

⁹ Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей России в 1905 – 1907 годах // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 131 – 145; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика М. 2002; Барышников М.Н. Политика и предпринимательство в России (из истории взаимодействия в начале XX века) СПб, 1997; Вишневи Э. Капитал и власть в России. Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М., 2000.

И.В. Омелянчук

Союз русских рабочих

События Первой русской революции, поставившие под угрозу существование самодержавной монархии в России, вовлекли в политический процесс широкие слои населения, в том числе и рабочий класс. Не будучи однородным по своему социальному составу, российский пролетариат не был однородным и по политическим убеждениям. Значительная его часть оказалась в рядах защитников монархии, что было обусловлено как социально-экономическими, так и психологическими факторами.

Забастовочное движение, охватившее к концу 1905 г. фактически всю страну, не могло не сказаться на благосостоянии российского пролетариата. В течение 1905 г. из-за участия в забастовках рабочие потеряли 17,5 млн. руб. заработка¹. Только в Московской губернии в 1906 г. 351 фабрика прекратила свое существование, а действовавшие сократили свои обороты на 13 миллионов рублей². До начала революционных событий

¹ © И.В. Омелянчук, 2010

1905 г., писали «Московские ведомости», «рабочий, зарабатывавший... 30 рублей в месяц жил сыто и имел сбережения в кассе», теперь же «систематические «политические» забастовки не дают ему заработать и половину того, что он ранее зарабатывал. А сбережения пришлось проесть во время забастовок, проевши же их – голодать»³. Наибольшие потери от прекращения работ несли, естественно, квалифицированные рабочие, получавшие весьма высокую заработную плату. Именно они, как правило, и выступали за возобновление производства. Дореволюционный исследователь утверждал, что в Одессе активными черносотенцами являлись «главным образом, старшие рабочие или уже пожилые, обжившиеся на заводах... и заинтересованные в том, чтобы все оставалось по старому»⁴. Но не менее активно в ряды правых организаций вступали и малоквалифицированные рабочие. Как правило у них отсутствовали денежные сбережения, поэтому прекращение работ (а стало быть, и выплат заработной платы) ставило их на грань физического выживания. К тому же они, в большинстве своем, являлись недавними выходцами из деревни, сохраняющими приверженность традиционным ценностям, как в бытовом, так и в социально-политическом аспектах

Кроме того, революционное движение, имевшее целью радикальное изменение существующей социально-политической системы, своей пропагандой не могло не затронуть сохраняющиеся традиционалистские архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы. Это вторжение в тонкие психические структуры человека порождало иногда обратную реакцию, создавая тем самым почву для появления консервативного политического движения, среди идеологических приоритетов которого всегда значатся «государство» и «порядок» (сохранение привычного уклада жизни). Поэтому рабочие, сохранявшие приверженность традиционным ценностям и нормам, вступали в монархические (черносотенные) организации, защищая, быть может, не столько самодержавие, сколько свой привычный мир.

Одной из таких организаций стало созданное в Киеве в конце 1905 г. «Содружество Патриотических русских рабочих», позднее переименованное в Союз русских рабочих (СРР). Его основателем и лидером являлся типографский рабочий К.И.Цитович, в годы Гражданской войны расстрелянный большевиками за свое активное участие в монархическом движении⁵. Киевский СРР стал ведущей рабочей монархической организацией и приобрел всероссийское значение.

Принятая в 1906 г. программа Союза ставила перед организацией следующие цели: «а) Объединение всех разрядов, а равно и всех других лиц различных сословий и состояний обоего пола в деле служения и защиты Православия, Самодержавия, Русского монарха, Русской народности, единой и неделимой России, б) споспешествование всеми законом дозволенными средствами, в особенности же на началах взаимопомощи, разви-

тию материального, умственного, религиозно-нравственного благосостояния Русских Рабочих, в) предотвращение законными же средствами всех видов деятельности лиц и учреждений, направленной к разорению Государства и уничтожению промышленности и прекращению правильного течения работ на фабриках, заводах, в мелких ремесленных промышленных заведениях и частных мастерских...». При этом Союз русских рабочих считал необходимым вести «борьбу мирными и законными средствами со всеми видами несправедливого и незаконного отношения как работодателей к рабочим и их труду, так и рабочих к работодателям»⁶.

Создатели СРР также намеревались оградить своих членов от конкурентной борьбы с «инородцами». В одной из листовок этой организации говорилось: «Союз русских рабочих просит Вас придти на помощь благим начинаниям Союза пожертвованиями, сдачами работ слесарно-кузнечных, водопроводных, малярных, штукатурных, печных, шоссейно-бетонных, каменных, замощения тротуаров, дворов, изготовления обуви, портняжных работ»⁷. Поэтому значительную долю членов СРР составляли ремесленники, работники небольших мастерских, которым более всего угрожала конкуренция со стороны еврейских мастеровых. Социальные проблемы также не остались вне поля зрения руководителей Киевского СРР. В другой листовке, изданной Союзом в 1907 г., указывались и такие цели деятельности организации: «...устройство своих школ, мастерских, потребительских лавок...»⁸

Киевский СРР был весьма многочисленной организацией, особенно в период спада Первой русской революции (1906-1907 гг.), когда многие рабочие, устав от забастовок и экономических трудностей ими вызванных, вступали в Союз в надежде на скорое возобновление производства, следствием чего должно было стать повышение жизненного уровня пролетариата. В 1906 г. по данным Департамента общих дел МВД, Киевский Союз русских рабочих насчитывал в своем составе около 3000 рабочих⁹. А к декабрю 1907 г., согласно донесению киевского вице-губернатора, местный СРР в своих рядах объединял уже 6500 человек¹⁰.

С 1908 по 1913 г. должность председателя Киевского СРР исполнял генерал-майор в отставке А.И. Евский (1842-1913), являвшийся одновременно членом Киевского отдела Русского Собрания, членом-учредителем Киевского Клуба Русских Националистов, членом Правления Общества кассы жертв долга и казначеем Общества повсеместной помощи нижним чинам и семьям пострадавших в Русско-японскую войну. А.И. Евский принимал участие в работе Третьего (Киев, 1-7 октября 1906 г.) и Четвертого (Москва, 26 апреля - 1 мая 1907г.) Всероссийских съездов Русских Людей¹¹.

В 1906 г. отдел Союза русских рабочих был создан в Петербурге. На III Всероссийском съезде Русских Людей (Киев, октябрь 1906 г.) эту организацию представлял князь М.Н. Волконский¹². Затем филиалы СРР стали

создаваться по всей стране: в Екатеринославской губернии – на Александровском заводе Брянского общества в Екатеринославе (около 4000 членов), в Каменске (3000 членов) и на рудниках Ауэрбаха Бахмутского уезда (300 членов); в Киевской – в Чигирине (85 членов); в Подольской - в Каменец-Подольске (512 членов) и в местечке Дунаевцах Ущицкого уезда (78 членов); в Московской – в Раменском (5000 членов); а также в Курске (115 членов), Бердичеве, Костроме (председатель – Еремеев) и Харькове (лидеры – С. Наливайко, Ф. Коняев)¹³.

В 1907 г. в Горловке состоялось совещание представителей отделов Союза русских рабочих. При вручении царского портрета отделу СРР ртутного завода Ауэрбаха, была послана приветственная телеграмма-наказ правым членам Государственной Думы, подписанная представителями 17 организаций СРР. Кроме названных выше Киевского, Каменец-Подольского и Каменского отделов, а также отделов при заводе Ауэрбаха и Александровском заводе в Екатеринославе свои подписи под телеграммой поставили представители еще 12 местных организаций Союза русских рабочих: Смелянской, Харьковской, Ростовской, Славянской, Мелитопольской, Симферопольской, Горловской, Енакиевской, Павлоградской, Луганской, Александровской и Екатеринославской¹⁴ (вероятно, уже упоминавшийся отдел при Александровском заводе Брянского общества). Некоторые из перечисленных организаций на правах отделов входили также и в состав Союза русского народа, что не запрещалось уставами обеих организаций.

Из 22 (или 23) названных выше отделов Союза русских рабочих данные по численному составу имеются только по 9. В них входило 19590 человек, что позволяет определить общую численность СРР как минимум в 30 тыс. членов.

Правые не могли не учитывать возможности проникновения в монархические союзы радикально настроенных рабочих, а вместе с ними и революционной идеологии. Подобная участь постигла организации, созданные в 1901-1903 гг. по инициативе жандармского полковника С.В. Зубатова. Учитывая печальный опыт зубатовского «полицейского социализма», превратившегося во вполне революционный, правые стремились придать деятельности монархических рабочих организаций исключительно экономическое направление, убеждая рабочих в том, что именно тред-юнионизм под эгидой самодержавного царя, а не политическая борьба и забастовки защитят их от произвола предпринимателей. Ведущий консервативный идеолог Л.А. Тихомиров указывал, что «действительное разрешение «рабочего вопроса»... дается вовсе не социализмом, а системой профессиональной организации»¹⁵, образцом которой, по его мнению, являются английские тред-юнионы, делающие «для рабочего очень много»¹⁶. Участники IV Всероссийского съезда Русских людей (Москва, апрель 1907 г.) также пришли к выводу о необходимости создания рабочих ор-

ганизаций, подчеркнув при этом, что «союзы и общества рабочих должны принять по преимуществу практическое направление»¹⁷, а отнюдь не стремиться к политической деятельности.

Поэтому в программных документах ставшего в 1908 г. самостоятельной организацией Петербургского отдела Союза русских рабочих уже больше внимания уделялось социально-экономическим, нежели политическим вопросам. Согласно уставу, главной задачей Петербургского СРР являлось содействию «а) развитию умственного, религиозно-нравственного и материального благополучия русских рабочих и их семейств в городе Санкт-Петербург и Петербургской губернии, б) поднятию сознательного отношения к политической деятельности на началах глубокого патриотического чувства, долга и ответственности перед Отечеством, обществом и семьей, в) водворение справедливого и честного отношения как работодателей к рабочим и их труду, так и рабочих к работодателям и работе, г) развитию взаимопомощи среди рабочих и облегчению условий жизни сиротам, старцам и утратившим способность к физическому труду, д) искоренению среди рабочих пьянства и неблаговидного поведения» (за трехкратное появление на собрании СРР в нетрезвом виде следовало исключение провинившегося из союза). Кроме того, Союз намеревался «Противодействовать всеми законом дозволенными средствами: а) забастовкам всех видов в сознании, что всякого рода забастовки ведут лишь к разорению государства и отечественной промышленности, самих рабочих и их семейств, а равно работодателей и потребителей, б) произволу при расчете и увольнении служащих и устранению рабочих от работ без уважительных причин, в) негуманному отношению работодателей к рабочим и в особенности к малолетним рабочим и беременным работницам»¹⁸.

Председателем петербургского СРР стал П.Ф. Папенгут. В Совет организации вошли И.С. Жаринов, В.Г. Евтюнин, Н.Е. Задлер, И.И. Иванов, П.М. Колесов, А.И. Лаптев, И.В. Рогачев, Я.Р. Романов, П.С. Серебряков, А.М. Ульянов и М.Г. Чистяков¹⁹. Членские взносы в Санкт-Петербургском СРР были достаточно большими, для действительных членов 3 руб. в год, для соревнователей – 1 руб. Чтобы стать пожизненным членом Союза необходимо было внести в его кассу одновременно 100 руб.²⁰

Деятельность Союза русских рабочих сводилась, в основном, к пропаганде монархических идей в различных формах – посылке верноподданных телеграмм и адресов на Высочайшее имя, распространению листовок, отправке deputаций к монарху. Так 27 марта 1906 г. СРР «имел счастье представить... депутацию Его Императорскому Величеству в лице рабочих К.Цитовича и Р.Данилова»²¹. В июне 1907 г. Союз русских рабочих телеграммой выразил одобрение и полную поддержку роспуску II Думы. В ответ «Государь Император изволил благодарить» Союз, выразив это «следующими Монаршими словами: «Прочел с удовольствием, искренне тронут»»²². Летом 1909 г. депутация Киевского СРР в лице К.И.Цитовича,

Г.Ф. Боева, Н.И. Кудричинского и Т.Н. Швеца была представлена императору по поводу юбилея Полтавской битвы в 1909 г.²³ Активно занимался Союз и пропагандистской деятельностью. Только в Киеве тираж изданий СРР достиг 27000 экземпляров²⁴. В основном это были листовки, обращенные к рабочим и ремесленникам. В 1911 г. во время посещения Николаем II Киева местный СРР выставил для участия в «народной охране» царя 672 человека²⁵.

Самостоятельный Петербургский Союз русских рабочих действовал менее активно. Исполняющий должность Санкт-Петербургского градоначальника в июле 1912 г. отметил, что «деятельность названного Союза за время его существования с 1908 года выразилась лишь в открытии в текущем году чайной в доме № 13 по Екатерингофскому проспекту»²⁶.

На поприще урегулирования трудовых конфликтов отличился лишь отдел СРР в Екатеринославе. Здесь на Александровском заводе Брянского общества в апреле 1907 г. анархистами был убит глава администрации. В ответ на этот террористический акт, завод был закрыт, 20000 рабочих и членов их семей остались без средств к существованию. Тогда Союз русских рабочих предложил свою помощь в урегулировании конфликта в обмен на поголовное вступление рабочих завода в Союз. Переговоры закончились успешно, завод заработал, а в Екатеринославе был создан отдел СРР, включавший в себя около 4000 человек²⁷. Екатеринославский отдел Союза уделял внимание и социальной защите рабочих. К октябрю 1910 г. под его эгидой действовали «ремесленно-учебные мастерские для сирот и бедных детей рабочих»²⁸.

Развернуть более активную деятельность Союзу русских рабочих мешало отсутствие средств и достаточно настороженные отношения местных чиновников, опасавшихся самого факта существования рабочих организаций. В мае 1912 г. лидеры Санкт-Петербургского Союза русских рабочих П.Ф. Папенгут, А.М. Ульянов и П.М. Колесов в прошении на имя министра внутренних дел писали: «Для Родины нашей снова наступает тяжелое время. Надвигается новая гроза и нужно спешно готовиться к великой борьбе для защиты Царя и Отечества от внутренних врагов! Агитация революционных элементов идет во всю, левых элементов много и силы их союзов, благодаря широкой материальной поддержке – большая, правые же рабочие разрознены и нет им никакой помощи в борьбе с крамолой». Петербургский СРР, указывали далее его руководители, «вследствие ограниченности материальных средств не имеет возможности осуществить разрешенные его уставом крайне необходимые для объединения всех благонамеренных русских рабочих учреждения, как-то: дом-собрание рабочих с читальнею и помещением для религиозных и патриотических чтений и бесед, мастерские, школы и кассу взаимопомощи». Завершалось прошение просьбой к министру «не отказать Союзу в нравственной и материальной поддержке, дабы Союз, укрепив свое положение, смог провести в жизнь

благие задачи в помощь верным и преданным Престолу и Отечеству русским рабочим, при упорной их борьбе с врагами Государя Самодержавного, Веры православной и единой, неделимой России»²⁹.

Следует отметить, что с окончанием революции многие монархически настроенные рабочие уже не видели смысла в продолжении политической деятельности. Кроме того, на предприятиях, где активно действовал СРР и другие монархические организации, предприниматели, пользуясь отсутствием забастовок, снижали зарплату. Эти факторы способствовали оттоку рабочих из правых организаций. Как уже говорилось, созданный в 1907 г. отдел СРР на Александровском заводе Брянского общества первоначально объединял в своих рядах около 4000 членов. К августу 1908 г. по данным Екатеринославского губернатора, отдел СРР при Брянском заводе, в состав которого входили уже и рабочие железнодорожных мастерских, а также Трубного завода и бывшего завода Шодуар в поселке Амур, насчитывал всего 1500 членов³⁰. После же начала Первой мировой войны деятельность СРР практически прекращается.

Таким образом, в период революции 1905-1907 гг. нарастающие вследствие забастовок экономические трудности и предпринятый революционной пропагандой «штурм стереотипов», лежащих в основе патриархального мировоззрения значительной части пролетариата, подтолкнули многих рабочих, в первую очередь представителей «рабочей аристократии» и малоквалифицированных недавних выходцев из деревни к вступлению в контрреволюционные монархические организации, в том числе и в Союз русских рабочих, численность которого в этот период достигла нескольких десятков тысяч человек. Однако, отсутствие социального партнерства, несовершенства трудового законодательства и финансовая слабость СРР не позволили ему добиться успеха ни в вопросах социальной защиты своих сочленов, ни в урегулирование трудовых споров, что, безусловно, ослабляло его влияние на рабочие массы. Эти факторы, а также снижение политической активности населения по окончании революции 1905-1907 г., сопровождавшееся общим полевением общественных настроений, способствовали значительному сокращению численности СРР и утраты им влияния в рабочей среде.

¹ См.: Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 22. М., 1961. С. 27.

² Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 194.

³ Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

⁴ Цит. по: Карпухин Д.В. «Черная сотня»: веки осмысления в России. М., 2009. С.130.

⁵ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. СПб., 1992.С. 262.

⁶ Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). Ф. 838. Оп. 4. Д. 72. Л. 1.

⁷ ЦГИАУ. Ф. 838. Оп. 4. Д. 73. Л. 1.

⁸ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 333.

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. 1906 г. Л. 135.

¹⁰ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 94.

¹¹ Киевлянин. 1913. 12 сентября. № 255.

¹² Третий всероссийский съезд Русских Людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906. С. 7.

-
- ¹³ Подсчитано по: Каплин А., Степанов А. «Только вера дает силу жить». Профессор Андрей Сергеевич Вязигин (1867-1919) // Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 355; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. С. 38; Переписка и другие документы правых (1911-1913 годы) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 103; Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 94, 112, 117, 120; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). С. 190, 226.
- ¹⁴ Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1907. № 11. С. 200.
- ¹⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 382.
- ¹⁶ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С.274.
- ¹⁷ Тверское Поволжье. 1907. 16 мая. № 163.
- ¹⁸ Устав Санкт-Петербургского Союза русских рабочих. СПб., 1908. С. 3, 4, 7; ГАРФ. Ф.102. 4-ое дело-производство. Оп. 121. 1912 г. Д. 210. Л. 13.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 4-ое делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 210. Л. 10, 13.
- ²⁰ Устав Санкт-Петербургского Союза русских рабочих. СПб., 1908. С. 8-9; ГАРФ. Ф.102. 4-ое делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 210. Л. 13.
- ²¹ ЦГИАУ. Ф. 838. Оп. 4. Д. 72. Л. 1.
- ²² ЦГИАУ. Ф. 838. Оп. 4. Д. 72. Л. 1.
- ²³ ЦГИАУ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 243. Л. 118.
- ²⁴ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. С. 246.
- ²⁵ ЦГИАУ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 244. Л. 159.
- ²⁶ ГАРФ. Ф.102. 4-ое делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 210. Л.10.
- ²⁷ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.) М., 1992. С. 190.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 128. Л. 34.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.102. 4-ое делопроизводство. Оп. 121. 1912 г. Д. 210. Л.5.
- ³⁰ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 117.

А.Н. Баранов

Самоопределение либеральной интеллигенции в условиях становления российской многопартийности начала XX века

Актуальность проблемы выбора интеллигенции в условиях сложного и противоречивого процесса российской модернизации начала XX века, формирование ее общественно-политических приоритетов и их воплощение в характере и деятельности ведущих политических партий России, в значительной мере обусловлена местом и ролью российской интеллигенции в политическом, социально-экономическом и культурном развитии страны как в начале XX столетия, так и на современном этапе.

Специфика возникновения политических партий в России анализировалась в целом ряде работ.¹ В.В. Шелохаев отмечает, что в отличие от развитых западноевропейских стран где веками шел процесс эволюционной «отладки» системы открытого общества, включая совершенствование его основных структурных звеньев (рыночной экономики, гражданских и правовых институтов) модернизация в России «явилась не результатом органического развития, а была инициирована «сверху», верховной властью,

¹ © А.Н. Баранов, 2010

претендующей на роль единственного выразителя и защитника общегосударственных интересов».² В России модернизация началась с большим опозданием и приобрела спонтанный скачкообразный характер, что, естественно, не было синхронизировано с уровнем экономического и социального развития страны. Все это наложило отпечаток, как на ход модернизационного процесса в целом, так и на его составляющие, включая формирование и функционирование политических партий.

Во-первых, политические партии в нашей стране стали формироваться со значительным опозданием (примерно на 50-80 лет), в сравнении с их аналогами в Европе и Северной Америке, а сам этот сложный процесс происходил в очень сжатые сроки.

Во-вторых, первые партии в России появились не в центре империи, а на ее периферии, в национальных районах: прежде всего в Финляндии, Царстве Польском, в Прибалтике и Закавказье, а также в губерниях с чертой еврейской оседлости.

В-третьих, в России сначала появились социалистические партии, позднее либеральные и, лишь в последствии – правые (консервативные).

В-четвертых, решающую роль в создании практически всех политических партий сыграла интеллигенция. «Разрабатываемая ею разновекторная идеология и программатика партий, как отмечает В.В. Шелохаев, носили, как правило, абстрактно-теоретический характер и были сравнительно слабо синхронизированы как с общественными потребностями развития страны вообще, так и с интересами различных классов, социальных страт и профессиональных групп в частности».³ Многопартийность в России являлась результатом незавершенности модернизационного процесса, отсутствия необходимых условий для «укорененности» партий в социальной сфере, которая продолжала оставаться резко дифференцированной, поскольку в стране так и не сложился средний класс, а также результатом отсутствия открытой конкуренции партий на общественно-политической арене, ибо авторитарный режим препятствовал легальной деятельности не только социалистических, но и ряда либеральных партий.

В-пятых, интеллигентский характер политических партий в России обусловил высокую степень конфликтности в отношениях между ними. Интеллигенция исходила из конструируемого ею абстрактного идеала, слабо соотнося его с реальными возможностями страны и ее народов. В силу этого, каждая партия, претендуя на монополию собственного варианта национального развития, и считая истинной только собственную позицию, практически отвергала саму возможность компромисса.

В-шестых, ряд объективных и субъективных причин привел к тому, что политические партии в России были сравнительно слабо связаны не только с соответствующими классами и социальными группами, но и с избирателями вообще. Само население страны в своем подавляющем большинстве было равнодушно к политической жизни, уклонялось от участия в

ней. Партиям практически так и не удалось наладить ни прямой, ни обратной связи с электоратом и «многопартийность в России, образно говоря, «висела в воздухе», не имея надежной социальной опоры».⁴

В-седьмых, в России не существовало подлинных демократических свобод, отсутствовало сформированное гражданское общество и правовое государство, а существующий авторитарный режим перманентно воспроизводил в обществе авторитарную идеологию и авторитарные методы разрешения назревших вопросов. Политические партии России, многие из которых были вынуждены действовать нелегально, также предпочитали действовать авторитарными методами насаждения в общественном сознании тех или иных вариантов модернизации России.

Специфику становления российской многопартийности отмечали и сами лидеры политических партий страны. Главный идеолог конституционных демократов П.Н. Милюков признавал глубокое своеобразие русского исторического процесса. Но, при этом, не считал это своеобразие неизменным и неразложимым. И не усматривал в данном своеобразии природных и исторических условий залога особого совершенства русской культуры. Он определял их как тормоз, объясняющий запоздалость ее развития.⁵ Отражая общие взгляды российской интеллигенции, П.Н. Милюков всячески доказывал, что нет причин думать, что политическое развитие России должно остановиться. Он доказывал, что в России, как и в других странах Европы, военно-национальное государство постепенно превратится в промышленно-правовое.⁶ Каковы бы ни были «коренные различия» России и западноевропейских государств, всем им одинаково присущи «законы политической биологии», т.е. общие законы политической эволюции, утверждал П.Н. Милюков, и на известной стадии этой эволюции «политическое представительство является неизбежной формой, совершенно независимо от тех конкретных черт, которые это представительство может принять под влиянием тех или других местных условий данной страны».⁷

Как особенность, Милюков рассматривает своеобразное место государства в русской истории. С одной стороны, государство выступает как тормоз политизации русского общества, подвергает огосударствлению все его сферы. Милюков показывал, сколь всемогуще, вездесуще и всеведуще русское государство и как оно опекает своего подданного.⁸ С другой стороны, оно играет прогрессивную роль в качестве созидательного начала, символа общенациональных интересов и единственно реальной силы, противостоящей узкоклассовым эгоистическим стремлениям. Не случайно, отмечает историк, именно по инициативе государства начинались все преобразования в России.

Согласно Милюкову, предстоящие преобразования обусловлены двумя основными факторами: во-первых, эволюционным развитием русского общества; во-вторых, определенным опытом общественно-целесообразной деятельности государства. Наиболее приемлемой формой

выступают реформы, направленные на совершенствование и укрепление российской государственности. Первоочередными для России историк называет политические реформы, проведение которых должно быть своевременным и обусловлено внутренними экономическими потребностями страны. Более того, «политическая реформа должна предшествовать социальной».⁹

Наряду с государством, носителем идеи общего блага, общенациональных интересов, Милюков называет интеллигенцию. Она раньше и лучше других познакомилась с европейскими теориями общественного развития, а также по методу формирования является бессословной средой, которой общенациональные интересы ближе и понятнее.

Идеологи либеральной интеллигенции были убеждены в том, что создание политических партий в стране является неизбежной и исторически насущной задачей. П.Н. Милюков задолго до появления политических партий в России, читая курс лекций по русской истории студентам МГУ, сформулировал свое мнение о месте политических партий в жизни страны: «Политические партии не суть, как представляется иным ограниченным и встревоженным умам – опасное бедствие, болезнь государственного тела, а, напротив, необходимое условие и признак здоровой политической жизни народа. Для хорошего гражданина вовсе не есть добродетель – не принадлежать ни к какой партии, а для государственного деятеля сомнительная похвала – состоять вне всяких партий... Современная общественно-целесообразная деятельность имеет целью – возможно большее благосостояние массы, средством – легальную борьбу политических партий, и результатом – усовершенствование государственной организации. Всего этого в России нет».¹⁰

Политические партии выступают в этой концепции как неотъемлемая часть политической системы страны. При этом, лидеры российского либерализма отмечали, что острая межпартийная борьба может помешать нормальному функционированию парламента. Отдавая предпочтение двухпартийной системе, они указывали на то, что в России условия для этого еще не сложились. Отмечалось, что в стране, которая переживает политический, социальный и экономический кризис, совпадающий с началом формирования партийной системы, неизбежно произойдет партийная поляризация, образование многочисленных мелких партий.

В.М. Гессен полагал, что только тогда, когда закончится тяжелый период реформ и ломки старой политической системы, и принципы правового государства и парламентаризма осуществляются на деле, только тогда «народные демократические партии будут обладать достаточной силой для того, чтобы именем народа править страной...»¹¹ «В истинно демократическом государстве, – как утверждал В.М. Гессен, – существование мелких, дробных, нередко случайных и беспрограммных партий окажется невоз-

возможным: нынешняя дифференциация снова уступит место интеграции общественного мнения...»¹²

Лидеры кадетизма настаивали на проведении выборов по формуле так называемой «четырёхвостке»: всеобщее, равное, прямое и тайное голосование. Избирательное право определялось идеологами кадетизма, как неотъемлемое право граждан на выражение их политической воли и участие в управлении государством. Преподаватель права М.А. Рейснер отмечал, что народ через участие в выборах в государственные органы власти «становится органом государства и получает право участия в определении высшей воли государства».¹³ Благодаря этому, по его мнению, граждане становятся «интегральной, органической частью государственного целого», «народ и правительство, таким образом, сливаются в одно гармоничное неразрывное целое».¹⁴

С другой стороны, М.А. Рейснер справедливо утверждал, что, участвуя через выборы в управлении государством, народ «выступает как носитель интересов... государственного общества». Граждане и правительство объединяются на базе общих интересов под «властью закона» и образуют новое государство как «национальную корпорацию», представляющую собой «единое юридическое лицо».¹⁵

В.Д. Кузьмин-Караваев, разъясняя требование всеобщего избирательного права, обоснованно полагал, что всеобщая подача голосов вытекает из права каждого гражданина на участие в управлении делами своего государства. Поскольку все граждане пользуются равными правами, то им должны быть предоставлены одинаковые условия и «одинаковая степень воздействия на исход выборов», отсюда – требование прямой и равной подачи голосов. В целях объективного исхода голосования и обеспечения права граждан на свободное выражение своей воли необходимо введение тайного голосования.¹⁶

Таким образом, кадетские публицисты настаивали на развернутой формуле избирательного права, предусматривавшей всеобщее, равное, прямое и тайное голосование. Избирательная система, согласно четырехвостке, по мнению идеологов кадетизма, позволяет не только представить в парламенте весь народ, «со всей полнотой и разнообразием его интересов», но и позволяет «собрать воедино таких народных избранников, которые действительно руководили бы общественным мнением». «...Только тогда, – подчеркивал Ф.Ф.Кокошкин, – в представительстве может сложиться та политическая сила, которая способна сделаться двигателем государственной жизни и вывести Россию из настоящего настроения».¹⁷

Последовательная защита либеральной интеллигенции России начала XX века общенациональных, общегосударственных интересов подвела ее к выводу о несовместимости основ правового государства со строем, зиждущимся на полном совмещении законодательной и исполнительной власти. Отстаивая идеи парламентаризма, либеральные авторы рассмотре-

ли взаимоотношения законодательной и исполнительной ветвей власти, значение и место политических партий в общественно-политической жизни страны, политических и гражданских прав и свобод, а также необходимость их конституционных гарантий.

Конституционные демократы считали, что правовое государство должно видеть свои задачи и предназначение в обеспечении всего комплекса прав и свобод каждого гражданина. По их мнению, права человека как универсальная ценность, позволяющая быть ему личностью, оставаться самим собой в различных ситуациях, должны быть признаны и охраняемы государством. Отношения между личностью и государством должны быть основаны на праве и законах, созданных на базе этого права, что предполагает равенство всех перед законом, определенные процедуры защиты прав личности, ответственность должностных лиц за нарушение прав личности.

Исследователи российской интеллигенции отмечают такие ее качества, как свободомыслие, независимость взглядов, самостоятельность позиций. Интеллигентный человек – это всегда личность, свободная как на личностном, так и на общественном уровнях. В начале XX века в процессе появления политических партий, формирования многопартийной системы в среде российской интеллигенции возник вопрос о возможности сохранения своих ценностных установок с участием в работе партий и подчинении партийной дисциплине.

Представители либеральной интеллигенции, многие из которых вступили в ряды конституционно-демократической партии, стремились дать ответ на этот вопрос. Особый интерес представляет статья одного из идеологов кадетской партии профессора О.Ф. Зелинского «Личность и партия», опубликованная в №50 журнала «Право» за 1905 год.

Уже учредительное собрание С.-Петербургского отдела конституционно-демократической партии подняло вопрос о степени обязательности партийной программы для каждого члена партии, и, как отмечал профессор О.Ф. Зелинский, по числу выступивших ораторов, по разнообразию высказанных мнений и оживленности спора видно было, что дело шло о действительно наиболее важном вопросе. Он подчеркивал, что уже одно возникновение этого вопроса именно среди конституционалистов-демократов чрезвычайно знаменательно для умственной сигнатуры этой партии. Свобода и личность – вот те необходимые данные, которые, по мнению Зелинского, должны наличествовать, чтобы подобный спор мог возникнуть.

Постановку подобного вопроса именно в кадетской партии автор объясняет двумя моментами. Во-первых, по утверждению О.Ф. Зелинского, эта партия шла «во главе освободительного движения в России, именно освободительного, а не поработительного...». Поработительным он называет любое движение, «на знамени которого красуется слово диктатура, каков бы ни был его коэффициент»¹⁸. Во-вторых, этот во-

прос должен был возникнуть в партии, насчитывающей в своем составе сравнительно большое число ярко очерченных и самобытных личностей. Партия, как таковая, по мнению кадетского идеолога, должна существовать, бороться, побеждать – иначе с ней вместе падут и те идеалы, во имя которых она выступила на арену. Он согласен с тем, что партии для существования, борьбы, победы нужна энергия, неослабленная столкновением противодействующих друг другу сил в ее собственной среде. «Мы желаем победить, – утверждает О.Ф. Зелинский, – иначе не для чего было вступать в бой; а между тем, для того, чтобы победить, мы должны пожертвовать именно тем, ради чего мы выступили в поле. Где же выход?»¹⁹ Зелинский чисто по-интеллигентски заводит решение вопроса в тупик, создавая так называемый «заколдованный круг», но при этом оставаясь на позициях российского интеллигента и, отстаивая интеллигентские идеалы, предлагает выход из этого тупика.

Автор пишет, что разрешение данного вопроса на теоретической почве невозможно, и считает необходимым перейти в область практическую. В качестве примера он рассматривает антиномию между свободой воли и подчинением последней закону причинности: в теории ее разрешение невозможно, но на практике каждый из нас разрешает ее в мере, прямо пропорциональной уровню своей сознательности. Используя метод аналогий, профессор утверждает, что «характер личности, как интеллектуальной величины, обуславливается уровнем ее сознательности; и именно эта сознательность дает ей возможность провести в своих собственных действиях ту грань, которая необходима для спасения принципа личной свободы без ослабления партийной энергии».²⁰ О.Ф. Зелинский указывает на то, что программа кадетской партии включает в себя 57 пунктов. Допуская то, что по каждому из них возможны только два решения, и комбинируя каждый вариант каждой пары с каждым вариантом прочих пар, можно получить 257 возможных партийных программ. Он отрицает, что большинство этих комбинаций на практике дало бы неорганическое соединение несовместимых требований, утверждая, что может совмещать как прямые, так и двухстепенные выборы и с восьми, и с десятичасовым рабочим днем.

Задавая вопрос, как же в таком случае образуются партии с едиными программами, Зелинский отвечает, что это зависит от обстоятельств. Так, в «поработительных» партиях, которые, стремясь к порабощению вообще, естественно и последовательно начинают его с самих себя и своих членов. Там, где личность и ее сознательность очень низка, – путем внушения: людям говорят «требуйте того-то!» – они и «требуют». «Этот прием, – утверждает автор, самый надежный и действительный для создания крепко сплоченной партии: к сожалению, его применяемость уменьшается пропорционально с возрастанием сознательности, и для нашей партии его следует поэтому признать непригодным».²¹

Отвечая на вопрос, как члены конституционно-демократической партии осознавали, несмотря на действительное и потенциальное разнообразие их партийных программ, свою принадлежность к данной партии, Зелинский полагает, что ответ возможен один: они все желали к ней принадлежать.²² Принадлежность человека к партии, считает О.Ф. Зелинский, обуславливается исключительно его личной волей, личной совестью. Он рассматривает тезис своих оппонентов, которые говорят, что воле партии также должно принадлежать решение: партия имеет право не допустить в свою среду члена, который по своим убеждениям для нее неудобен. И задает вопрос, – как она это право осуществит? Поскольку, как обоснованно с позиции партии парламентского типа утверждает лидер кадетов, главный смысл принадлежности к партии – это добровольное обязательство подавать голос за ее кандидата: все остальное лишь маловажные приатки.²³

Исходя из вышеизложенного, О.Ф. Зелинский делает, на первый взгляд, противоречивый вывод: партийная программа, будучи обязательна для партии (иначе она не была бы партийной программой), в то же время необязательна для тех отдельных членов, из которых партия состоит.

Решение этого противоречия, автор находит в области практического применения с помощью сформулированной им краткой и простой инструкции для каждого члена партии. «Партийная программа обязательна для него, поскольку он является ее представителем, выступая от ее имени; она для него необязательна везде там, где он говорит от себя, а не от имени партии».²⁴ Представителем же партии человек, как правило, является в таких случаях:

1) «Как депутат в собрании народных представителей. Это – высший знак доверия, который может даровать партия; депутаты партии – ее прямое воплощение в парламенте страны».²⁵ Поэтому и требования к ним самые строгие; они образуют в парламенте единую группу, подчиненную неумолимой партийной дисциплине. Депутата, который бы увлекся своими личными соображениями или симпатиями и забыл бы, что он носитель партийной идеи и партийной воли – избиратели требуют на свой суд, и, в случае отказа или неудовлетворительного оправдания, вотируют ему «недоверие», после чего ему уже бывает затруднительно удерживать звание депутата.

2) «Как редактор партийного органа и вообще организатор публицистической пропаганды партии».²⁶ Это не означает, по мнению О.Ф. Зелинского, что партийная печать не должна давать никакого простора уклонениям в ту и другую сторону, обусловленным личным убеждением сотрудников: совершенно наоборот. Как в собраниях партии, так и в партийной прессе, считает автор, оживленный обмен мнений только желателен, так как только он может спасти партию от косности и содействовать ее эволюции: сегодняшняя ересь – завтрашний догмат. Но в этих случаях

редакция должна отметить уклонение как таковое, указывая его различие от принятого в партии взгляда и по возможности с мотивировкой.

3) «Как оратор от имени партии на митингах, как собственных, так и тех, которые созываются другими партиями».²⁷ Поскольку именно на митингах, отмечает О.Ф. Зелинский, «где творится великое дело убеждения», необходимо ясное и недвусмысленное проведение партийных взглядов, без уклонений и оговорок; от этого зависит весь успех дела.

О.Ф. Зелинский, настаивая на этих требованиях партийной дисциплины, подчеркивал, что они и справедливы; и допускают легкий и удобный контроль со стороны партии. Никто не заставляет члена партии быть депутатом, редактором, оратором от ее имени; с другой стороны, провинившийся против партийной дисциплины депутат привлекается к ответу, редактор – устраняется, оратор – «дезавуируется» либо тут же, либо в ближайшем номере партийного органа.

Автором указывается, что строгость к самому себе во всех вопросах, которых касается партийная дисциплина, важна не только в деле успеха партийной идеи: она необходима также для обеспечения каждому члену полной свободы как личности. Поскольку проведена четкая грань между обязанностями, как члена партии и своими правами, как человека и личности. О.Ф. Зелинский отмечает, что в условиях, когда партийная жизнь только нарождается, бывает сложно даже людям с развитой сознательностью провести данную грань и совместить безусловную партийную лояльность с полной свободой в личных отношениях. Автор считает, недостаточно заявления о том, что человек никогда не приносит интересов своей партии в жертву своим личным симпатиям. Необходимо его дополнить утверждением о том, что под влиянием партийных соображений у человека не изменилось личное отношение к людям.

Делая вывод, О.Ф. Зелинский подчеркивает, что только эти два вместе взятые признания «будут соответствовать тому лозунгу, который один только может сплотить умственные силы нации: свободная личность в могущественной партии».²⁸

Данной статье уделено столь значительное внимание, поскольку она носит концептуальный характер, и профессор О.Ф. Зелинский наиболее глубоко и ярко отразил взгляды большинства представителей интеллигенции, вошедших в состав конституционно-демократической партии, на вопрос о соотношении осуществления свободы личности и соблюдения партийной дисциплины.

Данные организационные рамки вполне могли устроить большую часть интеллигенции. Сбалансированность кадетской программы и демократичность Устава партии во многом определялись желанием привлечь и удержать интеллигентские силы.

¹ Шелохаев В.В. Многопартийность в России: особенности формирования. // Политические партии России. Страницы истории. – М., 2000; Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России. // Крайности истории и крайности историков. – М., 1991; Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. и др.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т.1. С.37.

⁶ Он же. “Исконные начала” и “требования жизни” в русском государственном строе. Ростов-на-Дону, 1905. С.7.

⁷ Милоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 22

⁸ Он же. Введение в курс “русской истории”. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Московского университета в 1894-95 акад.году прив.-доц. П.Н.Милоковым. М., 1895. Вып. III. С.81-82.

⁹ Он же. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. Т.1. С.266

¹⁰ П.Н.Милоков. Введение в курс русской истории, часть II, М., Лекции, читанные для студентов историко-филологического факультета МГУ. 1894/95. С.8-9.

¹¹ Гессен В.М. О правовом государстве. СПб. 1906. С.59.

¹² Там же.

¹³ Рейснер М.А. Избирательное право. // Политический строй современных государств. М., 1905. Т.1. С.89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Рейснер М.А. Избирательное право. // Политический строй современных государств. М., 1905. Т.1. С.90.

¹⁶ Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. СПб.,1907. С. 11.

¹⁷ Кокошкин Ф.Ф. Обоснования желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С.5.

¹⁸ Право. 1905. №50. Стб.3970.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Право. 1905. №50. Стб.3971.

²² Там же. Стб.3972.

²³ Там же. Стб.3972-3973.

²⁴ Право. 1905. №50. Стб. 3973.

²⁵ Там же. Стб.3974.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Право. 1905. №50. Стб.3976.

И.Н. Сулоев¹

Агитация кадетов среди крестьян в Костромской губернии в период выборов в первую Государственную думу.

Одним из важнейших социальных пунктов программы конституционно-демократической партии являлся аграрный вопрос. В советской и российской историографии уделялось внимание изучению истории и деятельности партии кадетов в период первой русской революции¹. Несмотря на это, в отечественной историографии остаётся недостаточно изученной проблема взаимоотношения партии Народной свободы и крестьянства в период первой русской революции. В настоящей статье на основе разных источников ставится задача изучения деятельности Костромского отделе-

¹ © И.Н.Сулоев, 2010

ния партии конституционных демократов среди сельского населения в период выборов в первую Государственную думу.

Аграрная программа и тактика партийной агитации была принята на втором съезде партии 5 – 11 января 1906 г. Проблему крестьянского малоземелья идеологи партии предлагали решить путём передачи государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, а также путем отчуждения за счет государства, частновладельческих земель за вознаграждение по справедливой (нерыночной) оценке. Такое решение аграрного вопроса, позволяло кадетам с одной стороны привлечь на свою сторону крестьян, а с другой не противопоставлять себя помещикам. Неопределённость ряда положений аграрной программы облегчала её пропаганду среди населения.

Вопросам партийной агитации на съезде партии уделил внимание В.М. Гессен, выделивший три вида пропаганды: «агитацию вообще», предвыборную и избирательную. В общей агитации Гессен выделял два способа ведения пропаганды: устная и печатная. Первую, Гессен предлагал вести путём устройства партийных собраний, народных митингов, собраний избирателей. Ко второму способу Гессен отнёс распространение двух видов печатных материалов: партийные издания (брошюры, листовки, газеты) и местную беспартийную прессу, но которую следовало использовать, в крайнем случае². В общем разделе автор не делал различия между ведением агитации среди различных слоёв населения. В предвыборной агитации рекомендовалось уделять больше внимание устной пропаганде, в ведении которой участвуют, кроме членов партии, выборщики, и предполагаемые кандидаты. Причём разъяснительную работу предполагалось вести на избирательной платформе, а так же на выявлении отношения кадетов к другим партиям и группам, с выяснением недостатков конкурентов. Кандидаты и выборщики должны были выступать с речами на совещаниях избирателей программного и тактического плана. В своём выступлении Гессен призывал развернуть активную агитацию среди крестьян³. В предвыборной пропаганде оратор выделил разъяснительную работу, в которой не допускается неточная информация. Крестьянским избирателям она должна предлагаться в виде дополнительных знаний, готовя их таким образом к восприятию предвыборных речей; с другой стороны в материалах агитаторов, допускалась «приукрашивание», включение в программу «броских» положений. Столь подробная инструкция свидетельствует о попытке создания руководством кадетов избирательной технологии и апробации её на выборах в первую Государственную думу. В ходе избирательной кампании центром её становятся собрания выборщиков, на которых особое внимание предлагалось уделять крестьянам⁴. Таким образом, на втором съезде руководством партии была разработана серия избирательных установок, которые классифицировались (в зависимости от ситуации) на агитацию общую и предвыборную. В системе они образуют своеобраз-

ную предвыборную технологию по привлечению голосов крестьянских избирателей.

В Костромской губернии группа партии конституционных-демократов образовалась 22 декабря 1905 г.⁵. Выступая на втором съезде партии, один из лидеров группы, З.Г. Френкель, помимо общих политических установок, включил в своё выступление, ряд пожеланий избирателей – крестьян: «Государственная Дума должна принять временные меры: пересмотра бюджета, уничтожение косвенных налогов на предметы первой необходимости; передачи органам самоуправления средств, необходимых для введения всеобщего обучения в ближайшем учебном году...»⁶. Таким образом, костромская группа шла в русле принимаемой съездом избирательной платформы.

Проблема работы среди крестьян, а так же программа организации избирательной комиссии в Государственную думу обсуждалась на общем собрании членов партии 2 января 1906 г. С 22 декабря 1905 – 2 января 1906 г. костромскими кадетами было проведено пять крестьянских собраний в ближайших от губернского центра селениях: в с. Шунге два, в с. Минском – одно и в с. Пушкине – два⁷. В Шунге выступали И.В. Шулепников, А.В. Перелешин и Голованников, в с. Пушкине – З.Г. Френкель, в с. Минском – Н.А. Огородников⁸. А.С. Дурново сообщил на собрании о своей деятельности в посёлке Большие Соли, где были сильны среди крестьян черносотенные идеи. Здесь крестьяне выступали против «того, чтобы идти в Думу»⁹. Н.А. Огородников рассказал, также об агитации среди крестьян в с. Майдаков Юрьевоцкого уезда¹⁰. В тоже время местная кадетская печать отмечала, недостаточные усилия партии в ряде уездов губернии, а так же пассивность некоторых членов партии, не желающих вести систематическую работу среди крестьян¹¹.

В январе – феврале 1906 г. кадетские агитаторы совершали новые поездки в уезды Костромской губернии, в связи с желанием крестьян получить разъяснения по волнующим общественно-политическим вопросам¹². В целом ряде случаев, крестьяне сами обращались к членам партии с просьбой приехать к ним, чтоб «поговорить с мужичками обо всех нуждах»¹³. Потребность в разъяснении видения партией решения земельного вопроса была такова, что крестьяне брались доставить агитаторов в сельскую местность на лошадях за свой счёт.¹⁴ Местный отдел партии, часто не мог удовлетворить потребность крестьян в агитаторах и пропагандистах. Таким образом, к весне 1906 г. среди сельского населения значительно возрос интерес к происходящим в стране политическими процессами и созыву Государственной думы, что проявляется в обращениях к местным комитетам о разъяснении политической ситуации в стране, приглашении к себе агитаторов, содействие в их доставке на встречу с избирателями.

Агитаторов и лекторов крестьяне встречали по-разному. Так, приехавшего в конце декабря 1905 г. лектора в одну из деревень Костромского

уезда «крестьяне приняли превосходно, в вопросах к нему и в своих репликах обнаружили в полнее сознательное отношение и глубокий интерес к затронутым им вопросам»¹⁵. Но были примеры и другого рода. З.Г. Френкель вспоминал, как «на собраниях, в с. Шунге, с. Самети, где приходилось выступать; черносотенные группы угрожающе собирались у избы, где шло собрание, бросали в стены камни, но разбегались, когда участники беседы организованно выходили, чтобы дать им отпор»¹⁶. В то же время были деревни, считавшие партию Народной свободы «нашей партией»¹⁷. Следовательно, восприятие агитаторов – кадетов крестьянами было в каждой деревне разное, но всегда заинтересованное в решении вопроса о земле.

На собраниях крестьяне затрагивали и другие вопросы. В беседе с земским деятелем А.В. Перелешиним в с. Яковлевском, Шунгенской волости оратор затронул вопрос о порядке выборов в Государственную думу. В последовавшем обмене репликами с крестьянами лектор не смог дать удовлетворяющих слушателей ответов, заявляя лишь, что «крестьян в думе будет «большинство» (около 100 человек)»¹⁸. В последующем был поднят также вопрос о налогах, о которых представлявший кадетов А.В. Перелешин только упомянул. В то же время, вопрос о земле, по просьбе священника, вообще не затрагивался, по причине того, что «крестьяне о земле знают нынче больше, чем о Государственной Думе»¹⁹. Один из лидеров кадетов Костромы выражал намерение ещё раз приехать в деревню и побеседовать, но крестьяне увидели в этом стремление воспользоваться их голосами для собственной саморекламы, припомнив в то же время, одному из руководителей губернского земства о фактическом отказе решить неотложный вопрос обеспечения больничного обслуживания крестьян в прошлые годы²⁰. Таким образом, отношение крестьян к проводимой агитации было различным, что связано с наличием в ряде селений весомого числа образованных крестьян²¹; воздействием на крестьян других конкурирующих политических партий; а так же результатами работы кандидатов в предшествующее время.

Тем не менее, интерес сельских избирателей к либеральным идеям свидетельствовал о широком распространении среди крестьян листовок и брошюр революционных и антиправительственных партий. Агитация проникла и в отдалённые восточные части губернии. Так, в Ветлужском уезде крестьяне знакомились с популярными изданиями кадетов: «Донская речь», «Колокол»²²; В других местах рассказы из русской истории, опубликованные в «Донской речи» выучиваются, как акафисты (хвалебное песнопение)²³. За распространение либеральных изданий крестьяне подвергались полицейским гонениям и административной высылке. Так, по свидетельству кадетской печати, ряд крестьян было арестовано по распоряжению министра внутренних дел, были высланы в Вологодскую губернию²⁴.

Одним из следствий успешного ведения агитационной работы в деревнях стало образование в волостях кадетских партийных организаций.

8 января 1906 г. в селе Писцово Нерехтского уезда состоялось первое организационное собрание Писцовского отдела конституционно-демократической партии. В отдел партии записалось 15 человек, среди них девять рабочих местной фабрики, остальные крестьяне²⁵. В данном уезде отмечается так же, деятельность Русской народной партии (черносотенцы – И.С.). В Кулиго-Марьинской волости Нерехтского уезда (председатель крестьянин Н.А. Кузнецов) группа партии Народной свободы была образована в начале 1906 г.²⁶ В волости Н.А. Кузнецов проводил собрания, читал листовки и брошюры «о чиновниках и народном правлении»²⁷. Агитационную деятельность кадеты проводили в с. Майданы Юрьевецкого уезда. Как следствие у одного из членов группы крестьянина Д.И. Хронова в начале марта 1906 г. был произведён обыск²⁸. В целом к 23 февраля 1906 г. образовалось 11 уездных комитетов²⁹, т.е. кадетские организации охватили в 90% уездов Костромской губернии. Всё это, свидетельствует о популярности либеральных идей среди сельского населения весной 1906 г.

В конце марта – апреле 1906 г. прошли выборы в Государственную думу. В г. Плесе и в ближайших волостях выборы уполномоченных закончились следующим образом. В Кузнецовской волости выбраны крестьяне «средней зажиточности», живущие на местной фабрике; один из них, сочувствующий конституционно-демократической партии, а другой – бывший волостной старшина. В Одолевской волости выбран крестьянин – «сознательный кадет». В Ногинской волости выбран крестьянин – «член торгово – промышленной партии», председатель волостного суда. В Оструевской волости – «хороший человек», крестьянин, бывший волостной старшина, на фабрике Дородного в с. Ярославском был выбран от рабочих Дубарин, член конституционно-демократической партии³⁰. От рабочих фабрики Сидорова – сочувствующий конституционно-демократической партии³¹. Таким образом, в данной местности было выбрано четыре кадета или им сочувствующие, один от торгово-промышленной партии четыре выборщика неопределившихся взглядов. Из четырёх выбранных кадетов – два крестьянина. В Ветлужском уезде было выбрано пять выборщиков – кадетов, из них два крестьянина Гусев и Исабаров³².

З.Г. Френкель в воспоинал любопытный эпизод в отношении крестьянских избирателей: «в день заключительного заседания губернского съезда выборщиков рано утром ко мне на квартиру неожиданно пришла группа, человек семь – восемь, пожилых крестьян – выборщиков от более далёких уездов – Кологривского, Макарьевского и других, и один из них от имени всей группы обратился ко мне, с пожеланием о том, что они хотели бы меня выбрать в члены Государственной думы, так как, слушая выступления на съезде, они увидели, что я понимаю народные нужды и крестьянское дело. Но крестьяне высказали свои сомнения З.Г. Френкелю:

«вот говорят, что ты еврейского происхождения. Не томи наши души, скажи: жид ты или не жид?»³³. Ответ З.Г. Френкеля вполне удовлетворил крестьян и их голоса стали решающими в выборах его депутатом Государственной думы.

На последнем этапе выборов голоса избирателей распределились так: А.И. Смирнов, получил записками 77; затем кадеты: П.А. Сафонов – 63; Н.А. Огородников – 62; И.В. Замыслов – 59; З.Г. Френкель – 51³⁴. От Юрьевоцкого уезда партию Народной свободы представлял кадет П.В. Юницкий, в тоже время депутатом от крестьян стал П.Д. Горохова. Таким образом, из шести членов Государственной думы кадетами являлись четверо: И.В. Замыслов, Н.А. Огородников, П.А. Сафонов, З.Г. Френкель; П.Д. Горохов – беспартийный, А.И. Смирнов – трудовик, позднее социал-демократ³⁵. Следовательно из крестьян от кадетской организации был избран И.В. Замыслов (1874-1938): русский, православного вероисповедания, из д. Прудовка Благовещенской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. Окончил земскую начальную школу. Председатель Совета ссудо-сберегательного товарищества. Кандидат в волостные старшины. Церковный староста. Стронник широкого народного просвещения, построил в с. Благовещенское Варнавинского уезда школу, народный дом с библиотекой, больницу. Член Конституционно-демократической партии с 1905 г.³⁶

В тоже время в соседних губерниях был получен следующий результат. В Ярославской губернии из пяти депутатов – четыре члена конституционно-демократической партии. Из четырёх депутатов – кадетов все дворяне, и лишь один крестьянин – беспартийный из Ростовского уезда³⁷. Во Владимирской губернии из шести депутатов – кадетов трое. Из трёх депутатов – двое выбраны из Владимирского уезда и лишь один из Александровского (ближе к Москве) уезда. Из них, двое дворяне, и один мещанин. Трое остальных, первый крестьянин – беспартийный; второй мещанин – левее «Союза 17 октября» и правее кадетов и наконец третий крестьянин – социалист³⁸.

Таким образом, одной из важнейших проблем, в период выборов в первую Государственную думу для партии Народной свободы, являлась борьба за крестьянских избирателей. С этой целью, на втором съезде партии была принята и впоследствии апробированная в ходе выборов в первую Государственную думу своеобразная предвыборная технология, предусматривавшая как устную, так и печатную пропаганду среди крестьян. Следствием активной агитации и пропаганды партии кадетов среди сельского населения стало образование в Костромской губернии многочисленных уездных и волостных партийных организаций, что способствовало проведению кадетами на выборах в Государственную думу по Костромской губернии четырёх кандидатов. Один из депутатов – И.В. Замыслов представлял в составе кадетской фракции крестьян Костромской губернии.

В целом за Конституционно-демократическую партию на выборах в Государственную думу было подано до 60% голосов избирателей Костромской губернии.

¹Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М., 1983, Щербина А.В. Аграрная программа конституционно – демократической партии. Диссер. канд. истор. наук. Р.-на-Дону, 1993, Селезнёв Ф.А. Конституционные демократы, предприниматели и проблема введения 8-часового рабочего дня (1905 – 1907 гг.) // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке. Кострома, 2007 и др.

²Второй съезд конституционно – демократической партии 5 – 11 января 1906 г. / Съезды и конференции конституционно – демократической партии 1905 – 1907 гг. М., 1997. Т.1. С. 123.

³Там же. С. 124.

⁴Там же.

⁵Костромская жизнь. 9 января 1906. №1.

⁶Второй съезд конституционно – демократической партии (5 – 11 января 1906 г.) / Съезды и конференции конституционно – демократической партии. М., 1997. С. 110.

⁷Костромская жизнь. 9 января 1906. №1.

⁸Костромской листок. 4 января 1906. №4.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Костромская жизнь. 9 января 1906. №1.

¹³Там же.

¹⁴Речь. 23 февраля (8 марта) 1906. №1.

¹⁵Костромской листок. 30 декабря 1905. №130.

¹⁶Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 196.

¹⁷Речь. 23 февраля (8 марта) 1906. №1.

¹⁸Костромской голос. 22 февраля 1906. №25

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

²¹Костромская губерния в 1904 г. находилась на четвёртом месте по числу грамотных крестьян призываемых на военную службу (74%), после Ярославской, Московской и Владимирской губернии. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начала XX века) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 650.

²²Костромской голос. 4 февраля 1906. №12.

²³Костромская речь. 29 марта 1906. №12.

²⁴Вестник партии народной свободы. 19 марта 1906. №4. С. 219.

²⁵Костромская жизнь. 11 января 1906. №3.

²⁶Речь. 9(22) марта 1906. №15.

²⁷Там же.

²⁸Вестник партии народной свободы. 19 марта 1906. №4. С. 209.

²⁹Там же.

³⁰Там же.

³¹Вестник партии народной свободы. 28 марта 1906. №5. С.301.

³²Речь. 10(23) марта 1906. №16.

³³Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 196.

³⁴Поволжский вестник. Пробный номер. 29 марта 1906.

³⁵Государственная дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. – М., 1906. С. 36.

³⁶ Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917 гг. Энциклопедия. М., 2006. Т.1. С. 213.

³⁷Там же. С. 94.

³⁸Там же. С. 12.

Социальное самочувствие рабочих Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны

Сокращение промышленного производства в ряде отраслей, разруха на транспорте, продовольственный и финансовый кризис не могли не сказаться на социальном самочувствии рабочих в годы первой мировой войны.

Дороговизна и недостаток продовольствия, чрезвычайно усилившиеся в годы войны, особенно в 1917 г., в первую очередь, отражались на рабочих и их семьях. В феврале 1917 года иваново-вознесенский полицмейстер доносил Владимирскому губернатору о том, что «в г. Иваново-Вознесенске в настоящее время полное отсутствие муки, крупы, пшена и всех других продуктов продовольствия. У торговых лавок стоят колоссальные хвосты. Прибывшие на днях несколько вагонов ржаной муки быстро были расхвачены. Подвоз муки в город опять прекратился»¹. Еще более тревожные сведения сообщил начальник Владимирского ГЖУ в донесении от 21 февраля 1917 г.: «В г. Иваново-Вознесенске в настоящее время совершенно иссякли запасы муки... Пекарни, ввиду этого, хлеба не выпекают. На некоторых фабриках единичные рабочие обращаются к хозяевам с просьбой дать хлеба, т.к. от голода они не могут работать»².

Иваново-Вознесенск не являлся исключением. В других местах Владимирской губернии положение с продовольствием также было критическим. Помощник начальника Владимирского ГЖУ докладывал 23 января 1917 года, что вследствие недоедания на Морозовских фабриках смертность рабочих значительно увеличилась, а больницы настолько переполнены, что на одной койке лежит по 2-3 человека. На фабрике Викулы Морозова хлеба хватит еще только на три дня. Положение на этой фабрике становится критическим, т.к. там давно нет крупы и других продуктов»³. На фабрике А. Каретниковой в Тейкове от имени правления 20 февраля 1917 года было вывешено объявление «о временном прекращении отпуска из фабричного лабаза продовольственных продуктов, ввиду их отсутствия»⁴. Ярославский губернатор отмечал в феврале 1917 года, что «положение у нас совершенно плохо», что нужны не «мероприятия» и «бумагомарание», а хлеб. Губернатора беспокоил голод фабричного населения и его последствия. Он писал, что от голода дохли лошади у стражников, и возникла угроза недоедания самих стражников, которые призваны были блюсти спокойствие народа»⁵.

Еще одним важным показателем социального самочувствия рабочих была продолжительность рабочего дня. Рабочий день, который в русской

¹ © Т.В.Белова, 2010

промышленности до войны был самым продолжительным в мире, в годы первой мировой войны еще более увеличился. Ряд исследователей, в частности, К.А. Пажитнов, Л.С. Гапоненко пишут, что рабочий день в годы войны был удлинён в 1,5 раза и доходил до 18 часов в сутки⁶.

По данным Московского общества заводчиков и фабрикантов продолжительность рабочего дня в октябре 1915 года на предприятиях Московского промышленного района была следующей:

Продолжительность рабочего дня в час.	Количество предприятий	Количество рабочих	в % к общему числу
до 8	5	5598	2,2
8 – 8,5	9	3006	1,2
9 – 9,5	92	46051	17,8
10	253	182042	70,3
свыше 10	31	22469	8,7

Таблица составлена по данным: Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. 1915. №11 – 12. С. 14-15.

Таким образом, работавших свыше 9 часов было 89,5%. Преобладающим был рабочий день в 10 – 10,5 часов. Продолжительность рабочего времени увеличивалась также за счет распространения в годы войны сверхурочных работ, которые, как отмечала фабричная инспекция Владимирской губернии, «на практике всегда являются обязательными для рабочих»⁷. По ее данным в течение всей войны сверхурочные работы в праздничные и выходные дни по 7–9 часов практиковались на конце-отбельной фабрике Д.Г. Бурьлина в Иваново-Вознесенске (при 10-часовой ночной и 11,5-часовой дневной работе в обычные дни). На ремизо-бердочном заводе Калашникова в Иваново-Вознесенске сверхурочные работы имели место по 3–4 дня в неделю по 3,5 часа (кроме 10,5 часов обычной работы), т.е. рабочий день в эти дни удлинялся до 14 часов. Широкое распространение сверхурочные работы получили также на фабриках Фокиных, Витовой, Н. Гарелина, Иваново-Вознесенской мануфактуре⁸.

Сверхурочные работы, разумеется, увеличивали заработок рабочих. Но это повышение, во-первых, скрывало истинный, чрезвычайно низкий уровень заработной платы рабочих при «нормальной» работе, тем самым иногда давая возможность избежать ее увеличения. Во-вторых, заработок увеличивался за счет переутомления и истощения сил, за счет здоровья рабочих.

На здоровье рабочих, особенно подростков и женщин, не могла не отразиться продолжительная работа на фабриках, которые и до войны отличались антисанитарным состоянием, и условия труда на которых в годы войны не изменились в лучшую сторону. Каменные полы, которые были на большинстве фабрик, являлись причиной ревматических заболеваний рабочих, вынужденных работать босиком или в легкой обуви. Значитель-

ной части рабочих даже днем приходилось работать при плохом освещении.

Очень вредно на здоровье рабочих отражалась работа с пряжей, пропитанной анилиновыми красителями. Ткачи по причине несовершенства конструкции должны были непрерывно продувать челнок, и анилиновая пыль, скопившаяся здесь, попадала на десны, в горло, в глаза, что вызывало тяжелые заболевания и массовые отравления рабочих⁹. Фабричный инспектор писал об условиях работы на фабрике Д.Г. Бурылина следующее: «Работы эти по своей сущности и по антисанитарному состоянию фабрики вредны для здоровья рабочих»¹⁰. На ситцевой фабрике А.Н. Гандурина в Иваново-Вознесенске отсутствие вентиляции и невыносимая жара до 40 град. были причиной отравления 12 женщин в июле 1915 года, трое из которых были отправлены в больницу¹¹.

О неудовлетворительном состоянии техники безопасности на предприятиях региона свидетельствует статистика несчастных случаев. На фабриках и заводах Иваново-Вознесенска, по подсчетам В.Я. Лаверычева, процент несчастных случаев от общего числа рабочих города составлял: в 1913 году – 4,9; в 1915 году – 5,2; в 1916 – 5,9. Особенно значительно увеличивается травматизм детей и подростков. В 1915 году детей и подростков среди рабочих Иваново-Вознесенска насчитывалось 7,2%, а несчастные случаи среди них составляли 13,8% общего числа производственных травм¹².

В годы войны увеличивается и процент рабочих, страдавших различными профессиональными заболеваниями, растет смертность среди рабочих. По отчету больничной кассы Большой Костромской льняной мануфактуры на предприятии в 1916 году умер 51 человек, в том числе 31 человек – от туберкулеза и других легочных заболеваний. Около половины – 24 рабочих – умерли в возрасте от 12 до 35 лет. За 1917 год из 7439 рабочих болело около 5 тысяч человек, причем более 70% среди заболевших были молодые люди в возрасте от 12 до 35 лет. Значительная часть рабочих страдала кожными, желудочно-кишечными, легочными заболеваниями, малокровием. Если в 1914 году туберкулезом и легочными болезнями страдали 8,5% рабочих, то в 1917 году – 16%. Смертность в 1917 году по сравнению с 1916 годом увеличилась на 69%. Причиной этого было то, что к тяжелым условиям труда на фабрике добавилось недоедание, ухудшение качества питания, что снижало сопротивляемость организма. Очень высокой была детская смертность. В 1916 году у рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры умерло 239 детей, в их числе 164 ребенка в возрасте до 1 года. В 1917 году умерло 285 детей или на 19,25% больше, чем в 1916 году. Причиной смерти грудных детей были, главным образом, желудочно-кишечные инфекции – 61,1%¹³.

Скученность и антисанитарные условия, в которых жили рабочие, являлись причинами возникновения эпидемий. Врач-эпидемиолог г. Ива-

ново-Вознесенска в докладе врачебно-санитарной комиссии писал: «Что касается причин распространения заболеваний именно в этих центрах, то при посещении квартир этих центров (Дмитровка, Посад, Ямы, Хуторово и др.) невольно приходишь к убеждению, что главнейшей, если не единственной причиной являются исключительные антисанитарные условия жизни обитателей их. Главнейшим элементом, заболевающим острозаразными заболеваниями является местный фабричный люд, безусловно, более бедный класс населения, живущий наиболее скученно и антигигиенично»¹⁴. Только в мае-октябре 1915 года в г. Иваново-Вознесенске было зафиксировано 471 заболевание инфекционными болезнями, в том числе 125 – дизентерией, 28 – тифом и 5 – холерой¹⁵.

Ухудшилось в годы войны медицинское обслуживание рабочих. Хотя ассигнования на медицинское обслуживание увеличилось, но они сильно отставали от роста цен на медикаменты, продукты, от увеличения расходов на заработную плату медицинского персонала. Если в 1913 году фабриканты г. Иваново-Вознесенска расходовали на медицинское обслуживание рабочих 205266 рублей, то в 1915 году – 250696 рублей и в 1916 году – 373866 рублей¹⁶. С учетом инфляции эти расходы на медицинское обслуживание рабочих были явно недостаточными.

В годы войны никаких специальных обследований жилищ рабочих не проводилось. Однако, бесспорно, что с ростом нехватки жилья увеличивался износ помещений, произошло и общее ухудшение жилищных условий. Рабочие и их семьи жили в разных условиях. Одни жили в своих домах, другие на квартирах, нанимаемых у частных лиц, третьи – «в углах» и «на койках», четвертые – в фабричных казармах. Основная масса рабочих жила в наемных квартирах и углах. Эта часть рабочих, по данным бюджетных обследований, составляла в крупных фабричных центрах (с. Середа) около 50%, в городах – до 80%¹⁷. Как правило, отдельную комнату снимали только семейные рабочие. Одинокие же рабочие, в подавляющем большинстве, снимали угол или койку. При более чем скромных жилищных условиях, плата за жилье была и до войны очень высокой. За годы войны ее доля в месячном заработке рабочих увеличилась примерно в полтора раза.

Таким образом, положение рабочих региона, как и в России в целом, характеризовалось резким падением реальной заработной платы, дальнейшим усилением интенсификации их труда, увеличением сверхурочных работ, ухудшением питания рабочих, жилищно-бытовых условий, медицинского обслуживания. Это явилось главной причиной усиления стихийного недовольства рабочих. Именно на этой почве разворачивается массовое рабочее движение как в стране в целом, так и в регионе Верхнего Поволжья.

¹ Иваново-Вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Иваново, 1947. С. 48

² ГАВО. Ф. 704. Оп.1. Д. 1020. Т. 2. Л. 410

-
- ³ ГАРФ. Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 126. 1917. Д. 11. Ч.2. Л.6
⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп.5. Д. 3540. Т. 2. Л. 41
⁵ ГАРФ. Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 126. 1917. Д. 90. Ч.2. Л.9-11
⁶ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 3. Л., 1924. С. 40-41. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1979. С.200
⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп.1. Д. 1470. Л. 3-4
⁸ Лаверычев В.Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны 1914 – феврале 1917 г. М., 1957. С. 59
⁹ ГАВО. Ф. 266. Оп.1. Д. 4887. Л. 5-6
¹⁰ Там же. Д. 4870. Л. 3
¹¹ Там же. Д. 4887. Л. 3-4
¹² Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 52
¹³ Отчеты больничной кассы при фабриках Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры за 1914, 1916 и 1917 годы. Кострома, 1915, 1917, 1918. С. 15, 11, 5.
¹⁴ Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 63-64
¹⁵ Там же. С. 64
¹⁶ Там же.
¹⁷ Условия быта рабочих в дореволюционной России. М., 1958. С. 116

Л.И. Сизинцева

«Тетради рассказов» музейных экспедиций 1950-60-х гг. как источник по истории самоощущения дореволюционных рабочих.

Увлечение устной историей – веяние последнего времени. Однако уже в 1950-х гг. по инициативе Государственного исторического музея начались экспедиции с целью тематического комплектования фондов. Причиной тому стала необходимость построения экспозиций, посвященных периоду капитализма в России, – и их необеспеченность музейными предметами. Были организованы Донбасская (1952) и Сормовская (1953) экспедиции. По инициативе сотрудницы музея Э.С. Коган помимо обычных перечней собранных предметов (коллекционных описей), участники экспедиций вели «книги рассказов». «В итоге, – констатировала А.Я. Закс, – музей стал обладателем бесценной коллекции мемуаров рабочих»¹.

Исторический музей был всероссийским методическим центром, поэтому его опыт получил распространение и в провинциальных музеях, столкнувшихся с той же неполнотой фондовых предметов и информации. Зимой 1960-61 гг. сотрудники Костромского музея-заповедника Н.Н. Яблокова (заведующая историческим отделом), Ю.Г. Шереметева и Устинова предприняли экспедицию по фабричному району Костромы. Поводом стало предоставление музею зданий Ипатьевского монастыря. Необходимо было строить новые краеведческие экспозиции, в числе которых должны были находиться разделы, посвященные развитию капитализма и империализма в крае. В фондах же музея, основание которых было заложено

¹ © Л.И.Сизинцева, 2010

жено собраниями Костромской ученой архивной комиссии и Костромского научного общества, предметы для этих разделов отсутствовали.

Сотрудницы музея получили на комбинате им. В.И. Ленина (бывшей Большой Костромской льняной мануфактуре) адреса старожилов, активистов партийной и профсоюзной работы, и отправились к ним в надежде найти предметы для включения в экспозицию. Однако необходимость записи рассказов сдатчиков уже к тому времени прочно вошла в обиход музейщиков. Поэтому тетрадь рассказов приложена и к коллекционной описи КОК 16326².

Это общая тетрадь в коричневом коленкоровом переплете, в которой заполнен 51 лист. Листы не нумерованы, поэтому и в тексте статьи отсылка будет делаться к номеру рассказа. В историческом отделе Костромского музея-заповедника до переезда из Ипатьевского монастыря хранился черновик этих записей, отличавшийся от белого варианта лишь большей небрежностью, вполне объяснимой необходимостью записи с голоса, и многочисленными грамматическими правками.

Рассказ № 1 был записан 24 ноября 1960, а последний, № 30, – 8 февраля 1961, так что на работу в этом направлении ушла вся зима. Практически все опрошенные жили в фабричном районе.

Запись интервью велась от руки, поэтому информация фиксировалась в третьем лице короткими предложениями, передавалось только основное содержание рассказанного. Формуляр включал дату записи, адрес, фамилию, имя, отчество и год рождения, в редких случаях прямого цитирования текст заключался в кавычки. Схема рассказа представляла собой биографию информанта, начиная с вопросов о происхождении, времени и причине прихода на фабрику. Размеры записи колебались от одного – двух абзацев³ до 6,5 страниц⁴.

Текст позволяет судить о том, что особый интерес у интервьюеров вызывали вопросы тяжелого положения рабочего класса, – условия труда, заработная плата, спаивание рабочих, притеснения начальства, наказания, революционная борьба. Одним из вопросов было отношение к представителям администрации, специально выявлялись знакомства с известными революционерами (об этом можно судить по фразам вроде «фамилий Семенова и Буянова не слышал»). Спрашивали, что нового внесла в жизнь рабочих революция.

Одним словом, ожидалось подтверждение официальной партийной установки: все, что было до революции, – было плохо, поэтому широкое распространение и получили разные формы классовой борьбы. Некоторые информанты охотно отзывались на негласный призыв, оперировали «новоязом»: «Фабричные лабазы угнетали женщин»⁵. Однако, далеко не все стремились к этому, и, если полученная информация не совпадала с установкой, то она все равно фиксировалась, что позволяет говорить о стремлении к объективности записи.

В случае, когда по особым обстоятельствам жизни информант мог сообщить нестандартную информацию, ее тоже записывали. Так, А.С. Козловский (1884 г.р.)⁶ сообщил только даты строительства различных корпусов фабрики, как до его появления на БКЛМ в качестве строителя (1903 г.), так и позже, до 1915 г. включительно. Больше никаких вопросов ему и не задавали. От Е.С. Булкиной 1883 г.р. была записана информация о её деде, который был крепостным и натерпелся от злобной барыни. А.В. Морозова⁷ подробно рассказала о работе официанткой в чайной «Колпаки». Однако подобные отступления были единичными.

В двух случаях⁸ информация была получена от внучки и вдовы. Однако и в некоторых других случаях записывались рассказы о родителях и дедах, если они тоже работали на фабрике. 12 опрошенных были первым поколением, вышедшим из деревни, остальные пришли на фабрики вслед за родителями.

Из 30 опрошенных было 12 мужчин, остальные – женщины. Самой старшей из информантов, Е.Н. Шумиловой, был 81 год⁹. Самая молодая, Н.Н. Ступишина (Веселова)¹⁰, родилась уже в советские годы (вероятно, поэтому год рождения при записи не был указан), она работала на фабрике в 1932-37 гг. после окончания текстильного техникума. Обращение к ней было связано с тем, что на БКЛМ работали её дед, С.Т. Веселов, о котором она сообщила любопытные сведения, и её отец.

Большая часть информантов родилась около 1890-го, плюс-минус три года, в 1917 г. они были сравнительно молоды – до 30-ти лет. Вероятно, именно поэтому наиболее яркими воспоминаниями были приход на фабрику, обучение в фабричном училище, связанное с его окончанием повышение по службе.

Для девочек из деревни трудовая жизнь начиналась с того, что их отдавали в город в няньки¹¹. При этом работа на фабрике была настолько желанна, что в ряде случаев уговаривали священников приписать возраст¹².

В случае с потомственными рабочими часто упоминание о том, как на работу из деревни везли на санках и потеряли по дороге¹³. Вообще, маленькие дети и до официального введения ограничений по возрасту в цехах не приветствовались. Так, С.В. Комаров (1891 г.р.) рассказывал о матери, которая пошла на работу на Михинскую фабрику шести лет: «Михин не любил маленьких, поэтому ей приходилось при его появлении прятаться под подол работниц»¹⁴.

Мальчики обычно устраивались съемщиками, – самый легкий труд, не требовавший квалификации. Большой проблемой для детей было не заснуть между съемами. Если это не получалось, то задремавших наказывали, на Зотовской фабрике били ногайками¹⁵, на Кашинской употребляли штрафы, а иногда просто таскали за уши¹⁶, что детей впечатляло значительно больше. Расшалившись, они начинали бросаться катушками, если разбивали стекла, – следовал штраф¹⁷.

В воспоминаниях постоянно упоминаются случаи перехода с одной текстильной фабрики Костромы на другую. Для молодежи, детей и подростков часто определяющим мотивом были условия обучения в фабричном училище. Так, в одном случае переход из одного учебного заведения в другое объяснялся тем, что там давали сайку на завтрак¹⁸. Взрослые чаще соблазнялись более высокими заработками.

Но перевод из школы в школу обозначал и переход с одной фабрики на другую. Именно эти обстоятельства обеспечивали конкуренцию между владельцами предприятий, старавшихся устроить при фабрике училище более высокого уровня, дающее льготы по воинской повинности, или обеспечивающее дополнительные возможности для получения новой специальности или ремесла.

Школа обеспечивала карьерный рост, служила «социальным лифтом». На фабрике Третьяковых «окончившим успешно это училище давали любое место на фабрике»¹⁹, выпускников принимали в любой цех, по желанию подростка. Училище считалось двухклассным, но обучение продолжалось в течение 5 лет, три года в первом классе и два во втором. Желающие могли продолжать обучение в средних и высших учебных заведениях, рассчитывая на стипендию от предприятия.

Третьяковы гордились кадрами, возвращенными на фабрике. В юбилейном очерке отмечалось: «Некоторые из окончивших школу получают дальнейшее образование (директор прядильни инж.-техн. Федор Иванович Перунов также воспитанник фабричной школы), а обычно, оставаясь работать на фабрике же, они занимают места средних и низших служащих»²⁰.

Однако не только успешная учеба могла стать началом «пути наверх». В этом отношении примечательна судьба Семена Тарасовича Веселова. В ходе той же экспедиции 1960-61 гг. в фонды музея-заповедника была принята рукопись, где С.Т. Веселов отмечал ежегодный рост своего жалования с момента поступления на фабрику в 1870 г. ночным смотрителем, когда он получал 25 р. в месяц. Последней датой, отмеченной в рукописи, стал 1896 г. с жалованьем 185 р.²¹ Подробно были записаны все имена его непосредственных руководителей, знаки внимания со стороны владельцев фабрики. Сама рукопись – памятник самосознания рабочего, который «сам себя сделал».

По сведениям, сообщенным его внучкой, Н.Н. Ступишиной, дед «путем повышения стал работать заведующим прядильным отделом. Был изобретателем и получал 600 руб. в месяц»²² В юбилейном очерке 1911 г. о механической мастерской БКЛМ было написано: «своими силами, благодаря таланту и энергии своего прядильного мастера, Семена Тарасовича Веселова, она выпустила целую фабрику вполне достаточных размеров»²³. В завещании П.М. Третьякова ему было отказано пять тысяч рублей²⁴.

Любопытна в этой связи одна запись, отголосок обиды слесаря А.Ф. Косопанова, запомнившей его сыну: Веселов изобрел ватер, полу-

чил медаль «За труд и искусство», а слесарь, делавший машину – только 100 рублей. Это казалось несправедливым²⁵.

На фабрике же работали дети и внуки Семена Тарасовича. Но рабочие позже вспоминали: «Н.С. Веселов был грубоват. Если провинится мастер, мог дать ему пощечину. Во время обхода Веселов давал подзатыльники. Отец Николая Семеновича был грубее»²⁶, – последнее утверждение расходилось с другими воспоминаниями: «Хорошим был [С.Т.] Веселов, сын его, Н.С. Веселов, – хуже, сердитый»²⁷.

Сравнение было особенно явным, когда сравнивать приходилось представителей двух поколений одной семьи руководителей. Ткацкой и отбельной фабриками БКЛМ заведовали отец и сын Полкановы. Рабочие вспоминали: А.В. Полканов «был сердитый, но отходчив»²⁸, «был хорошим, сын [К.А.] – хуже. [...] [А.В.] Полканов по происхождению из простых, но хорошо правил людьми, поэтому пробился к руководству»²⁹.

В.В. Александров вспоминал, как его мать, работница фабрики, два месяца пролежала в больнице. «Детям питаться было нечем. [...] [А.В.] Полканов [...] выписал 10 руб. И их не вычитал»³⁰. П.А. Аминеву помог тем, что «по просьбе отца [...] помог устроить его в контору, принимать товары от ткачей»³¹. А.Н. Колобова вспоминала, что после забастовки её не хотели брать снова, «но [А.В.] Полканов был хороший, на работу взял»³².

Стиль руководства, в том числе и в системе среднего звена, которое составляли помощники мастеров (рабочие называли их «погонялами»), при Третьяковых был патерналистским (характерные физические наказания – подзатыльники, драные уши, между прочим, вполне укладывались в эту систему), но со сменой поколений он становился жестче, заменялись штрафами. Рабочие скорее прощали горячность и отходчивость, нежели попытки манипуляции при помощи обмана.

Более всего нареканий вызывала деятельность В.А. Шевалдышева, зятя Третьяковых, человека на фабрике и (в «семье») постороннего³³. Все отмечали его хитрость, умение обмануть рабочих. Особенно обидела фабричных фраза директора, брошенная в ходе одной из забастовок, вероятно, в 1912 или в 1914 г.г. (упоминаются разные даты): «...была забастовка, рабочие требовали повышения зарплаты. Шевалдышев заявил, что накормит их горохом, чтоб не умерли с голоду»³⁴. Потом эту фразу вспоминали многие, в том числе и во время февральской революции, когда он ходил с красным бантом. Зато высоко ценили рабочие А.Н. Третьякову-Шевалдышеву, которая открыла (в новом здании) детские ясли, названные ее именем.

Самих Третьяковых, да и других пайщиков, рабочие видели редко, больше запомнили то, что по смерти их раздавали месячное жалованье. Исключением можно считать воспоминания бывшего бухгалтера БКЛМ, А.Д. Привалова «Третьякова после революции посадили в Петропавлов-

скую крепость. Рабочие написали петицию, и с ней делегация рабочих ездил в центр, чтоб его освободили. Его освободили»³⁵. Речь шла о С.Н. Третьякове, арестованном в качестве члена временного правительства.

Маркетинговая политика в менеджменте Товарищества БКЛМ давала свои плоды. В 1908 г. было проведено статистическое обследование, которое показало: из 6 тысяч работающих на фабрике 40% рабочих и 33,5% работниц имели стаж работы в промышленности свыше 11 лет, причем большая их часть, 30,7% рабочих и 26,6 % работниц проработали свыше 11 лет именно на этом предприятии³⁶. Стабильность кадров способствовала формированию корпоративного сознания. Так, уже в 1960 г. А.И. Пасхин с гордостью отмечал: «Вся семья Пасхиных проработала около 500 лет на фабрике Кашина»³⁷.

Отчасти эти обстоятельства и обусловили то, что предприятие Третьяковых долгое время избегало конфликтов между рабочими и администрацией, хотя начало забастовочного движения на других предприятиях Костромы относится еще к 1870-м гг.

Большевики называли отдельные цеха БКЛМ «костромским Порт-Артуром», поскольку их попытки вызвать там беспорядки неизменно терпели крах³⁸. Е.Н. Шумилова вспоминала, что «забастовку 1912 г. сорвали зарецкие и из дома труда»³⁹, т.е. рабочие деревень за р. Костромой и живущие в сборной Кашинской фабрики, в советские годы получившей название «Дома труда».

1905 год стал переломным в этом отношении, агитаторы (их в рабочей среде звали «политиканами»)⁴⁰ нашли пути воздействия на умы. Тем не менее, сами рабочие останавливать работу не решались, – этим занимались либо мальчишки, работавшие на фабрике (по воспоминаниям, «для мальчишек это было интересно»⁴¹, либо члены социал-демократического кружка. Они просто отключали рубильник и таким образом останавливали станки.

Позже старые рабочие вспоминали: «Зачинщиком забастовок была [Анна] Винокурова (ткачиха лет 45). Она давала сигналы останавливать станки. Часто Винокурову сажали вместе с ребенком (у неё была дочь). [А.В.] Полканов жалел их, и поэтому вновь принимал на работу»⁴² [1, №21].

Большинство рабочих Товарищества были заинтересованы в непрерывной работе предприятия, от которого зависели и их заработок. П.Ф. Семенова вспоминала: «В 1905 г. некоторые ватерщицы не хотели останавливать станки, бросали в зачинщиков рогульками и шайбами»⁴³. Е.К. Рыбина, работавшая на ажурных машинах, говорила, что «во время забастовок они работали. Им часто стучали в дверь, бросали камнями в окно, чтоб они останавливали машины»⁴⁴. Упоминались случаи, когда рабочих из-за станка выводили силой.

Тем не менее, и на Кашинской фабрике отмечались случаи недовольства, в первую очередь их причиной называли штрафы, которые получили распространение благодаря открытиям Ф.У. Тейлора в области регулирования труда (1884 г.). Однако наряду с поощрениями и штрафами эта система предполагала усовершенствование методов, оптимизацию операций. Между тем с организацией труда на БКЛМ дело еще долго обстояло неважно.

И.Д. Зворыкин, в 1913 г. поступивший на прядильную фабрику директором, так рассказывал о своих впечатлениях: «Первый раз, взойдя в помещение геклинг машин, я увидел и удивился, что часть рабочих стоит у машин, а часть валяется на очесе, и я спросил сопровождавшего меня служащего, что это значит. Тот мне ответил: «Это лежаки. Они лежат, а другая часть рабочих стоит у машин. Они станут к машинам, и те лягут. Так и чередуются»⁴⁵. И.Д. Зворыкин, будущий «красный директор», настаивал на интенсификации труда, введении сдельной оплаты, за что его клеймили большевистские листовки.

БКЛМ после 1905 г. захлестнула волна забастовок, сборная стала рассадником революционных идей, там проходили пленарные заседания Совета рабочих депутатов, которые воспринимались как официально разрешенные властями.⁴⁶

Само отношение к деятельности профессиональных революционеров было различным, колебалось от наивного любопытства – до безразличия. Так, Е.Н. Шумилова, оказавшаяся в сфере влияния революционно настроенных рабочих, вспоминала: «Придешь, хочется послушать про большевиков-то, думала, что они большие, Бляхин выступал, а я говорю, ой, какой маленький, а я думала большой»⁴⁷.

Она же вспоминала, что была членом больничной кассы, «но понятия не имела, т.к. была безграмотная». Встречались упоминания о том, что «участвовала в революционной работе механически»⁴⁸, либо вообще не проявляли интереса к этой стороне фабричной жизни⁴⁹. В нескольких случаях упоминается о том, что в рабочее время местом, где можно было отдохнуть, вздремнуть, попеть революционные песни, увидеть листовки – была уборная⁵⁰.

Однако встречались и рассказы о сознательной политической деятельности, особенно подробно освещены забастовки 1912 и 1915 г. В 1915 г. губернатор пытался решить дело мирным путем, уговаривал, но не уговорил. «Стрелять начали черкесы тогда, когда начали подпиливать телеграфный столб, чтоб не сообщили в город о забастовке»⁵¹, учитывая военное время и то, что фабрики выполняли военные заказы, это обстоятельство многое объясняет.

Все закончилось национализацией в 1918 г. и превращением БКЛМ в Первую Республиканскую фабрику.

- ¹ Закс А.Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь. Воспоминания (1905-1963) / Гос. историч. музей. Отв. ред. А.И. Шкурко. В 2-х кн. Кн.2: 1933-1963. М.: ГИМ, 2000. С. 166.
- ² Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.).
- ³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 13, 22.
- ⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 15.
- ⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1.
- ⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 12.
- ⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 16.
- ⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... №13, 14
- ⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи. № 1
- ¹⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 13.
- ¹¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2, 7.
- ¹² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 7, 18, 24.
- ¹³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6, 8, 26.
- ¹⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 17.
- ¹⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ¹⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6.
- ¹⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6.
- ¹⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1.
- ¹⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
- ²⁰ Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преемники Т/Д «Бр. П.и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1911/12. №30 (6). С. 1564.
- ²¹ Веселов С.Т. Рукопись // ГУК КГИАХМЗ. КМЗ КОК 16326/69.
- ²² Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.). № 13.
- ²³ Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преемники Т/Д «Бр. П.и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1911/12. №30 (6). С. 1561.
- ²⁴ Духовное завещание П.М. Третьякова. Москва, 1896 г. сентября 6 дня // Губернский дом. 2006. №6. С. 46.
- ²⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 30.
- ²⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 22.
- ²⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ²⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 7.
- ²⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ³⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ³¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
- ³² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 26.
- ³³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1, 2.
- ³⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ³⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 15.
- ³⁶ Перепись рабочих на одной фабрике в г. Костроме. Кострома, 1910. Цит. по: Обетковский Н.А. Из истории развития промышленности Костромской губернии в начале XX века // Промышленность и пролетариат губерний Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Ярославль, 1976. С. 91.
- ³⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.). № 10.
- ³⁸ 1905 год в Костроме. Кострома : типолит. «Северная правда», 1926. С. 48.
- ³⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1
- ⁴⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 18, 20.
- ⁴¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ⁴² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ⁴³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ⁴⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 20.
- ⁴⁵ Макарьев П.Ф. Иван Дмитриевич Зворыкин – инженер-льнянщик, энтузиаст, изобретатель, его деятельность и наследство. Кострома, 1940. [Рукопись] // ГУК КГИАХМЗ. Научная библиотека. Инв. № 3774.
- ⁴⁶ 1905 год в Костроме. Кострома: типолит. «Северная правда», 1926.
- ⁴⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1
- ⁴⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 27.

-
- ⁴⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
⁵⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6, 16.
⁵¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, к.и.н., доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова

Баранов Андрей Николаевич, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Белов Андрей Михайлович д.и.н., профессор кафедры истории России, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Белова Татьяна Валентиновна, к.и.н., доцент кафедры истории Костромского технологического университета

Берзиньш Янис Петрович, д.и.н., Институт истории Латвии г. Рига

Бородкин Леонид Иосифович, д. и. н., профессор, зав. кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Глазунов Сергей Радиславович, к.и.н., доцент кафедры истории России Владимирского государственного гуманитарного университета

Карнишин Валерий Юрьевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета

Карнишина Наталья Геннадьевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета

Лебедев Антон Вячеславович кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Марасанова Виктория Михайловна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой музееологии Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова

Новиков Алексей Валентинович, к.и.н., доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Омельянчук Игорь Владимирович, д.и.н., профессор Владимирского государственного университета

Потолов Сергей Иванович, к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН

Пушкарева Ирина Михайловна, д. и. н., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Репников Александр Витальевич доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории г. Москва

Сизинцева Лариса Ивановна, к.и.н., г. Кострома

Сулоев Иван Николаевич, аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Темницкий Александр Лазаревич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Шильникова Ирина Вениаминовна, к.и.н., доцент кафедры экономической методологии и истории Государственного университета – Высшей школы экономики г. Москва

Научное издание

**Рабочие – предприниматели – власть
в конце XIX – начале XX в.:
социальные аспекты проблемы**

**Материалы V Международной научной конференции
Кострома, 23–24 сентября 2010 года**

ЧАСТЬ I

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка

Подписано в печать 23.08.2010.

Формат 60x90/16.

Уч.-изд. л. 11,1.

Тираж 100 экз.

Изд. № 140.

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, д. 14